

Вознесенский

Эв.

Экономич. переворот
в зап. Европе.

W $\frac{197}{350}$

197
350 **В СЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

СЕРИЯ УЧЕБНИКОВ С ХРЕСТОМАТИЧЕСК.
МАТЕРИАЛ. ЛЕНИНГРАДПОЛИТПРОСВЕТА

Выпуск IX

С. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РЕФОРМАЦИЯ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД :: 1925

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
--------------------	--------	---	--------	------	----------	---------------	---------------------

1871

13

вн IX

120

120
328

✓ ~~372~~
34
W 197
350

С. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РЕФОРМАЦИЯ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД :: 1925

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Экономический переворот.

I. Итоги экономического развития средневековой Европы.

Сущность экономического переворота XVI в. — На рубеже XV и XVI веков Европа пережила глубокий экономический переворот, наложивший яркую печать на все положительно стороны европейской культуры. Именно к этой эпохе относится смерть средневековья с его феодализмом и рождение нового времени, характеризующееся развитием торгового капитализма. Сущность этого переворота заключалась в том, что европейцы захватили в свои руки почти целых три части света: Африку, Южную Азию с ее островами и Америку, до тех пор совершенно для них недоступные. Разграбление этих изумительных по своим естественным богатствам стран и дало мощный толчок переходу Европы в капиталистическую эру.

Дифференциация средневекового хозяйства и возникновение товарно-денежных отношений. — Великие географические открытия не были, однако, случайностью, а, напротив, явились естественным результатом предшествовавшего хозяйственного развития Европы. Как известно, средневековый феодализм имел своей экономической основой натуральное хозяйство. Поместье, центром которого был замок феодала или монастырь, с его крепостными крестьянами и крепостными ремесленниками, представляло собой самодовлеющее целое, вело на первых порах совершенно самостоятельную жизнь.

Но уже в XI—XII веках, местами и ранее, стали повсюду в Западной Европе распространяться товарно-денежные отношения, явившиеся следствием начавшегося в обществе разделения труда.

Рост населения в связи с истощением запаса свободных удобных земель (эксплуатация неудобных земель, при тогдашнем очень низком уровне техники, была совершенно недоступна) заставил отказаться от характерного для раннего средневековья повсеместного однообразия хозяйственной деятельности и тесно связанной с ней семейной формы производства. Начинается большее приспособление экономических занятий населения к местным природным условиям, так как только при такой специализации стало возможно теперь добыть необходимые средства к существованию. Хлебопашество, ранее безраздельно царившее по всей Европе, во многих областях уступает первое место другим отраслям добывающей промышленности. В горных местностях жители начинали заниматься преимущественно разработкой руды, а в местностях, лежащих близ соленых озер, — солеварением, так как эти занятия доставляли здесь гораздо больше выгод, чем земледелие. В приозерных и приморских областях, по тем же мотивам, распространялось рыболовство. Природа Фландрии и Фрисландии, а также Англии способствовала развитию скотоводства, в частности разведению овец, дававших особенно ценную шерсть.

Само земледелие также дифференцируется. Во Франции, в долине Роны и в Шампани, а также в прирейнских и мозельских областях Германии, благодаря особенностям почвы и климата, преобладающее значение приобретало виноградарство. Хлебопашество, таким образом, оставалось главным занятием населения лишь там, где не было других естественных богатств или где условия для него оказывались наиболее благоприятными.

Параллельно дифференциации в области добывающей промышленности, включая сюда и сельское хозяйство, приводившей к распадению данной страны на ряд специализировавшихся на определенном производстве районов, шел процесс выделения обрабатывающей промышленности из семейной формы производства в ремесло, удовлетворявшее не внутренним потребностям самодовлеющего хозяйственного организма — крестьянского двора или феодального и монастырского поместья, — а нуждам рынка. Центрами ремесленной деятельности, как и рынками для сбыта сырья из прилегающих деревень, постепенно становились города. Последние обыкновенно возникали или около замка крупного сеньора или, чаще, около монастыря, который славился „чудотворными“ мощами, т.-е. в пунктах, куда время от времени стекалось много народа. Те из городов, которые были расположены на удобных путях сообщения, например

у больших рек или около морских бухт, быстро развивались, подчиняя своему влиянию огромные районы.

Появление денег как средства обмена и как эквивалента всех обращающихся на рынке товаров.—Обмен, естественно возникший из новой структуры производства, все более и более подчинявшегося рыночному воздействию, вызвал появление нового вида товара — денег. Монеты, унаследованные от греко-римского мира, в раннее средневековье большею частью являлись украшениями или лежали под спудом, в тайниках, лишь в редких случаях циркулируя в обращении. Теперь они снова выходят на свет, начиная выполнять свою основную функцию — служить средством обмена и эквивалентом всех обращающихся на рынке товаров. В каждом городе на центральной площади, к которой вели начинавшиеся у городских ворот главные улицы, обычно вблизи входа в собор, стояла скамейка менялы — „банко“, где разменивались, продавались или покупались ходившие тогда разного чекана, размера и достоинства деньги. Из этих скамеек менялы, с дальнейшим развитием торговли, в XIV и XV веках возникли первые кредитные учреждения — банки, много облегчавшие дальнейшее расширение товарообмена.

Социальные последствия общественного разделения труда и появления торговли.—Общественное разделение труда и вызванная им торговля резко изменили социальный строй в Западной Европе. Наряду с двумя прежними классами общества — феодалами-землевладельцами и наследственными арендаторами их земли, крестьянами, возник новый класс — буржуазия¹, состоявшая из ремесленников и купцов. Единственной экономической силой в раннее средневековье было землевладение, от размеров которого зависели все социально-политические привилегии. Теперь этой силой становится и денежный капитал, складывавшийся преимущественно в сфере торговли. Обычно ремесленники, благодаря незначительности своего производства, достигали только умеренного благосостояния. Не то было с купцами. Торговые операции могли расти безгранично и давали огромную прибыль. Обмен шел не только между городом и прилегающим к нему округом, но, развиваясь, и между разными, отдаленными одна от другой, местностями в стране и даже отдельными странами. Немудрено, что исключительное господство феодала начинает оспаривать именно купец, экономическая

¹ От немецкого слова бург — город. Отсюда городские жители в Германии назывались бюргеры, во Франции — буржуа.

мощь которого непрерывно росла вместе с ростом торговли. Города, во главе которых стояло богатое купечество, частью оружием, частью при помощи денег, сбрасывают с себя феодальную зависимость от светских и духовных сеньоров. В некоторых случаях они становятся самостоятельными городами-государствами с республиканским устройством; так было, например, в Северной Италии и отчасти в Германии; в большинстве же стран им предоставляется лишь автономия и чисто-гражданские вольности. Но и тут и там, таким образом, феодальное право переставало стеснять свободу торгово-промышленной деятельности.

Торговля с Левантом¹ и рост накопления капиталов.—Особенно сильный толчок экономическому подъему торговой буржуазии дала торговля с Левантом, пышно расцветшая со времени крестовых походов. Известно, что полчища рыцарей, шедших на освобождение „гроба господня“ из рук неверных, сопровождалась толпами купцов, которые, как коршуны, выслеживали добычу. Европейскому рыцарю, однако, не удалось покорить силой арабский Восток, державший в своих руках сношения с таинственными, манившими своими баснословными богатствами Индией и Китаем. Зато европейский купец достиг того, что с арабами установились прочные торговые связи.

Торговля с Левантом сделалась источником обогащения в особенности итальянских городов, самыми крупными из которых стали Венеция и Генуя, превратившиеся в настоящие морские державы. Средиземное море снова стало играть ту исключительную роль в международной экономике, какая принадлежала ему в греко-римскую эпоху. По мере роста своего значения, итальянские города втягивали в круг своих торговых операций и соседние страны, в которые и были проложены теперь торговые пути. Один шел морем через Гибралтарский пролив мимо Франции и Англии во Фландрию, другой—от Лионского залива по Роне и Сене вглубь Франции и по Мозелю и Рейну, в Немецкое море, третий—чрез Альпы на Рейн. Второе место после Италии, по своему торговому значению, приобрела Германия. В ней, по верхнему Дунаю и Рейну возник целый ряд крупных городов, а на берегах Немецкого и Балтийского морей образовалась знаменитая Ганза, снабжавшая получавшимися из Италии восточными товарами все страны северной Европы: Англию, Данию, скандинавские

¹ Под Левантом в средние века разумелось восточное побережье Средиземного моря: Малая Азия, Сирия и Египет, захваченные в VII—VIII вв. арабами.

государства, В.-Новгород. Дорогие материи, преимущественно шелковые, оружие, украшения из драгоценных металлов, стеклянные изделия, курения и благоухания, пряности, лекарства, фрукты, вина, лошади, — все это вывозилось итальянцами с Востока и все в большем и большем количестве распространялось по Европе.

Расширение рынка и возникновение товарно-домашней и мануфактурной форм производства. — Другим следствием торговых сношений с Левантом явилось перенесение в Италию, а затем в другие страны, многих отраслей обрабатывающей промышленности, как, например, производства шелковых и хлопчато-бумажных тканей и изделий из стекла, до тех пор совершенно неизвестных, а также расширение почти всех ранее существовавших ремесл. Дело в том, что восточные товары стоили дорого, а изготовление некоторых из них в Европе, хотя бы из доставлявшегося с Востока сырья, способствовало их удешевлению, а вместе с тем делало их более доступными для потребителей. Рост же производства туземных европейских изделий, особенно шерстяных и полотняных, вызывался тем обстоятельством, что за восточные товары приходилось платить товарами европейскими.

Ремесленная форма промышленности не всегда могла удовлетворить столь возросшему спросу, и за организацию крупного производства берется торговый капитал. Он создает товарно-домашнюю систему промышленности и мануфактуру. По этому пути впереди всех, естественно, идет Италия.

При прежней цеховой организации ремесла функции обладателя средств производства, т.-е. сырья, орудий труда и собственной мастерской, функции предпринимателя, бравшего заказы и нанимавшего немногих подмастерьев и учеников, и, наконец, функции рабочего, работавшего наравне с наемными рабочими, совмещались в лице мастера-ремесленника. С ростом рынка такой мастер-ремесленник постепенно утрачивает свое самостоятельное положение. Он начинает работать не на заказчика, а на скупщика, от которого затем получает и необходимое сырье и орудия труда. От настоящего рабочего его отличает лишь то, что он работает изолированно, в своей мастерской. Рядом с этой товарно-домашней формой промышленности обычно складывались и крупные мастерские — мануфактуры. От ремесленных мастерских они отличались не только своими размерами, но и своей организацией, основанной на разделении операций самостоятельного ремесленника между разными группами рабочих, что вело к значительному повышению производительности труда и уменьшению издержек производства.

На первых порах обе эти формы промышленности — товарно-домашняя и мануфактурная — часто были тесно связаны одна с другой. Так, во Флоренции в XIV в. компании торговцев, входивших в состав цеха суконщиков, в своих централизованных мастерских производили лишь подготовительные работы — очистку, чесание и промывание шерсти поденными рабочими; выделка же сукна передавалась ими ремесленникам, работавшим на дому. Насколько глубоко торговый капитал вообще захватил область производства, рассчитанного на широкий рынок, видно на примере той же Флоренции, где из 100.000 населения в XIV в. сукноделие занимало до 30.000 рабочих, распределенных между 200 крупных предприятий, которые закупали шерсть, преимущественно в Англии, и сбывали готовые ткани в европейских государствах и на Востоке. Таким же капиталистическим способом была организована и другая важная отрасль тогдашней промышленности — выделка шелковых тканей, особенно процветавшая в Лукке, а затем в Венеции, Генуе и других итальянских городах. В XIV и XV в. в. эти зачатки капиталистического производства зарождаются и в остальных странах Европы — особенно во Фландрии и в Германии. Так, в Нюрнберге в конце XV в. Кобергеры организовали настоящую централизованную типографскую мануфактуру, в которой было в ходу 24 стана и работало свыше 100 „подмастерий“: наборщиков, корректоров, печатников, переплетчиков, брошюровщиков, раскрашивальщиков.

Таким образом, капитал, сложившийся сначала в сфере торговли, в исходе средневековья стал захватывать и область промышленности. Но как ни были велики успехи торгового капитала итальянских городов, за которыми следовали верхне-германские города и города других стран, все же эти города являлись не более, как небольшими оазисами капиталистического развития среди огромных областей, продолжавших жить старыми формами хозяйства. Настоящее же накопление денежного капитала и полное разрушение им средневекового уклада экономики произошло в Европе лишь после великих географических открытий конца XV и начала XVI в. в. Самые эти открытия, конечно, были обусловлены предшествующей стадией экономического развития Европы, и только поэтому они смогли послужить толчком для дальнейшего роста ее производительных сил.

Образование на основе торгового капитализма национальных государств. — В раннее средневековье, когда основным капиталом являлась земля, государство обычно было территориально крайне незначительно и вообще очень слабо сплочено. В сущности, оно

представляло собой иерархическую федерацию целого ряда феодальных владений, обладатели которых в границах своих баронств и герцогств пользовались почти неограниченной властью и только во внешних сношениях подчинялись главе королевства. Этот глава, большею частью, ими же избирался или, в случае наследственной передачи короны, утверждался.

Развитие товарно-денежных отношений, приведшее к образованию буржуазии и росту ее экономического могущества, повело за собой переход феодальной монархии в сословную. Вместо зависимости от одних только крупных феодалов, королевская власть стала в зависимость от всех вообще феодалов и буржуазии, при чем эта зависимость наглядно выражалась в виде подчинения короля в сфере законодательства и налогов собранию сословных представителей. Эти собрания в разных странах носили разные названия: в Англии — парламента, во Франции — генеральных штатов, в Испании — кортесов. В эпоху сословной монархии королевская власть естественно сделалась значительно более сильной, чем раньше. Основой ее все более и более становились деньги, и весь военно-административный строй государства, покоившийся ранее на началах феодального землевладения, видоизменялся, согласно новым экономическим условиям. Вместо рыцарских ополчений, приводившихся графами и герцогами, короли создают постоянное наемное войско; вместо передачи правительственных функций в областях крупным феодалам, они вводят все увеличивавшийся штат чиновников, вознаграждавшихся денежным жалованьем.

Торговый капитал, по мере своих успехов, властно выдвигал требования национального единства и политической концентрации ¹, и королевская власть покорно приняла на себя эти задания. Теперь уже не отдельные города, а целые государства становились центрами торгово-промышленной деятельности, и правительства, естественно, должны были на первый план выдвигать интересы купца, подчиняя им интересы земледелия и ремесла. Развитие торговли, приносившей наибольшее количество денег, становится основной целью правительственной деятельности. Заключить выгодные торговые договоры, захватить важные торговые пути, а то и целые торговые области — вот чем руководствуется теперь международная политика главных государств Европы. В этом отношении и открытие морского пути в Индию и открытие Америки, вызвавшие настоящий

¹ Концентрация — сосредоточение.

переворот в хозяйственном строе Западной Европы, были делом рук нового национального государства, вступившего в эру колониальных завоеваний и тем создавшего мировой рынок.

II. Географические открытия конца XV и начала XVI в. в.

Обстоятельства, приведшие к географическим открытиям.—Основным фактором экономического развития Западной Европы в позднее средневековье была торговля с Левантом. Она служила главным источником обогащения итальянских городов, и на ней покоилось экономическое и политическое могущество самых крупных из них, Венеции и Генуи. Благодаря своему географическому положению эти города играли роль монополиста-посредника в торговых сношениях западных народов с восточными, и в их гаванях находила пристанище огромная флотилия судов, плававших под флагами различных государств романо-германского мира. Эти суда привозили сюда изделия европейского производства, предназначавшиеся для обмена с Востоком, и здесь получали восточные товары, которые доставлялись венецианцами и генуэзцами.

При таких условиях, естественно, все западно-европейские страны чувствовали большие стеснения в своей торговой деятельности, вынужденные щедро оплачивать посредничество итальянских купцов. Последние, обычно, покупали у них по низким ценам и продавали им по высоким. А так как развитие торговли, помимо всего прочего, зависит в значительной мере от покупательной способности потребителя, а эта покупательная способность, в свою очередь, обуславливается, хотя бы отчасти, дешевизной товаров, — то перед всеми государствами Западной Европы, в конце концов, встала задача — отыскать новые, более выгодные пути восточной торговли.

Нужда в этом достигла особенной остроты, когда арабы, игравшие на Востоке ту роль, какая в Европе выпала на долю итальянцев, стали слишком злоупотреблять своим монопольным положением. Держа непосредственно в своих руках торговые сношения с Персией, Индией и Китаем, они пробовали искусственно сокращать выпуск восточных изделий на европейский рынок и тем невероятно вздували цены.

Но еще более ухудшились условия левантской торговли после того, как арабский Восток подчинился туркам,

которые в 1453 г. взяли и Константинополь. Турки совершенно прекратили для европейских купцов всякий доступ внутрь Азии, положив конец свободному проходу венецианцев и генуэзцев чрез свои малоазийские владения, а также вытеснив их и с побережья Черного моря, где у них в Кафе (что теперь Феодосия) был бойкий торговый центр.

Стремление турок всецело монополизировать в своих руках всю торговлю с Левантом вызвало в Европе настоящий торговый кризис, заставивший ряд юго-западных стран Европы, омываемых Атлантическим океаном, уже серьезно взяться за поиски новых и, по возможности, прямых путей на Восток, особенно в манившую своими сказочными богатствами Индию. И здесь главную роль начинают играть не Италия, дарившая на Средиземном море, а Португалия и Испания.

Первые колониальные предприятия Португалии и Испании.—Географическое положение Португалии и Испании не менее, чем положение Италии, способствовало развитию в них мореплавания. Но последнее не могло стать значительным, пока торговля с Левантом шла чрез Средиземное море, где господствовали итальянцы. Только упадок торговых сношений в восточной части Средиземного моря выдвинул эти две страны на первый план, тем более, что как раз с XIV века обе они стали развивать у себя промышленное производство и уже нуждались в рынках сбыта. Непосредственным поводом к морским предприятиям португальцев и испанцев послужило, однако, не стремление установить прямые связи с Индией, а борьба с маврами. Если арабы в восточной части Средиземного моря монополизировали торговлю с Италией и чрез ее посредство со всей Европой, то в западной части этого моря их соплеменники, известные здесь под именем мавров, считали наиболее выгодным для себя источником дохода пиратство. Захватив Марокко, они выстроили на берегу Гибралтарского пролива две гавани, Танжер и Цеуту, представлявшие собой настоящую засаду, в которую попадали торговые суда, шедшие в Италию или из Италии.

Борьба с пиратами и заставила Португалию и Испанию снарядить первые морские экспедиции. Еще в конце XIV в. купцы Андалузии и других южных испанских провинций, с разрешения кастильского короля Генриха III, предприняли морское путешествие к западным берегам Африки, достигнув Канарских островов, которые они сильно разграбили. По их следам пошел потомок норманских рыцарей, породнившийся с кастильским дворянством, Жан Бетенкур, завоевавший Канарские острова в 1402—1405 г.г.,

и отсюда высадившийся на западном берегу Африки, южнее мыса Нуна, в области, названной Золотой Берег. Канарские острова, повидимому, должны были служить опорным пунктом в борьбе Кастилии и других государств Пиренейского полуострова с маврами.

Вслед за тем португальцы, предприняв завоевание северного побережья самого Марокко, овладели в 1415 г. Цеутой, а в 1471 г. и Танжером. С этого времени здесь завязался оживленный товарообмен: сюда приезжали арабские купцы не только с берегов Красного моря, но и из Судана, еще менее известного Европе, чем сказочный Восток.

Особой энергией и предприимчивостью в морских экспедициях отличался португальский принц Генрих, прозванный Мореплавателем (1390—1460 г.г.). Благодаря добытым им, главным образом у арабов, сведениям, выяснилось, что Индия лежит на востоке от Африки и что сама Африка, ранее представлявшаяся наполовину ее настоящей величины, служит как бы преддверием в царство восточных богатств.

Португальцы при Генрихе Мореплавателе мало-по-малу обогнули Зеленый мыс и попали на Гвинейский берег с его золотыми россыпями, а оттуда дошли до границ Сахары. Уже эти первые путешествия создали новые рынки для сбыта европейских товаров, в обмен на которые в Европу доставлялось золото и слоновая кость. Но главное значение их заключалось в том, что они подготовили почву для великих географических открытий конца XV в.

Открытие португальцами морского пути в Индию.—После смерти Генриха Мореплавателя во главе новых морских предприятий португальцев стал король Иоанн II. Важнейшей целью теперь ставилось достижение восточного берега Африки, где находилась, по тогдашнему представлению, Индия. Для специального обследования южного африканского побережья Иоанн в 1484 г. снарядил экспедицию Диэго Кама и знаменитого „нюрнбергского географа“ Мартина Бегайма. Кам открыл реку Конго и значительную часть ее изучил, но пути на Восток ему найти не удалось. Вскоре, однако, Иоанн II получил из уст абиссинских священников, прибывших в Испанию, и португальских монахов, побывавших в Иерусалиме, новые подтверждения о существовании к югу от Египта большого христианского государства, простиравшегося до Индийского океана. Была снаряжена в 1486 г. новая экспедиция, во главе которой стал Бартоломео Диас. Ему поручалось открыть путь в Индию, обогнув африканский материк. Диасу удалось, наконец, достигнуть юга Африки, конечный

пункт которого был назван мысом Доброй Надежды. После этого он вернулся в Португалию, где Иоанн II стал готовить новую грандиозную экспедицию.

Эта экспедиция, однако, была предпринята уже при преемнике Иоанна II, Мануэле. Она состояла из четырех кораблей, с экипажем в 150 человек, под командой Васко-де-Гама. Отплыв в море в 1497 г., Васко-де-Гама быстро обогнул западные берега Африки и, достигнув мыса Доброй Надежды, повернул на восток. На восточном побережье Африки он встретил ряд стран: Мозамбик, Занзибар, Момбассу, Мелинду, населенных арабами, которые отнеслись к европейцам крайне враждебно: они понимали, что открытие последними пути в Индию нанесет непоправимый удар их собственной торговле. Васко-де-Гама принужден был отказаться от дальнейших остановок у берегов Африки и взять курс на восток, выйдя таким образом в открытое море. При этом на месте последней стоянки кораблей, в Мелинде, ему посчастливилось получить опытного туземного боцмана, благодаря которому в три недели он, наконец, достиг, 20 мая 1498 г., первого города в Индии, Каликута.

Вначале португальцы были встречены дружелюбно как местным могущественным раджей, так и жителями. Но затем между ними начались враждебные столкновения под влиянием арабов, убедивших туземцев в том, что Васко-де-Гама намерен завоевать всю их страну. Последний поспешил оставить Каликут и отправился в обратный путь. Вынеся ряд бурь в Индийском океане и потеряв большую часть экипажа, он 29 августа 1499 г. прибыл в Лиссабон, где король и население устроили ему торжественную встречу. Васко-де-Гама привез с собой множество драгоценностей и пряных продуктов, которые свидетельствовали, что он побывал в том сказочном царстве, куда доступ европейцам со стороны Средиземного моря был загражден турками.

Сейчас же по возвращении Васко-де-Гама Португалия снарядила в Индию флот из 13 кораблей с 1.500 человек, под начальством Кобраля. Последний достиг не только Каликута, но также Кочина и ряда других важных торговых центров на Малабарском берегу. Однако, вторичный приход португальцев в Индию вызвал между ними и туземцами настоящую войну. Кобраль, тем не менее, укрепился в некоторых пунктах побережья настолько прочно, что сумел завязать торговые сношения с областями, лежавшими внутри материка. Настоящее же утверждение господства португальцев в Индии началось при Альбукерке, который в 1505 г. был назначен губернатором всех восточных вла-

дений Португалии. При нем португальцы основали свои фактории в Гоа, Диу, на островах Малакке, Макао, Цейлоне. Его усилиями в 1511 г. были открыты также Молуккские острова, представлявшие собой богатейший рынок пряных продуктов. Он, наконец, нашел морской путь в Ормуз и овладел этим важным торговым центром у входа в Персидский залив. Таким образом, Альбукерк явился настоящим основателем колониального могущества Португалии.

Открытие Колумбом Америки. — Заморские открытия португальцев заставили энергично выступить на путь колониальных завоеваний и испанское правительство, особенно во времена Изабеллы Кастильской. Пользуясь тем, что Португалия, упорно искавшая морского пути в Индию на востоке, не достигла еще своей цели, Изабелла принимается за осуществление нового проекта, представленного ей генуэзским мореплавателем, Христофором Колумбом. Колумб так же, как и Васко-де-Гама, предложил найти путь в Индию, но, убежденный в шарообразности земли и подозревая о существовании огромного материка — Америки, полагал, что он скорее достигнет берегов восточной Азии, если поплывет на запад, а не на восток. Приобретший в долгие годы плавания по Средиземному морю большой опыт в морском деле, он в то же время основательно изучал географию и астрономию, читал записки различных путешественников, особенно Марко Поло, подробнее других описавшего страну великого Могола, под властью которого, по тогдашнему представлению, была и Индия. Кроме того, Колумб находился в деятельной переписке с Тосканелли (1394—1482) и пользовался его указаниями в составлении своего проекта достижения Индии западным путем. Для современников этот проект казался фантастическим, особенно после открытия мыса Доброй Надежды: не даром его отвергли при португальском дворе, куда впервые обратился Колумб. Соперничество с португальцами испанцев, однако, обеспечило ему поддержку со стороны последних.

Верил ли сам Колумб в возможность найти Индию западным путем? Новейший исследователь вопроса об открытии Америки, Виньо, дает на это отрицательный ответ. Прекрасно осведомленный в географии, Колумб был твердо убежден, что на западе, по ту сторону Атлантического океана, должен находиться новый, никому неизвестный материк. Но перспектива открыть неведомую землю в то время, как все стремились овладеть путем на Восток, представлявшийся европейцам в виде естественного продолжения Африки, — никому не улыбалась, и едва ли какое-либо правительство согласилось бы поддержать Колумба. Вполне

сознавая это и не желая вместе с тем отказаться от мысли плыть на запад, Колумб, по словам Виньо, говорил всем о своем стремлении якобы пройти новым путем в Индию.

Флотилия Колумба отплыла 3 августа 1492 года из маленького испанского городка на Средиземном море, Палоса, направившись в опасное путешествие чрез Атлантический океан.

Надо иметь в виду, что это был первый случай плавания в совершенно открытом море, так как до того португальцы в своих путешествиях, придерживаясь берегов Африки, почти не теряли из глаз твердую землю. Через несколько месяцев Колумб первый заметил первую заатлантическую территорию — остров, получивший название Сан-Сальвадора. Отсюда он открыл Багамские и часть Антильских островов. Внешность их, богатство природы и масса золота у туземцев, напоминали известные описания Востока. Немудрено, что по возвращении Колумба из этого первого его путешествия Испания отпраздновала открытие пути в Индию, назвав встреченные Колумбом острова Вест-Индией. В своих трех следующих путешествиях Колумб исследовал архипелаг Карибского моря и часть берега Южной Америки. Он спустился несколько на юго-запад, к территории, называющейся теперь Гондурасом, и окончательно убедился в том, что открытая им земля является совершенно новой и что только теперь ему предстоит отыскание западного пути в настоящую Индию. В то же время он решил — и совершенно правильно, что такой путь лежит к югу, для чего и следует обогнуть новый материк. Ближайшей азиатской территорией на пути в Вест-Индию должны быть Молуккские острова. Таким образом, им была намечена та самая дорога, по которой прошел в 1519—1521 г.г. Магеллан, совершивший первое кругосветное путешествие, что, между прочим, окончательно убедило ученых в шарообразности земли. Как известно, он обогнул южную конечность Америки через пролив, получивший название Магелланова, и после долгих странствований добрался до западных берегов Азии. Новый материк, существование которого было теперь окончательно констатировано, получил название Америки, по имени итальянца Америго Веспуччи, побывавшего здесь несколько раз после Колумба и подробно описавшего новые страны.

Захват европейцами новых земель и первые колонии. — Заморские путешествия, имевшие целью непосредственно связать Европу с Востоком, вызвали захват европейцами новых, открытых ими земель. Мы уже знаем, что португальцы, помимо захватов на восточном берегу Африки, прочно обосновались в самой Индии. Еще ранее,

в 1500 г., по дороге в Ост-Индию, Кабраль, отнесенный ветром далеко на запад, открыл, благодаря этому, Бразилию и занял ее от имени Португалии. Но больше всего захватили в Южной Америке испанцы.

В 1513 г. знаменитейший после Колумба из „рыцарей океана“, испанец Васко Нуньес де-Бальбоа перешел Панамский перешеек и открыл Тихий океан. Таким образом, была получена возможность обследовать на-ряду с западным и восточный берег Америки, а затем оба их подчинить испанской короне.

В 1519—1521 г.г. Кортес с небольшим отрядом завоевал огромную территорию Мексики, особенно богатую серебром. В 1535 г. Пизарро, спустившись к югу из Панамы по Тихому океану, легко захватил другое большое государство Америки, Перу, изобиловавшее золотом. При этом обе старинные цивилизации ацтеков и инков, с их великолепными дворцами и храмами, были разгромлены до основания. Вскоре затем помощник Пизарро, Альмагро занял Чили. Несколько позже испанцы в поисках „презренного металла“ направились к югу и востоку от Чили и расползлись по всей южной Америке.

Все эти приобретения были делом двух государств, Португалии и Испании, превратившихся в настоящие колониальные державы. Чтобы предотвратить возможность столкновений, Португалия, после первого же путешествия Колумба, вступила в переговоры с Испанией о размежевании между ними сфер их влияния. Окончательное разрешение этого вопроса было предоставлено папе Александру VI, который в 1494 г. установил между владениями обоих государств разграничительную линию, шедшую по Атлантическому океану на 370 миль от Зеленого мыса. Португалия получала, таким образом, западную половину, а Испания—восточную.

Одновременно с тем, как испанцы и португальцы утверждались в Центральной и Южной Америке, в Северной Америке стали появляться англичане и французы. Земли здесь были очень плодородны, но в них на первых порах не находили еще золота, а поэтому испанцы считали их „ненужными странами“ и ничего не имели против захвата их другими народами. Уже в 1497—1498 г.г. венецианец Кабот на английских кораблях достиг Лабрадора и открыл восточное побережье Северной Америки; а в начале XVI в. французы добрались до устья реки св. Лаврентия и Канады. Конечно, эти последние приобретения в те времена не имели еще такого значения, как колонии португальцев и испанцев.

Научные изобретения, способствовавшие географическим открытиям. — Великие географические открытия конца XV и начала XVI вв. совпали с эпохой возрождения в Европе наук и искусств, которое, в свою очередь, было обусловлено расцветом в позднее средневековье торгового капитала, создавшего богатые города с их повышенной культурной жизнью. Благодаря этому сильному умственному движению значительно облегчалась и задача отыскания путей в Индию. Ко времени деятельности Генриха Мореплавателя наука, бывшая в эпоху феодализма „служанкой богословия“, окончательно секуляризируется¹ и достигает известной высоты. В это время, математические и астрономические знания, например, настолько усовершенствовались, что первые путешественники, осмелившиеся плыть в открытом океане, имели уже географические карты, более или менее точно определявшие местоположение тех или иных стран. Особенно существенную пользу морским предприятиям оказал компас, ставший известным в Европе еще в XIII в., но нашедший применение лишь в XIV в., после того как его усовершенствовал итальянец Флавио Джойя. Значение этого изобретения окончательно выяснилось во время первого путешествия Колумба, когда, в виду свойства намагниченной стрелки поворачиваться к северу, ему легко удавалось ориентироваться в открытом море не только днем, но и ночью и даже во время тумана. Вполне справедливы, поэтому, слова Гердера, что „с компасом европеец открыл мир“.

Другим изобретением, оказавшим столь же большую услугу морским предприятиям, был порох. Его применение на практике относится к XIV в., когда правительства, ранее всецело зависевшие от закованных в латы феодально-рыцарских ополчений, получили возможность, благодаря развитию товарно-денежных отношений, перейти к постоянным армиям, вооруженным пушками и ружьями. Огромные расходы, связанные с содержанием и вооружением войска, покрывались теперь денежными налогами, сменившими прежние натуральные подати. Огнестрельное оружие, разрушившее ранее неприступные замки феодалов в Европе, много способствовало и созданию колониального могущества Европы в Новом Свете. Теперь сотня хорошо вооруженных по новому образцу европейцев могла быстро завоевывать целые страны у туземцев, не имевших никакого понятия о свойствах пороха и расстреливаемых, как дичь, издалека.

¹ Секуляризировать — значит — взять что-либо из ведения церкви и вообще религии, сделать светским.

Известную роль в деле закрепления за европейцами колоний сыграло и третье великое изобретение эпохи Возрождения — книгопечатание. В 1440 г. был изобретен подвижной шрифт, позволивший печатать книги в любом количестве и в любом размере, что чрезвычайно их удешевило. В 1455 г. Гутенберг выпустил первую печатную книгу — библию. Когда завоевание колоний за океаном было закончено, конкистадора с огнестрельным оружием, убивавшего сопротивлявшихся туземцев, сменил монах с крестом и евангелием в руках, который старался поработить душу у покорившихся туземцев, склонить их пассивно переносить земной гнет европейцев в надежде на избавление и награду за гробом. Правда, миссионерская деятельность на первых порах туго подвигалась вперед. Когда захваченного в плен вождя туземцев на о. Кубе Гатуга монах убеждал креститься, тот, узнав, что и на том свете будут белые, категорически отказался от крещения. Впоследствии, однако, упорство туземцев было сломлено, и в этом деле не последнюю роль сыграла библия.

III. Социально-экономические последствия открытия Америки и морского пути в Индию.

Изменение путей мировой торговли и перемещение торговых центров в Европе. — Установление двух великих морских путей, чрез Атлантический океан в Америку и вокруг Африки — в Индию, в короткий промежуток времени изменило весь характер торговых отношений в Европе. Прежде всего, перемещается самый центр международного обмена. Место внутренних морей, Средиземного, Немецкого и Балтийского, занял Атлантический океан. Италия и соединенная с нею речными путями Южная Германия, игравшие до сих пор первенствующую роль в торговле восточными товарами, теряют свое преобладание, и господствующее положение переходит к странам, которые граничили с океаном: сперва к Португалии и Испании, а затем к Голландии, Франции и Англии. Все эти государства поочередно в течение целых трех веков вступали друг с другом в борьбу из-за преобладания в международной торговле, „из-за скипетра, выпавшего из рук итальянцев“.

Самый способ торгового движения меняется: из сухопутной торговля становится по преимуществу морской. Естественно поэтому, что именно теперь мореплавание стало быстро развиваться, а вместе с ним и техника корабле-

строения значительно шагнула вперед. Вместо мелких судов каботажного плавания¹ строятся гигантские океанические корабли. На этих кораблях европейские купцы могли теперь без посредства арабов любыми партиями получать восточные продукты и продавать их в Европе по более дешевой цене, способствуя тем самым их большему распространению. Помимо индийских пряностей и американского золота и серебра, на европейском рынке появились массы неизвестных до того предметов, вроде какао, картофеля, табаку, кофе, чая, хинина, саго, ананасов и др. В громадных количествах стали доставляться сахар, хлопок, маис, кофе, красильные вещества и пр. „Явилась возможность, — пишет современник, — даже не будучи богачом (!), украшать свою гостиную дамасскими тканями, устилать в ней пол персидскими коврами, одеваться в платья из индийских материй, пить из японского фарфора китайский чай, смаковать кофе мокко и мартиник с сахаром из Сиамы и с Антильских островов, затягиваться ароматом гаванской сигары, приправлять свои кушанья пряностями с Молуккских островов, украшать свой сад деревьями и растениями с мыса Доброй Надежды или с Новой Голландии“. Главным пунктом европейской торговли колониальными товарами сделались Нидерланды, принадлежавшие испанской короне, куда свозились индийские продукты из Португалии и американские из Испании и откуда они отправлялись во все страны Европы.

Колониальное хозяйство, как арена колоссального роста первоначального накопления капиталов в Европе. — Торговля с Левантом, развившаяся во вторую половину средневековья, создала экономическое могущество итальянских городов и способствовала образованию в них значительного денежного капитала и влиятельной торгово-ростовщической буржуазии. Через посредство Италии в международный торговый оборот постепенно втягивались и другие европейские страны, но в общем этот процесс шел крайне медленно, за исключением, разве, верхней Германии. Экономическое развитие Европы, напротив, стало двигаться чрезвычайно ускоренным темпом лишь после того, как европейские государства вступили на путь колониальной политики. Только эта политика могла создать те колоссальные состояния, которые начали образовываться, начиная с XVI века, и которые поставили на совершенно новые рельсы весь дальнейший ход экономического развития Европы.

¹ Каботаж — прибрежное судоходство.

Во все предшествующие эпохи, по выражению Пешеля, „культура постоянно стремилась на Запад, золото и серебро всегда шли на Восток“: культуру приходилось оплачивать звонкой монетой. Не даром уже Римская империя чувствовала большой недостаток в благородных металлах, которые уходили из Италии в обмен за персидские ковры и индийские пряности. Торговля с Левантом в позднее средневековье также в значительной мере выкачивала из Европы денежные средства, запас которых неуклонно истощался; между тем, как раз в это время, натуральное хозяйство уже начинало себя изживать, а благодаря этому спрос на деньги все более и более увеличивался. Наоборот, в эпоху, в какую Европа вступала в XVI в., роли Востока и Запада переменялись: Запад понес „культуру“ на Восток и потребовал за это неслыханную цену.

Действительно, открытие Америки и морского пути в Индию отдало почти весь земной шар в распоряжение европейцев, которые как саранча хлынули в колонии. Сюда их влекла жажда быстрой наживы и прежде всего золото и серебро, тысячелетиями копившиеся в одряхлевшей Азии и скрытые в недрах девственной Америки. Идея феодальной экономики — удовлетворение собственных потребностей собственным трудом, — подорванная поздним средневековьем, окончательно уступила место капиталистическому принципу обогащения ради обогащения. Классическим субъектом этой новой идеологии, создавшейся на рубеже, отделяющем средневековье от нового времени, может служить основатель самого крупного в те времена банкирского дома, Яков Фуггер. В своем дневнике Антон Фуггер передает об очень характерных разговорах этого Якова Фуггера с другим крупным представителем торгового капитала, Иере Турцо, который еще не успел выработать в себе чисто капиталистические стремления. „Известно,—пишет Антон,—что покойный господин Иере Турцо отправился на покой, поселился в Аугсбурге и хотел совсем бросить торговлю; неоднократно он говорил покойному господину Якову Фуггеру, что не хочет ни приобретать, ни терять... Мы должны устранимся, ибо, мол, достаточно долго мы приобретали: надо и другим дать приобретать... Но господин Яков Фуггер всегда отвечал ему: он малодушен... он же (т.-е. сам Фуггер) имеет совершенно другие взгляды и хочет приобретать, пока может“. Это безудержное стремление к стяжательству вызывало резкие осуждения у одних и зависть у других. „Деньги подчиняют все“,—жаловался Эразм Роттердамский, и „деньги—земной бог“,—возвещал Ганс Сакс. И действительно, в XVI в. жажда обогащения захватила очень широ-

кие слои населения, но вполне, без всяких ограничений, она могла проявиться только в колониях, на полном разграблении и беспощадной эксплуатации которых и создались первые колоссальные состояния в романо-германской Европе, как ранее это имело место в Римской империи.

В захваченных землях европейцы прежде всего занялись прямым грабежом, как наиболее доходным занятием, не требовавшим к тому же больших предварительных расходов. Захватив в 1511 г. Малакку, Альбукерк вывез из нее золотую добычу ценностью в миллион дукатов¹. Точно так же португальцы быстро разграбили и другие золотоносные области в Южной Азии и на прилегающих островах, откуда проникшие сюда ранее арабы получали золото на протяжении всего средневековья. Португальцам же достались и богатые золотые области Африки, которые до их прихода тоже эксплуатировались арабами. Но арабское господство не имело такого рокового значения для истощения благородных металлов в Южной Азии и Африке: „на что арабам потребовались века, европейцы совершили в десятилетия“. И это понятно, почему: в Европе, в эпоху интенсивного развития товарно-денежных отношений, слишком остро, как было уже сказано, стал ощущаться недостаток в благородных металлах.

Огромную добычу захватили и испанцы в Америке. Количество благородных металлов, полученных при завоевании мексиканской столицы и потом переплавленных, равнялось 19.200 унциям или 131.000 пезетам², при чем к этому нужно присоединить сокровища царя Монтезумы, представлявшие в слитках ценность в 162.000 пезет. При взятии перуанской столицы Куско, добыча испанцев составила 242.160 кастеллано золота и 83.560 марок³ серебра, да при этом они взяли еще выкуп за царя Атагуальпу, равнявшийся 1.326.539 пезет золота и 51.610 марок серебра, т.-е. столько золота, сколько вмещала в себе комната, где его держали в плену. Добыча в Куско и выкуп за Инку на современные золотые деньги составляли свыше 33 миллионов марок.

Правда, такие количества награбленных драгоценностей являлись исключительными, но все же и прочие экспедиции

¹ Дукат — золотая монета, впервые появилась в Венеции в 1284 году. Она называлась также цехином, от ла Цекка — монетный двор в Венеции. Дукаты нашли широкое распространение и за пределами Венеции.

² Испанская серебряная монета, равная 25 коп.

³ Марка — первоначально количество монет, имевшее весом 8 лотов или 16 унций. В Германии марка стала также монетной единицей, равной около 46 коп.

испанцев доставляли в их руки большие сокровища, которые копились, быть может, тысячелетиями. Так, поход, организованный в 1535 г. банкирским домом Вельзеров во внутреннюю область Венецуэлы, доставил 40.000 пезет золотом, полученных из жилищ и гробниц или в качестве выкупа от туземных князьков. При другом походе у одного племени было захвачено 140.000 пезет чистого золота и 30.000 пезет менее ценного.

Помимо грабежа, каким сопровождалось завоевание колоний, туземное население подвергалось всевозможным вымогательствам и после своего замирения. С него взимались дани, оно облагалось налогами. Отдельные лица получали из этого источника известную долю. Так, поместья, пожалованные в Перу испанским офицерам, давали им до 150—200 тысяч пезет ежегодного дохода. Фамилия Кортеса получила в качестве маркизства долину Оахака с населением в 17.000 душ, которое должно было платить 60.000 дукатов. Губернатор португальской колонии Мозамбик по истечении трех лет своего управления получил премию в 30.000 крузадо. О состояниях, нажитых путем грабежа, можно судить по следующим фактам: один финансовый агент голландской ост-индской колонии, умерший в 1709 г., оставил после 3—4 летней колониальной деятельности имущество в 300.000 талеров¹; губернатор Велькенир, возвратившись в 1741 г. в Европу после тоже четырехлетнего пребывания в колониях, привез с собою 5 миллионов гульденов².

Но, само собой разумеется, грабежи давали огромный доход преимущественно в первые времена по образовании колоний, когда в руках туземцев было много уже добытых благородных металлов. Естественно поэтому, что европейцы, приезжая в колонии, в дальнейшем начинали развивать в них и туземное производство, основывая громадные плантации или разрабатывая рудники. В XVI веке колонистами были преимущественно испанские и португальские дворяне, стремившиеся в короткий срок во что бы то ни стало разбогатеть, чтобы затем вернуться на родину. В зависимости от своего социального веса, они получали в колониях „лены“³, туземное население которых должно

¹ Талер—старинная серебряная монета в Германии и Австрии, равная 3 маркам.

² Гульден—старинная монета в Австрии и Голландии, равная 2 кронам (около 80 коп.).

³ Лен, или фео́д—название в средние века в Европе условного вида земельной недвижимости, находившейся в пользовании или временном „держании“ под условием выполнения держателем известной службы сеньору. В московском государстве лену соответствовало в известной мере „поместье“.

было поставлять для них даровую рабочую силу. В XVII в., когда волна колонистов несколько „демократизировалась“ и воспитание туземцев к труду на благо европейцев брали на себя уже не завоеватели рыцарского типа, а обыкновенные коммерсанты, передача в колониях земель и людей в пользование получила название „договоров об открытии“.

Но при всех формах, в какие отливались колониальные владения европейцев, результат был один и тот же — порабощение туземного — красного, желтого и черного населения. Испанцы в Америке обыкновенно заставляли индейцев отбывать 8—9-месячную барщину на сахарных плантациях и в рудниках или попросту облагали их оброком в виде определенного количества тех или иных продуктов, например, корней маниока. На кадика (главу племени) возлагалось обязательство понуждать своих людей к добровольному несению барщины и срочной уплате оброка. За уклонение индейцев избивали или продавали в рабство. Такие же формы эксплуатации были и у португальцев в их африканских колониях. Так, на острове св. Фомы уже в XVI в. встречались сахарные плантации со 150—300 негров и негритянок, работавших на своих хозяев 5 дней в неделю: субботу они могли трудиться для собственного существования. Система „вынужденных поставок“ широко практиковалась также голландцами при собирании гвоздики на Молуккских островах, при возделывании кофе и сахарного тростника на Яве, при добывании корицы на Цейлоне, при разведении мускатного дерева на островах Банда.

Труд на плантациях и в рудниках оказался в высшей степени губительным для красной расы, и индейцы стали массами вымирать. Угасание индейцев под гнетом европейского владычества в короткий срок Пешель сравнивает с „вытеснением видов животных на протяжении целого геологического периода“. Достаточно было в 1503 г. появиться на Ямайке первым испанцам, и уже в 1558 г. все индейцы здесь вымерли; в Эспаньоле в 1508 г. при завоевании было 60.000 туземцев, а в 1548 г. их оставалось всего 500. Быстро таяло также население Мексики и Перу. Вокруг же бриллиантовых россыпей португальцев в Бразилии создавалась искусственная пустыня на 100 миль в окружности.

Желтая раса была выносливее, но и она понесла крупные потери при столкновении с европейской эксплуатацией. Одна из провинций на о. Яве еще в 1750 г. насчитывала свыше 80.000 жителей, а в 1811 г. — уже только 8.000. Множество желтокожих было просто истреблено в наказание за свое непокорство. Так, в 20-х г.г. XVII в. по приказанию ком-

пании Зебценеров было избито до 14.000 людей на островах Банда.

„Но все это совершенно ступшевывается, — говорит Зомбарт, — перед гекатомбами негров, которые были принесены в жертву Молоху колониального хозяйства“. Негры оказались по своей физической организации наиболее выносливыми и к тому же, по своим психическим качествам, в высшей степени послушными. Немудрено, что европейцы не только начали усиленно эксплуатировать их в Африке, но и массами ввозить в Америку, заменяя ими слишком нестойких индейцев. Охота на негров в Африке и продажа их в европейские колонии быстро приобрела огромные размеры. При самом скромном из делавшихся историками подсчетов, экспорт „черного дерева“, как назывались негры-рабы, определялся в 100.000 голов ежегодно. Насколько выгодно было это занятие для христианских государств Западной Европы, показывает, например, такой факт: когда при заключении в 1713 г. Утрехтского мира Англии было предоставлено право ввозить рабов в испанские колонии, англичане расценивали этот параграф договора как самое крупное завоевание. Действительно, работорговля доставляла огромные барыши. Торговцы в Африке, если они не захватывали негров путем организации настоящих разбойничьих шпак, покупали их очень дешево: в центральных областях Гвинеи, например, можно было приобрести молодого сильного человека за кусок полотна или за один анкер¹ водки; за лошадь же негритянские князьки давали по 10—15 человек. А продажа негров в колонии в среднем доставляла 180—190% чистого дохода. В отдельных случаях этот процент значительно повышался. Так, корабль „Венера“ нагруженный 850 рабами, по прибытии на место продал их за 42.500 фунтов стерлингов, между тем как эти рабы обошлись при покупке всего в 3.400 фун., а накладные расходы составили 2.400 фун. Отсюда ясно, какое значение имела работорговля для накопления состояний, и понятно, что никто не гнушался прибылями от нее: еще в XVIII в., накануне французской революции, провозгласившей „права человека“, сам Вольтер владел акцией в 5.000 ливров на негроторговое судно, снаряженное в Нанте!

Самая эксплуатация в колониях рабского труда в производстве, при тогдашнем низком уровне техники, приносила также значительные барыши. Доход, даваемый одним рабом в течение года, определяли: для сахарных и кофейных план-

¹ Мера для вина вместимостью от 33 до 40 литров, равная половине русского ведра.

таций — в 30 фунт. стерл.¹, при возделывании хлопчатника — 25 фунт., на рисовых — 20 фунт., на табачных и хлебных 15 фунт. стерл. Другими словами, покупная цена раба обычно окупалась всего в два года, после чего раб в течение ряда лет приносил почти чистый доход, так как издержки на его содержание были крайне незначительны. Какова была степень угнетения рабов, видно из следующих слов Кернса: „В тех странах, где существует постоянный ввоз невольников, признается неопровержимым правилом невольничьего хозяйства, что действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человекообразного скота возможно большее количество труда в возможно короткое время. Поэтому именно в тропических странах, где годовой доход равняется часто всей стоимости плантации, жизнь негра приносится в жертву самым беспощадным, самым равнодушным образом“.

Третьим источником колоссального обогащения европейцев, на-ряду с грабежом во всех его формах и рабским хозяйством, являлась колониальная торговля. Основным методом ее было стремление посредством обмана или силы отнять ценные объекты у незащищенных туземцев. В течение средневековья метод этот практиковали арабы, и торговая эксплуатация ими восточных народов служила мощной опорой для их блестящей цивилизации. С XVI в. посредническая позиция арабов между Востоком и Западом была обойдена, и наследие царства калифов перешло к Западной Европе. Какие чудовищные надбавки делались арабами к ценам товаров, перепродаваемых далее, видно из того факта, что в XVI в. ост-индские товары в Лондоне стоили вдвое дешевле, чем в Алеппо. Но, конечно, португальцы и затем голландцы, заступившие в Ост-Индии место арабов, нисколько не отказались от возможности получения баснословных прибылей. Португальцы зарабатывали на своем экспорте „обыкновенно 400%“¹. Голландская ост-индская компания покупала перец по 1½—3 штюбера за фунт, а продавала его в Голландии по 17 штюберов. Компания же Гудсонова залива еще в начале XVIII в. сбывала туземцам товары с барышом в 2.000%. Колониальные торговцы выработали целую систему приемов, при посредстве которых удавалось выманивать у туземцев дорогие предметы, и особенно — золотой песок, слитки, слоновую кость и деньги, в обмен на вещи, не имевшие для них никакой ценности. Им, например, навязывали кружева, ленты, пуговицы, даже латинскую библию — и все это по бешеным ценам. Немудрено,

¹ Фунт стерлингов равен приблизительно 9 р. 45 коп.

что туземцы старались всеми мерами уклоняться от такого рода торговли. Так, жители Молуккских островов сами занялись уничтожением пряных деревьев, которые привлекали к ним европейцев. Португальцы и голландцы, чтобы обереечь своих купцов от ярости туземцев, всюду устраивали крепости, держали в них наготове гарнизоны, посылали карательные экспедиции.

Таково в общих чертах было хозяйничанье европейцев в основанных ими колониях, приведшее к накоплению в сравнительно короткий срок колоссальных богатств преимущественно в денежной форме.

Массовый наплыв в Европу драгоценных металлов и революция цен. — Эти богатства, сложившись в Южной Азии, Африке и Америке, в массе своей переходили в Европу. Особенно велик был приток благородных металлов с половины XVI в., когда в 1545 г. были открыты серебряные рудники Потози в Перу и в 1548 г. Закатека и Гванахуато в Мексике, при чем одновременно с этим было найдено средство отделения серебра от лигатуры с помощью ртути. Теперь горные предприятия Тироля, Богемии и Саксонии, несмотря на свои технические преимущества, отошли на задний план. В одно столетие, с 1500 г. по 1600 г., стоимость обращавшейся в европейских странах звонкой монеты увеличилась с 600 миллионов до 3 миллиардов 300 миллионов франков¹. Сокровища Нового Света, однако, не только заставили Европу увидеть наяву сон из тысячи и одной ночи, но и пережить тяжело потрясшую весь ее хозяйственный организм революцию цен.

Легкость, с какою стали добываться благородные металлы, повела за собой упадок их ценности, вследствие чего подешевели и деньги. По вычислениям Д'Авенеля, различная стоимость последних в XVI в., по сравнению с нынешними (золотыми и серебряными), была:

В 1501—25 ^{г.г.}	больше в 5 раз
„ 1526—50 г.г.	„ „ 4 „
„ 1551—75 г.г.	„ „ 3 „
„ 1576—600 г.г.	„ „ 2 ¹ / ₂ раза.

Соответственно падению покупательной силы денег, естественно, шло вздорожание рыночных цен на товары, а больше всего на предметы первой необходимости, вздорожание, особенно сказывавшееся во 2-й половине XVI в. Известно, напри-

¹ Франк равен приблизительно 37 к.

мер, что в то время, как в XV в. квартал¹ пшеницы в Англии стоил 5—6 шиллингов², к середине XVI века он поднялся до 8 шиллингов и к концу—до 40 шиллингов; за одну вторую половину XVI века хлебные цены возросли в Англии на 150%, во Франции—на 200%, в Эльзасе—на 280%, а в Саксонии—на 300%. Менее, но все же значительно, повысились за тот же промежуток и цены всех остальных товаров, увеличившись, в среднем, в Англии и в Италии на 150%, а во Франции и в Восточной Германии—на 100%.

Эта революция цен была чрезвычайно выгодна для одних классов общества и крайне убыточна для других. От нее выигрывали, как общее правило, те, кто производили или продавали товары, так как на рынке они тотчас же могли получить повышенные цены; напротив, все, кто жили на заработную плату, жалование или точно зафиксированный в деньгах доход, проигрывали, потому что прибавки к такого рода денежному содержанию всегда значительно отставали от роста цен. Так, например, заработная плата черно-рабочего в Англии, равнявшаяся в XV в. 1—1½ шиллингам в неделю, к XVI в. поднялась лишь до 2¼—2½ шиллингов.

В особенно тяжелом положении очутились ремесленники, работавшие на скупщика, цеховые подмастерья и мануфактурные рабочие. Они получали столь незначительную заработную плату, что многие предметы первой необходимости стали для них совершенно недоступны. Не даром как раз к XVI в. относится их ожесточенная борьба с хозяевами, заставлявшая правительственную власть, в интересах охраны „порядка“, издавать специальные указы о повышении заработной платы. В одном таком королевском ордонансе, изданном в 1544 г., прямо говорится, что „подданные наши так сильно отягощены и затруднены, что даже имеющие кое какой доход не в состоянии пропитаться, а еще менее могут сделать это рабочие и низший класс трудом своих рук“.

Трудно приходилось и наиболее многочисленному бедному слою крестьянства, который дополнял доходы от своего небольшого хозяйства на маленьких клочках земли батрачеством у помещиков. Заработная плата в деревне была еще ниже, чем в городе, благодаря обилию рабочих рук. Еще хуже было крестьянству в тех областях Европы, где процесс закрепощения в исходе средних веков еще не был закончен. Расширение рынка для сбыта сельско-хозяйственных продуктов, вызванное ростом в XVI в. городов и обрабатывающей

¹ Квартер равнялся почти 1,4 четверти.

² Шиллинг равен почти 50 коп.

промышленности, привело в этих областях к временному усилению барщины, которая подрывала собственное хозяйство крепостных крестьян. Эти наиболее бедные слои крестьянства страдали и от непосредственного воздействия на них торгового капитала. Ранее они большинство своих потребностей, если не все, удовлетворяли в пределах собственного хозяйства, вынося на рынок лишь немногие излишки. Теперь, благодаря росту денежных податей правительству и десятины церкви, а также всевозможных рент и оброка помещику, им приходилось, для покрытия всех этих расходов, продавать скупщику, обычно осенью и обычно за бесценок, те продукты, даже хлеб, в каких они сами нуждались и какие затем и приобретали на рынке уже по дорогой цене. Понятно, почему в XVI в. было так много крестьянских волнений, принимавших иногда характер настоящих войн, как это случилось в Германии в эпоху реформации.

Наконец, революция цен нанесла тяжелый удар и еще одному классу общества — мелкоземлевладельческому дворянству, или, иначе, рыцарству. Последнее обычно не занималось в своих небольших поместьях самостоятельным хозяйством, а жило на ренты, т.-е. различные взносы, уплачиваемые крестьянами за пользование угодьями, право суда, сбора пошлин и пр. Ренты эти были раз навсегда установлены в деньгах, большею частью в отдаленные времена, когда золото и серебро стоили дорого. Естественно, что эти рыцари получали теперь доходы, на которые уже не могли „жить, как подобало дворянству“, особенно в эпоху развития в богатых классах общества небывалой роскоши. Стремясь тянуться за феодальной знатью и богатыми горожанами в своем образе жизни, они закладывали свои имения и часто впадали в неоплатные долги. „В большей мере от пышности одежды,—говорит один моралист-проповедник,—произошло то, что дворянство падает в германских землях“. Отсюда недовольство и этого класса, вылившееся в Германии в открытое восстание, в ту же эпоху реформации: рыцари стремились путем секуляризации монастырских земель поправить свое пошатнувшееся экономическое положение. Германские рыцари, однако, потерпели поражение, и тогда они, подобно французским, нашли для себя выход в военной службе у королей, которая стала щедро оплачиваться богатейшей казной и которая в эпоху начавшихся войн за рынки превратилась вообще в очень доходное ремесло.

Напротив, от революции цен много выиграла крупноземлевладельческая знать, ведшая в больших размерах хозяйство при помощи дешевого крестьянского труда. Това-

ризация сельскохозяйственного производства стала давать им большие доходы благодаря росту цен на хлеб и шерсть, находившие массовый сбыт в городах. В руках крупных землевладельцев скапливались значительные денежные средства, которые нередко помещались в разного рода финансово-торговые операции. Большие выгоды эта знать извлекала также из своего придворно-правительственного положения, особенно на службе в колониях.

Но более всего богатели от притока благородных металлов с Нового Света торгово-денежная буржуазия. Она выжимала все, что только могла, как от эксплуатации труда рабочих, так, в особенности, и от эксплуатации потребительских масс. Крупные торговые капиталы, накопленные в Северной Италии и Верхней Германии еще в эпоху сношений с Левантом, теперь устремляются в океанические предприятия конкистадорских¹ государств, Испании и Португалии. Торговые дома Флоренции и Генуи, Аугсбурга и Нюрнберга, державшие в своих руках товарообмен на старой европейской дороге, шедшей из Италии через Альпы к Немецкому морю, теперь взяли на себя посредничество в деле распространения по Европе заморской добычи пиренейских стран и снабжения их колоний европейскими изделиями. Аугсбургские фирмы Фуггеров и Вельзеров закупали у португальцев индийский перец, когда он еще был в море, давали португальскому королю авансы для дальнейших поездок на Восток, снаряжали на свой счет торговые флотилии, наконец, вывозили сами американские и индийские товары из Испании и Португалии в другие европейские государства. Когда в разработке потозийских руд стал применяться способ амальгамирования² и владельцы копей обещали нагрузить серебром корабли ново-испанского флота до самых мачт, если в их распоряжении будет достаточное количество ртути, те же Фуггеры в 1563 г. взяли у испанского короля в аренду богатейшие ртутные рудники Альмадена в Андалузии, дававшие им до 100% чистого дохода. Один из Вельзеров, Варфоломей, организовал на свои средства даже целую экспедицию в Америку, в целях захвата Венецуэлы. Генуэзские капиталисты заключили с Испанией договор, по которому обязывались поставлять в американские колонии ежегодно требуемое количество негров, за что имели право всю прибыль превращать в колониальные товары.

¹ Конкистадор—завоеватель. Так назывались в начале XVI в. первые захватчики Америки, награжденные испанскими королями дворянством и поместьями.

² Извлечение золота и серебра из руд при помощи ртути. Оно впервые стало практиковаться Бартоломеом де Медина в Мексике в 1557 г.

Таким образом, Испания и Португалия должны были стать в полную зависимость от финансовых сфер Италии и Германии: чужие купцы определяли в Европе цену перца, этого главного продукта международной торговли, и в конце концов в их карманы переливалось испанское и португальское золото и серебро. Создавая обширные торговые и промышленные предприятия международного масштаба, крупные фирмы образовывали могущественные синдикаты, монополизировавшие ту или иную отрасль торгово-промышленной деятельности и высокими прибылями привлекавшие к себе бесчисленное количество мелких сбережений. „Золотая лихорадка“ приняла столь широкие размеры, что, например в предприятиях аугсбургских Гехштеттеров, принимали участие даже крестьянские батраки, несшие к ним свои скромные сбережения.

Крупный торговый капитал, ставший теперь в полном смысле слова международным, не мог, однако, ограничиться одними коммерческими и вспомогательными при торговле денежными сделками. Хотели они этого или нет, но все более или менее значительные фирмы должны были втянуться и в круг политических интересов. Сложившиеся в исходе средних веков национальные государства с централизованной абсолютной властью, опиравшейся на наемное войско и оплачиваемую деньгами бюрократию, чрезвычайно нуждались в финансовых средствах. Перед правительствами этих государств вставали грандиозные задачи приобретения колоний и борьбы за торговые преимущества. Между тем, всюду еще сохранялись обломки устаревших феодальных учреждений, и, например, утверждение расходов зависело от представителей сословий, проникнутых узким партикуляристическим¹ духом и не понимавших стремлений придворно-правительственных кругов, вращавшихся в сфере широкой мировой политики. Кроме того, несмотря на развитие товарно-денежных отношений, государственные доходы, особенно с доменов², еще во многих местностях составлялись из натуральных взносов, которые нужно было превратить в денежные. Между тем, и война и мир одинаково дорого стоили и к тому же требовали неотложных платежей.

Во всех этих случаях на помощь правительствам приходил крупный ростовщический капитал, открывавший им

¹ Партикуляризм — стремление к обособленности. Здесь — предпочтение частных интересов общим.

² Доменами называются государственные недвижимые имущества. В средние века все завоеванные или никому не принадлежавшие земли считались собственностью короля или князя.

почти безграничный кредит. Уже в начале XVI в. у многих торговых домов, как итальянских, так и верхнегерманских, товарная торговля отступала на второй план перед денежно-кредитными операциями. Золото обеспечило в 1519 г. избрание на императорский трон Карлу V, который для подкупа германских курфюрстов и на прочие избирательные расходы занял 543.000 гульденов у Фуггеров, 147.000 у Вельзеров и 164.000 у итальянцев. Фуггеры доставляли Карлу V и огромные средства на борьбу с германским протестантизмом, снабдив его, после его бегства от Морица Саксонского, чудовищной для того времени суммой в размере 400.000 дукатов. Габсбурги также пользовались значительным кредитом и у генуэзских капиталистов, тогда как флорентийские ссужали деньги преимущественно французским королям. Государственные долги, возникшие именно в эту эпоху, быстро достигли колоссальных размеров. Чтобы обеспечить себе уплату процентов, не говоря уже о погашении долга, капиталисты принуждены были постоянно оказывать новые денежные поддержки задолжавшим правительствам. Эти финансовые операции, еще более чем торговые, требовали концентрации капиталов, а все вместе создавало почву для широкой банковской деятельности.

Возникновение банков и бирж.—Вступление европейской торговли из морского периода ее развития в океанический возможно было благодаря тому, что предшествующий экономический подъем позднего средневековья способствовал, более всего в Италии и Германии, накоплению крупного денежного капитала. Этот капитал, захватив в свои руки торговлю с Индией и Новым Светом, создавал грандиозные торговые предприятия, а также занялся и кредитно-финансовыми сделками. Немудрено, что именно теперь большое значение приобретают банки, возникавшие во всех крупных городах. Ранее банки занимались преимущественно хранением частных богатств; в XVI же веке, они, кроме того, стали широко выдавать ссуды, пуская в ход имеющиеся у них вклады. В средние века вкладчики платили банкам за хранение их имущества, а теперь, наоборот, банки стали выплачивать вкладчикам известный процент. Принимая вклады, банки выдавали в качестве расписок особые банковские билеты, которые обменивались во всех банках на звонкую монету и поэтому начали ходить как деньги, особенно при крупных сделках. Банковский кредит и банковские билеты не мало способствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в Западной Европе.

Кроме банков, на развитие торговли большое влияние оказывали биржи. Раньше товары в целях их сбыта пере-

возились из страны в страну, из города в город, при чем иноземные и иногородние купцы старались доставить их в определенный пункт к определенному сроку, и тогда здесь открывалась ярмарка. С расширением рынков и распространением товарообмена, торговец уже не мог подвести в то или иное место огромное количество товаров, а представлял лишь их образцы, на основании которых и получал заказ. Такие сделки стали происходить в особых помещениях на городской площади, получивших название биржи. Это название возникло, повидимому, от фамилии одного фламандского богатого купца, жившего в XV в. в Брюгге, Van der Burse. Биржи и начали вытеснять прежние ярмарки, характерные для средневекового уклада жизни. На бирже рядом с покупкой и продажей товаров происходила торговля векселями и акциями торговых компаний, а также долговыми обязательствами государств. Эти чисто денежные операции вскоре приобрели такие размеры, что рядом с товарными биржами стали возникать особые фондовые биржи.

Первой биржей в Европе, приобретшей мировое значение, была в XVI в. антверпенская. „В антверпенской бирже слышался, — пишет один современник, — смутный говор всех наречий, виделась пестрая смесь всевозможных костюмов, — словом, антверпенская биржа казалась малым миром, в котором соединялись все части большого“. Исключительная роль этой биржи заключалась в том, что на ней реализовались все колониальные товары, которые приходили на испанских и португальских кораблях в Кадикс и Лиссабон. Она же стянула к себе и английские сукна, и верхне-германскую бумагу, и венгерскую медь. Здесь же, наконец, котировались¹ и кредитные обязательства почти всех государств. В Антверпене, таким образом, явственнее всего, в течение целого полувека, раздавался гулкий шум колес того делового механизма, который приводил в движение мировое хозяйство и одновременно с этим мировую историю. Позже, с падением могущества Испании, в зависимости от которой находился Антверпен, эта биржа должна была уступить свое первенство биржам в Амстердаме и Лондоне.

Разложение цехового ремесла и распространение крупного производства. — Открытие Америки и установление непосредственных сношений с Индией и другими странами Востока чрезвычайно увеличило рынок для сбыта изделий европейской промышленности.

¹ Котировка — внесение какой-либо ценной бумаги в официальный биржевой бюллетень, отмечающий существующие курсовые цены. От франц. слова *coter* (коте) — отмечать.

Понятно, что ремесленная организация производства, рассчитанная на удовлетворение потребностей узкого круга потребителей, не могла поспеть за массовым спросом; она теперь быстро утрачивала свое прежнее господствующее положение, уступая первенство новым формам промышленности, которые в зачаточном виде создавались еще в исходе средневековья.

Особенно большое значение приобретает домашняя система крупного производства. Она распространяется не только в городах, подчиняя торговому капиталу прежних самостоятельных производителей — ремесленников, но и в сельских местностях, где крестьяне, благодаря процессу огораживания полей и захвату помещиками общинных угодий, начинали остро чувствовать малоземелье и таким образом вынуждены были, наряду с хлебопашеством, заниматься и кустарными промыслами. В XVI в. в Германии таким образом на Фуггеров работали уже целые области. В том же веке огромного развития домашняя форма крупной промышленности достигла в деревнях Фландрии, а в XVII в. — в Англии, где сложились целые текстильные округа, и в них почти в каждом коттедже раздавался звук прялки или ткацкого челнока. Крупные торговые предприятия, вторгаясь в сферу производства, заводили у себя целый штат факторов — для скупки у кустарей и ремесленников их изделий и для раздачи им сырья и орудий труда. У торгового дома Гаука и Линка в 1633 г. насчитывалось 177 ткачей, на которых за доставленный им сырой материал лежал долг в 4.000 флоринов. „Торговля так возросла, что ничего нельзя купить иначе, как из рук купцов“, — жаловалась потребительская масса, привыкшая раньше обращаться со своими заказами в ремесленную мастерскую, а теперь вынужденная приобретать все готовое в купеческой лавке. Из анкеты, произведенной в Базеле в 1599 г., видно, например, что среди 173 человек, занятых в шелковом производстве, имелось всего 10—12 ремесленников, которые не работали на скупщиков и сами не делали заказов другим ремесленникам.

Но в XVI в. начинают играть уже заметную роль и мануфактуры, ранее существовавшие лишь в одной Италии. Особенно крупные предприятия создаются в горной промышленности, где развитие гидротехники и искусства закладывать штольни особенно требовало расширения производства. Здесь еще в исходе средних веков стали пользоваться силою воды, чтобы приводить в движение толчеи, молоты и раздувальные мехи. В XV в. появилась доменная печь, давшая возможность изготовлять чугун

не посредством огня и молота, а посредством силы угля и вдуваемого воздуха. Это обстоятельство клало предел мелким предприятиям, и последние все более и более сокращались в своей численности. Так, в Германии, в швабском горном промысле, в 1470 г., т.-е. когда уже началось процеее концентрации, все еще было 38 „старателей“, доставлявших серебряную руду, а к 1484 г. их число сократилось до шести, хотя добыча руды была прежняя. Что эта руда добывалась действительно в крупных предприятиях, мы узнаем из современного описания рудников на Шваце. Оказывается, что над удалением воды из шахт ежедневно работало по 600 человек, которые став в ряд передавали один другому в кожаных ведрах воду из лужи в шахте до выхода из штольни. Эти „водоподъемщики“ обходились в год более чем в 20.000 гульденов.

Централизованные мануфактуры возникали также в тех отраслях промышленности, которые изготовляли предметы роскоши, не производившиеся местными ремесленниками или кустарями. Во Франции, например, от Людовика XI до Генриха III было устроено, по образцу итальянских, 8 таких мануфактур, и при Генрихе IV—40. Некоторые из них отличались очень крупными размерами, как, например, мануфактура тонкого полотна, открытая в 1606 г. в Сент-Севере, около Руана, которая могла вмещать в себе 350 станков, или мануфактура золотой пряжи на Королевской площади в Париже, где насчитывалось 200 рабочих, или, наконец, фаянсовые и гончарные заводы, устроенные в Париже и Невере. При Генрихе IV была основана и знаменитая мануфактура гобеленов.

Домашняя система производства и мануфактура путем конкуренции медленно, но неуклонно разоряли мелкого самостоятельного ремесленника, все более и более увеличивая таким образом кадры квалифицированных наемных рабочих. С другой стороны, обезземелившееся с товаризацией сельского хозяйства беднейшее крестьянство поставляло массы чернорабочих. Так создавались, помимо накопления состояний, две других предпосылки для дальнейшего роста крупной промышленности: свободные от орудий производства рабочие руки и все более углублявшийся, по мере превращения жившего от своего хозяйства крестьянина в приобретающего все на деньги пролетария, рынок для сбыта фабрикатов. И когда разделение труда в области товарно-домашней формы производства, и особенно в мануфактуре, зашло так далеко, что часть работы стало возможным передать от человека к механическому двигателю, появилась

в исходе XVIII в. фабрика с машинным способом производства, быстро вытеснявшая все ранее бывшие до нее формы промышленности.

Меркантилизм, как система экономических воззрений и практических мероприятий эпохи торгового капитала.—Раннему средневековью, с его натуральным хозяйством, был известен один вид богатства—земля. Только доход, получавшийся от земледелия, признавался тогда „законным“. Мысль Аристотеля, что „деньги не могут рождать денег“, была воспринята буквально, и поэтому на всякие торговые и денежные операции смотрели подозрительно, считая их занятием „низким“, если не нечестным, то все же непочетным. Развитие товарообмена в позднее средневековье начинало пробивать брешь в этом традиционном мировоззрении. Духовные писатели-схоластики выступают теперь с учением о „справедливой цене“. Но и эта теория отбрасывается, как только торговые обороты настолько расширились, что в их сфере стал орудовать крупный капитал. Открытие Америки и морского пути в Индию, наводнившее Европу золотом и серебром и вызвавшее революцию цен, окончательно заставило при разрешении хозяйственных вопросов перейти с феодальной точки зрения на точку зрения торгового капитализма. Главное богатство все теперь видели в деньгах, которые в XVI в. быстро превратили Испанию и Португалию в самые могущественные державы. Правда, что это превращение не было прочным: то развитие промышленного производства, которое стало замечаться в этих странах в исходе средневековья, вскоре сменилось полным упадком, так как в эпоху колониальных завоеваний все силы и энергия испанцев и португальцев уже направлялись лишь на такие предприятия, которые сулили быстрое обогащение. Сельское хозяйство, ремесло и мануфактура в этих странах в течение XVI века резко регрессируют, и легко добывавшееся из колоний золото и серебро массами уходит за границу, в обмен не только за предметы роскоши, но даже за хлеб и одежду. Современники, конечно, не могли предвидеть надвигавшегося краха и были ослеплены чисто внешним могуществом, какое придал этим странам неожиданно забивший у них золотой фонтан.

Естественно, экономисты и политики, выходившие уже не из духовной, а из буржуазной среды, и ставили основной задачей нового централизованного государства обеспечение страны возможно большим количеством благородных металлов. Средством для этого признавалась иностранная торговля, почему вся система этих идей и вытекающих из

них практических мероприятий получила название меркантилизма¹.

Меркантилизм, диктовавший свою волю экономической политике западно-европейских государств в течение периода с конца XIV до конца XVIII в.в., пережил в своем развитии две стадии: стадию денежного баланса и стадию торгового баланса².

В первую стадию правительства стремились искусственными мерами привлекать деньги в страну и по возможности не допускать отлива их за границу. Так, в Англии еще в 1381 г. был запрещен вывоз благородных металлов, кроме уплаты за работы в Калэ и других английских крепостях на континенте. Иностранные купцы, привозившие в Англию товары, должны были полностью истрачивать вырученные суммы на приобретение английских изделий. По этому же пути шел в первой половине XVI в. и Карл V в своих испанских владениях.

Но система денежного баланса, покоившаяся главным образом на мерах полицейского характера, могла держаться лишь до тех пор, пока внешняя торговля имела ограниченные размеры и велась на наличные деньги. Но небывалое оживление экономической жизни в XVI в., особенно в странах с развитым производством, опрокинуло эту систему, характерную именно для позднего средневековья. С распространением переводных векселей и развитием кредитных сделок, правительства уже не имели никакой возможности следить за совершавшимися между подданными и иностранцами платежами. Самое расширение заграничной торговли иногда заставляло вывозить массу денег в уплату за полученные иностранные товары. Наконец, торговые центры настолько размножились, что организация мелочного надзора стала крайне затруднительной и потребовала бы огромных средств.

Все это вместе взятое и побудило правительства отказаться от запрещения вывоза денег за границу и перейти к системе торгового баланса, стремившейся к поощрению вывоза из страны туземных товаров и затруднению ввоза иностранных. Для создания благоприятного торгового баланса, правительства покровительствовали развитию внутренней промышленности, особенно производству более ценных изделий, облагали высокими пошлинами иностран-

¹ От латинского слова меркатор — торговец.

² Некоторые экономисты усматривают в развитии меркантилизма еще третью стадию — стадию расчетного баланса. Но эта последняя тесно связана с стадией торгового баланса и является не более, как ее логическим завершением.

ные товары, стесняли и совсем запрещали вывоз сырья, привлекали из-за границы иностранных мастеров, разрешали ввоз товаров только на судах страны, где они производились и т. д. В торговом балансе и именно в сальдо или излишке вывоза над ввозом усматривали основной источник хозяйственного благополучия данной страны.

Меркантилизму в этой высшей его форме с XVI в. отдали свою дань почти все правительства Западной Европы. Его стал усиленно, хотя и безрезультатно, проводить в Испании Карл V; затем на этот путь вступили Голландия и Германия; но особенно энергично в его духе вели свою экономическую политику в XVII и XVIII в.в. Франция и Англия. Основное значение этой экономической доктрины заключалось в том, что она много способствовала переходу торгового капитализма в капитализм промышленный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Реформация.

1. „Порча церкви“.

Землевладение, как одна из основ могущества церкви в раннее средневековье.—Католическая церковь, сложившаяся в последние века Римской империи, не только пережила падение последней, но и чрезвычайно увеличила в раннее средневековье свое могущество. Являясь единственной сильной централизованной организацией среди всеобщей феодальной раздробленности, она стремилась господствовать над всей общественной и духовной жизнью Западной Европы. И действительно, ей удалось завладеть всем существом средневекового человека, определять не только его мысли и чувства, но и все его действия. Семья, общественные корпорации и профессии, государственный строй, не говоря уже об искусстве, науке и школе, должны были воспринять церковные формы, проникнуться в известной мере религиозным духом. Правила рыцарства, разработанные церковью, накладывали религиозный отпечаток на военную организацию и жизнь феодалов; религиозные братства были тесно связаны с организацией цехов и гильдий и вообще со всем городским бытом; все существовавшие тогда изобразительные искусства: архитектура, скульптура, живопись на стенах и стекле, мозаика—находили свое приложение почти исключительно в церковных зданиях; музыка, пение, литература обслуживали главным образом потребности церкви; даже эпическая поэзия, составлявшая духовную пищу феодального общества, развивалась вокруг монастырских святилищ и на дорогах паломников; университеты являлись полупереходными учреждениями, и философия занимала в них скромное место служанки богословия. Словом, в течение ряда веков над Западной Европой тяготела самая настоящая теократия.

Основной почвой для такого господства послужило окончательное утверждение в Западной Европе, после разгрома Римской империи, натурально-хозяйственного строя, при котором на первый план выдвинулось земледелие. В этой экономической обстановке власть природы над людьми, непреодолимых стихийных сил, чувствовалась на каждом шагу, и тогдашний человек, естественно, был глубоко проникнут религиозной психикой. Эта последняя, кроме того, питалась еще и установившимися тогда в связи с экономическим строем в Европе социальными отношениями, проникнутыми крайней авторитарностью и иерархичностью, составлявшими сущность феодального строя. Наконец, мистические устремления тогдашнего человека еще больше обострялись благодаря военным обстоятельствам эпохи, как сопровождавшей падение Рима, так и наступившей вслед за тем, когда в западно-европейских странах происходили постоянные передвижения племен.

Помимо этих общих условий, вызывавших религиозную настроенность западно-европейского населения, действовал и ряд причин, выдвинувших в качестве универсальной религии именно — римско-католическую. Эта религия создала мощную церковь еще во времена римского владычества. Союз христианства с империей, заключенный при Константине Великом, способствовал колоссальному обогащению церкви. Она превратилась в исключительно-крупного землевладельца, земельные имущества которого были широко разбросаны и в самой Италии, и во всех других римских провинциях. Союз этот, кроме того, привел и к перерождению самой церкви, превратив ее из религиозно-благотворительного учреждения, проникнутого коммунистическим духом, в политическую организацию, понапущую в исключительное распоряжение замкнувшегося в самопополнявшуюся касту духовенства, которое крепко связало себя с интересами господствующих классов.

В эпоху великого переселения народов церковь явилась единственной наследницей уцелевшего после разгрома Римской империи культурного достояния. Это достояние особенно велико было в пределах Италии. Земледелие здесь стояло на гораздо более высокой ступени развития, при чем как раз церковные имения представляли собой образцовые земледельческие фермы. Продолжали существовать, преимущественно в монастырях многие ремесла и искусства. Поддерживалась также, правда, в очень скромных размерах, и торговля с Византией и ее восточными провинциями. Не даром, относительные богатства Италии, а также господствовавшие в ней формы производства были

предметом настойчивых вожделений вторгавшихся в нее полуварварских племен.

Но у церкви сохранились обширные земельные владения, помимо Италии, и за Альпами, где они также служили рассадниками культуры для осевших там германцев.

Последние вообще могли повысить уровень своего благосостояния лишь в том случае, когда они от прямого грабежа римлян, галлов, испанцев, который не мог на долгое время удовлетворить пришельцев, принуждены были взяться за производство по римскому образцу. Но чем прочнее устанавливался такой порядок, тем в большую зависимость от церкви становились германцы, так как эта церковь была единственной учительницей их в этом отношении. Она познакомила их с лучшим способом обработки земли, научила ремеслам и искусствам, содействовала развитию торговли: около монастырей издавна устраивались рынки; монастыри же заботились о поддержании путей сообщения, облегчали путешествия посредством монастырского гостеприимства, покровительствовали евреям¹, другому элементу, который на-ряду с церковью, был также хранителем коммерческих навыков, приобретенных в римскую эпоху. Наконец, только в церкви существовали научные знания, и лишь она одна могла давать тогда врачей, архитекторов, инженеров, историков, дипломатов, чиновников.

Потребность же во всем этом стала остро ощущаться, как только германцы перешли к высшей форме производства, к более рациональному земледелию и ремеслам, потребовавшим сейчас же соответствующих изменений и в их социально-политическом устройстве. Создать новые органы государственности они сами не могли из своих примитивных правовых норм, так как переход к новому способу производства совершился слишком быстро, особенно, в подвергшихся романизации областях, где этот способ давно уже пустил корни у туземного населения. И только церковь способна была превратить прежнего демократического военного вождя германского племени в короли, содействуя усилению его власти над народом, а своей власти над ним.

Конечно, эти услуги и благодеяния оказывались церковью небескорыстно. Единственной общей податью, которая встречается в раннее средневековье, была именно „деся-

¹ К. Каутский по этому поводу остроумно заметил, что когда позднее за торговлю взялись христиане, научившиеся „обдѣлывать делишки“ не хуже евреев, церковь стала проявлять юдофобство.

тина"¹, шедшая в распоряжение духовенства. Но главным источником доходов последнего являлось землевладение. Подобно феодальному дворянству, церковь жадно стремилась к приобретению новых земель с их обитателями. Она оказывала мелким земельным собственникам — крестьянам более надежную защиту, чем светские феодалы, и крестьяне толпами коммендировались² ей, вместе со своими земельными участками. Феодалы жертвовали в церковь часть своих имений — на помин души. Они, подобно проповеднику из Марсея Сальвиану, были глубоко убеждены, особенно на смертном одре, что являются лишь временными арендаторами земли, настоящий же ее собственник — церковь, которой и следует вернуть временное держание. Сальвиан учил, что кто завещает свою землю детям, вместо того, чтобы передать ее церкви, поступает вопреки воле бога и своим собственным интересам: заботясь о земных благах своих наследников, он лишает себя вечного благосостояния на небесах. И благочестивые люди в смертный час жертвовали все, что могли. Монастырь Сант-Галлен приобрел таким путем в VIII в. 4.000 земельных участков, которые находились в 100 разных местах. У эльзасского монастыря Вайсенбурга в VII в. было всего пять земельных владений, а в 1-й половине VIII в. он получил еще 72, во 2-й половине — 118, в IX в. 56 и, в общем, владел земельным имуществом в 300 местах. Но особенно крупные земельные пожалования поступали в церковь от королей. Наконец, церковь не всегда ждала, когда крестьянин, дворянин или король захотят увеличить ее владения: при первой возможности она не брезговала и прямым захватом земель, оправдывая его поддельными дарственными или заемными записями и завещаниями. „Не даром же она одна в те времена обладала искусством чтения и письма“, — замечает по этому поводу К. Каутский.

Благодаря своему материальному могуществу церковь заняла исключительное положение в западно-европейском феодальном строе, сложившемся на развалинах Римской империи, стала насущной необходимостью как для народа, так и для господствующего класса. Ее огромные доходы, доставлявшиеся „десятиной“ и поборами с собственных земель, обычно лучше обработанных и гуще населенных, позволяли ей, сравнительно со светскими феодалами,

¹ Десятина первоначально делилась на 4 части: одна шла в пользу епископа, другая — низшему духовенству, третья — на общественное богослужение и четвертая — для раздачи бедным.

² Коммендацией назывался в средние века „добровольный“ переход мелких собственников под покровительство крупных.

значительно мягче обращаться со своими подданными: действительно, под властью пастырского жезла жилось в те времена гораздо лучше, чем под властью меча светских господ. В церковных владениях и без того скапливались такие запасы сырья, потребить которые целиком духовенство не могло, хотя епископы и аббаты обычно ни в чем себе не отказывали. Остаток, как и во времена упадка Римской империи, когда в ней быстро возрастал пауперизм¹, шел для раздачи бедным: другого способа утилизировать его не могло быть при господстве натурально-хозяйственного строя, когда торговля обслуживала лишь потребности высшего класса в предметах роскоши. Количество же бедных в средневековой Европе быстро возрастало, так как усвоение германцами римского способа производства приводило и к неизбежным его следствиям — распространению частной собственности и вытеснению общинных альменд — общего пользования лесами, лугами и неводеланной землей, спасавшего раньше крестьянство от обнищания. Это обнищание принимало особенно массовый характер в годы неурожаяев или феодальных войн и смут, а также новых варварских нашествий. За исключением тех случаев, когда несчастье было так велико, что гибли и церковные владения, церковь всегда приходила на помощь, открывая свои богатые житницы для нуждающихся. В обычное время бедняки также находили приют в монастырях, устраивавших дома призрения для калек, стариков, вдов и сирот, больницы и проч. В церкви искал пристанища и захудалый дворянин, где он часто достигал власти и благосостояния, о каких ему даже не снилось ранее.

Своей заботой о бедных церковь быстро приобрела огромное влияние во всех слоях общества и при этом увеличила свои богатства. Частные лица, общины, даже государство, устраивая благотворительные учреждения, обычно передавали их духовенству в заведывание или полную собственность. Чем больше росло количество бедных, тем больше увеличивалось имущество церкви и тем в большую зависимость от нее становились народные массы.

Велика была и зависимость от церкви феодальных правительств. Представители высшего духовенства заседали в советах королей; отдельные епископы и аббаты на местах выполняли важные правительственные функции по управлению и суду. К. Каутский удачно отметил, что германские племена, пытавшиеся в эпоху переселения народов создать свои государства независимо от римской церкви,

¹ Обнищание, от латинского слова паупер, что значит — бедняк.

в союзе, напр., с арианством, или совершенно погибли, как остготы и вандалы, или же спаслись от гибели путем своеговременного перехода в католичество, как вестготы. Господство в Западной Европе перешло к тому племени, которое с самого начала основало свое государство при поддержке римской церкви, к племени франков. Король франков в союзе с главою церкви положил первое основание объединению западно-европейского мира в одно политическое тело с двумя главами: светским и духовным, объединению, которое потребовалось вскоре после возникновения феодальных государств на прежней римской территории, когда на них стали надвигаться новые волны народов — славян, аваров с венграми, арабов. Но ни Пипину и Карлу Великому, ни их преемникам Оттонам не по силам было сделать это объединение прочным: натурально-хозяйственный строй Европы не давал возможности королевской власти окончательно победить феодальную раздробленность. Для этого требовалась более централизованная организация, каковой была единственно церковь.

Королям, вроде Карла Великого, удавалось сосредоточить в своих руках огромные домены¹, но необходимость, при отсутствии денежных средств, оплачивать военную силу путем расселения ее на этой земле, приводила к тому, что королевский фонд рано или поздно истощался и королевская власть распылялась. Ее захватывали те, кто получали от королей земельное вознаграждение за выполнение военных и вообще служебных обязанностей. Более или менее прочно осев в своих поместьях, они старались так или иначе уйти с действительной службы и, выстроив замок, достигали того, что за его крепкими стенами и башнями сводили до минимума свою вассальную зависимость от центральной власти и распространяли до максимума свои права над окрестным населением. При таких условиях подчинение всего западно-европейского христианства тому или иному из феодальных монархов оказывалось временным и эфемерным.

Напротив, все большая и большая зависимость феодальных государств от церкви быстро и прочно росла, так как церковь оказывалась гораздо могущественнее каждого из них. Ее земельные богатства все увеличивались и увеличивались — что попадало в ее руки, из них уже почти не выходило, — а также она все более и более проникала во все поры тогдашних социально-политических учреждений.

¹ Королевский земельный фонд.

Немудрено, что и защиту западно-европейских христиан от язычников — славян, аваров с венграми, норманов, а также магометан-арабов — церковь взяла на себя, выступая в этой борьбе, длившейся с VIII по XIII век, руководительницей королей.

В этой борьбе сила церкви еще более окрепла. Славян, венгров и норманов она подчинила себе теми же средствами, благодаря которым раньше, в эпоху переселения народов, ей покорились германцы: они должны были усвоить высшую форму производства, стать оседлыми, принять христианство и феодальный строй. Особенно блестящей была победа над самыми свирепыми из варваров, норманами, согласившимися принять от церкви в качестве дена ими же завоеванные земли в южной Италии. Отныне из страшнейших врагов христианского мира они превратились, правда временами в довольно бесцеремонных, вассалов церкви, которая сумела направить их завоевательную энергию против магометанства — другой, подобно католицизму, централизованной религиозно-политической силе, претендовавшей в средние века на мировое владычество. Начиналась эпоха крестовых походов, когда церковь достигла апогея своего могущества.

Движимый капитал и его роль в усилении дальнейшего могущества церкви. — В натурально-хозяйственный строй, утвердившийся в Западной Европе с эпохи переселения народов, мало-по-малу проникали новые товарно-денежные отношения, начинавшие играть все более заметную роль, особенно с XI — XII веков. Католическая церковь не только не оставалась в стороне от этого движения, но, наоборот, принимала в нем самое деятельное участие. Еще в раннее средневековье монастыри, занимаясь сельским хозяйством и ремеслами, обеспечивавшими им вполне самостоятельную экономическую жизнь, в общем производили гораздо больше, чем потребляли, и наличность излишков уже очень рано позволяла им устраивать небольшие местные рынки. Многие из этих рынков приобрели затем крупное значение, и тогда церковь добилась у местных королей различных для них привилегий, вроде освобождения от торговых пошлин или предоставления права свободного провоза товаров по обширной территории. Уже в VIII в. монастырь Сен-Дени имел своих агентов в Марсели, Италии, Германии для скупки соли, пряностей, дорогих материй и воска; Сен-Жермен возле Парижа чрез своих людей собирал разные справки в Руане, Труа, Анжере, Утрехте и Дурстреде; монастырь Санта Мария Санаторие близ Павии получил право беспошлинной торговли по озерам

Кома и Лугано, а в дельте По такой же привилегией пользовался Сальваторский монастырь.

По сухопутным дорогам монастырские товары тащили вьючные животные или просто люди, при чем такие караваны сопровождалась вооруженной охраной, обычно, из монахов же. Монастырскими судами начинали кишеть реки и моря. Вся луарская торговля была в руках монастырей, расположенных по обоим берегам этой реки. По Мозелю и Рейну плавали многочисленные флотилии монастыря Прюма, а по Дунаю — находившихся недалеко от него целого ряда больших монастырей. В том же VIII в. монастыри строят приморские или речные гавани, где происходила постоянная нагрузка и выгрузка товаров. С развитием торговой деятельности, при монастырях появляются особые ходоки или купцы, называвшиеся то „своими людьми“, то „людьми, ожидающими, благоволения от монастырей“.

Церковь, однако, приобретала движимые средства не только путем непосредственного участия в начинавшемся товарообмене, но и посредством деятельной эксплуатации торговых мест и торговых людей. Монастыри и отдельные храмы в раннее средневековье представляли собой „убежища“, где действовал „божий мир“, обеспечивавший общественное спокойствие, под страхом загробных мук, для тех, кто вздумал бы его нарушить. Понятно, что купцы, везде чужие, „гости“, подвергавшиеся тем большей опасности, чем тяжелее были нагружены их телеги или суда, старались связать себя с церковью, найти у нее покровительство. Храмы и монастыри охотно шли им навстречу, допуская их на ярмарки, которые они устраивали на своей „священной“ территории, обычно в дни, когда празднование каких-нибудь мощей и чудес привлекало массы богомольцев из окрестностей. Колокольный звон сзывал верующих в церковь, а оттуда они шли на базар ¹.

Не довольствуясь продажей тех продуктов, какие доставляли церкви жившие на ее землях крестьяне, и взиманием пошлин с торговавших на ее территории купцов, церковь довольно рано перешла и к специальному производству на рынок, поставив его на широкую ногу. Многие баварские монастыри занимались пчеловодством, и альтахерский монах XI в. в своей летописи отмечает богатые и бедные пчелами годы, ведя по ним свое историческое повествование. Еще более распространено было в монастырях виноградарство,

¹ Не даром — одного корня слова: „фэрие“ праздники, „фэуар“ ярмарка, „форум“ площадь, а в древней Руси: гостьба — торговля и погост — кладбище, не даром также слово „месса“ означает и обедню и ярмарку.

при чем часто монастыри приобретали привилегию монопольной продажи вина в течение определенного времени—именно тогда, когда зреет виноград и вино сразу в большом количестве поступает на рынок. При этом Трирский монастырь св. Максимиана, кроме того, обладал еще правом, если ему не удалось распродать всего вина на рынке, принудительно поставлять его на дом тем, которые его почему-либо еще не приобрели.

Не мало монастырей занималось добычей соли. В Рейхенгалле было свыше 60 мест для варки соли, и с середины мая по 11 ноября (день св. Мартина) непрерывно шла работа под открытым небом. В документах Зальцбургского монастыря сохранились любопытные указания на технику соляного производства: посредством особого подъемного рычага подымали кверху глыбу и в особых чанах кипятили отдельные ее куски в небольших специальных печах. Большинство монастырей обладало беспопынным провозом всей своей соли или определенного количества ее. В некоторых монастырях занимались разработкою руды. Так, в Венценлохе была гора, из которой добывалось серебро, в Фульде плавилось железо. В XII в. этим славился уже целый ряд монастырей, и прежде всего расположенные недалеко от Гарца, а также вестфальский Верден.

В Англии монастыри рано взялись за производство шерсти и ее обработку. В начале XIV в. было известно там до 200 пунктов, где существовала монастырская шерстяная промышленность. Несмотря на большое количество собственной шерсти, английские монастыри не ограничивались лишь продажей ее, но закупали и чужую шерсть, перепродавая ее во Фландрию и Италию.

Широкая торговая деятельность церкви сопровождалась и развитием кредитных операций. Правда, в раннее средневековье религиозная мораль, сложившаяся в недрах натурально-хозяйственного строя, воспрещала их, заявляя, что „деньги не могут порождать денег“. Однако церковная практика легко обходила этот принцип. Так, монастырь Андреа-де-Ба, ссудив в половине X в. 50 солидов под залог виноградника, выговорил право вознаграждать себя на счет „естественного приплода“ заложенного у него виноградника, в виде 12 шеффелей вина¹. Парижский епископ и другие духовные лица в Париже давали в марте 1072 г. нуждавшимся в деньгах виноторговцам 7 или 8 денариев, получая

¹ Шеффель стоил в среднем 6 денариев или $\frac{1}{2}$ сольда. Таким образом взимаемый монастырем процент был равен 12, т.-е. обычному в те времена проценту.

от них при сборе винограда в августе такое количество вина, которое стоило 12 денариев. Часто монастыри в моменты, когда хлеба было много, давали ссуды, исчисленные в хлебной валюте, и получали их обратно опять-таки в хлебе, поднявшемся в цене. Таким путем формально декреты о росте не нарушались, а дававший ссуду получал желанную прибыль. Торгашеский дух настолько был распространен в духовенстве, что св. Иветта в своей душевной простоте прямо рекомендовала, в обеспечение бедных сирот, пускать деньги в оборот, при чем для успокоения своей и чужой совести прибавляла: „ведь так поступать вошло в привычку многих честных людей“.

Немудрено, что с течением времени все церковное хозяйство все более перестраивалось на денежный лад. Помимо торговли и кредитных сделок, церковь стала получать денежные средства и путем „адерации“, т.-е. замены натуральных повинностей сидевшего на ее земле населения сбором денег. Процесс этот шел постепенно и зигзагообразно, по мере того как в натурально-хозяйственный строй все более и более проникали товарные отношения. У епископов и аббатов, естественно, стали скапливаться огромные денежные суммы. Теперь уже не только крестьяне и мелкие торговцы могли раздобыть у духовенства нужные им небольшие деньги: его должниками, и на очень крупные суммы, становятся разные феодалы и короли. Выкуп из плена, пилигримство в Иерусалим, женитьба и прочие семейные торжества в феодальной среде вызывали такие расходы, которые покрыть возможно было только путем получения церковного кредита. Кредит этот особенно бывал необходим для ведения войн. Император Генрих III, чтобы раздобыть деньги, заложил свою корону, монастырю Герсфельд, и последний вернул ее лишь тогда, когда ему была обеспечена уплата долга. Часто занимал у монастырей и император Генрих IV.

Монастыри снабжали деньгами также менял и евреев, выговаривая себе известную долю из их прибылей и беря их вообще под свою защиту. Иногда же монастыри стремились превратить кредитные сделки в свою исключительную монополию, и тогда они, наоборот, выступали против евреев. Так, францисканские монахи, прибывшие из Флоренции во Францию, добились в 1306 г. от Филиппа Красивого указа об изгнании евреев из французских пределов; евреи ушли, имея на себе платье и по 12 су в кармане, оставив все свое имущество королю и передав все свои кредитные операции „нищенствующему ордену“.

Занимаясь ростовщичеством, церковь, однако, тщательно заботилась прикрыть это занятие ширмами. Одной из таких ширм первоначально были даровые ссудные кассы при монастырях и церквях, названные „горами благочестия“ в противоположность светским кредитным учреждениям, прозванным „горами преступного ростовщичества“. Сначала эти „горы благочестия“, или попросту ломбарды, выдавали беспроцентные ссуды всем нуждающимся, существуя на пожертвования; но так как обращения к щедрости богатых верующих недостаточно обеспечивало деятельность этих учреждений, вскоре пришлось установить взимание некоторого процента для покрытия расходов по содержанию „гор благочестия“. Сперва процент этот равнялся 5, потом 10, и таким образом оба разряда гор — и благочестия, и преступления — принципиально стали на одну доску.

Так, католическая церковь, выступая в раннее средневековье главным образом в качестве самого крупного земельного собственника, к моменту перехода в позднее средневековье, примерно с XI—XII в. в., заняла и место самого богатого банкира. В деле развития в Западной Европе товарно-денежных отношений, ей, без сомнения, принадлежала таким образом одна из главных ролей.

Происхождение и усиление в церкви папской власти. — На основе экономического могущества католической церкви сложилась и вся ее организация, во главе которой стоял папа. Римские папы еще во времена Римской империи заняли, по своему значению, первое место среди прочих вселенских патриархов. С перенесением столицы из Рима в Константинополь, папа стал в Италии и других провинциях западной части империи как бы наместником императора. Огромные церковные богатства, находившиеся в его полном распоряжении, давали ему возможность взять на себя выполнение функций, которые принадлежали светской власти, но которые последняя, в эпоху смут IV и V в. в., сама выполнить как следует уже не могла. Защита Западной империи от германцев и их подчинение, после политической гибели последней, римской культуре велись под руководством пап, которые в германских королевствах развили необыкновенно энергичную деятельность. Чрез всецело подчиненных себе епископов, монастыри и специальные миссии, они сумели приобщить германцев к новому более высокому способу производства и помочь им в устройении соответствующих ему социально-политических отношений. В эту же эпоху папа стал и настоящим светским государем, получив в дар — гробу апостола Петра — от Пипина Короткого завоеванные последним у лангобардов владения в средней Италии.

При этом римские папы не довольствовались фактическим расширением и усилением своей власти. Каждое новое завоевание в этом отношении они старались зафиксировать в форме соответствующих религиозных догматов или канонических норм¹. Так, свою особую власть в церкви сравнительно с властью других патриархов они обосновали на специально созданном учении о преимущественном значении в среде апостолов Петра, преемниками которого они являются. Для оправдания своего превращения в светских государей, явившегося следствием акта благодарности со стороны Пипина за полученную им от папы санкцию переворота, доставившего ему франкскую корону, папская канцелярия сфабриковала знаменитую грамоту о Константиновом даре. В ней говорилось, что Константин Великий, переезжая в Константинополь, передал римскому наследнику всю Западную Римскую империю. Отсюда вытекало, что Пипин лишь вернул папе то, что дано было ему согласно постановлению „равноапостольного“ императора.

В половине IX в. появился уже целый сборник подложных грамот, приписанных римским папам первых веков христианства, так называемые „Лжеисидоровы декреталии“. В них проводилась идея о независимости епископов от местных светских властей и о их подчиненности римскому папе, а также впервые был сформулирован взгляд о безответственности и непогрешимости последнего.

Мечты блаженного Августина о создании единого теократического государства во главе с папою, как наместником Христа на земле, руководили практической деятельностью одного из самых энергичных пап, Григория VII. Поставив в полную зависимость от папского престола не только черное, но и белое духовенство введением celibата², этот папа добился полного торжества над оспаривавшим его верховную власть германским императором Генрихом IV, который принужден был подвергнуться в Каноссе тяжкому публичному унижению.

Наступил момент в истории Западной Европы, когда, казалось, все государства превратились в простые лены папского престола. И эту сконцентрированную в себе политическую мощь папство торжественно демонстрировало в таком грандиозном предприятии, как крестовые походы,

¹ Каноном называется церковный закон.

² Целибат—безбрачие. Благодаря этому институту, лишившему духовенство семьи, оно в католических странах оказалось мало связанным с местным обществом и местною властью и явилось энергичным проводником папских предначертаний.

когда огромные толпы крестьян, купцов, рыцарей и королей под предводительством папских легатов устремились на завоевание Палестины.

Но папская власть, достигшая своего апогея при Иннокентии III, когда не только Запад Европы но и Восток, где место Византии временно заняла латинская империя, а также ряд созданных крестоносцами азиатских государств, во главе с королевством Иерусалимским, склонились перед папской тиарой, недолго наслаждалась своим торжеством. Возникшая в недрах феодального строя, покоившегося на натурально-хозяйственных отношениях и созданной ими патриархально-религиозной идеологии, католическая церковь в своем дальнейшем развитии много способствовала возникновению и укреплению товарно-денежного хозяйства. Крестовые походы значительно ускорили этот процесс, и теперь уже рядом с землевладением начинал играть все более и более крупную роль движимый капитал. А вытеснение феодализма капитализмом как раз и распатало ту почву, на которой стояла церковь и ее повелитель папа.

„Обмирщение“ католической церкви и папства в эпоху расцвета товарно-денежных отношений.—В эпоху развития товарно-денежных отношений распространилась свойственная ей безудержная жажда наживы. „Деньги делают человека“,—стало всеобщим лозунгом дня. И этот лозунг особенно усиленно стал проводиться церковью, которая явилась в те времена самым крупным капиталистом. Вполне естественно, что с этого времени она начала всячески сокращать свою чисто благотворительную деятельность и, наоборот, усиливать свои фискальные требования.

Почти в каждом государстве церковь владела третью территории, на которой жило многочисленное крестьянство. Легкость жизни на церковной земле отходит теперь в область предания, как отходят теперь в область предания и аскетические подвиги духовенства. Крестьяне вынуждаются в поте лица добывать те неисчислимые богатства, которые давали епископам и полчищам монахов возможность жить в невиданной до того роскоши. По этому пути впереди всех шел папа со своим двором—курией. Можно сказать, что теперь вся деятельность последней начинает сводиться к тому, чтобы выжать все соки с западно-европейского населения и в виде выкристаллизованного из них золота и серебра сосредоточить в Риме. „Рим,—писал Ульрих фон-Гуттен в своих „Диалогах“,—это громадный амбар всего земного шара, куда стаскивается все награбленное во всех странах, амбар, в центре которого засел ненасытный

хлебный червь, обжора, истребляющий несметное количество хлеба“.

Главным источником обогащения курии были налоги. Мы уже знаем о раннем взимании „лепты св. Петра“, которая распространялась на Англию, Швецию, Данию, Польшу, Испанию и отдельные провинции и города в разных странах Европы. Рядом с нею в XII в. появляются крестовые сборы, обычно в виде десятины, предназначавшиеся для борьбы христианского креста с мусульманским полумесяцем. Иногда они были „безымянными“, т. е. при их назначении не указывалось, против кого предпринимается поход. Вот почему на полученные этим способом деньги курия могла вести борьбу против императора Фридриха II Гогенштауфена или короля Альфонса Аррагонского. Насколько изумительна была изобретательность и алчность Римской церкви в деле использования в финансовых целях всякого подходящего случая, показывает следующий факт: папа Иоанн XXII в XIII в. установил особый налог в 990 дукатов с Венеции за ведение торговли с мусульманским Востоком: без уплаты этого налога торговое общение христианских купцов с арабскими считалось греховным.

Но едва ли не самый значительный доход извлекала курия от знаменитой продажи индульгенций. В католической церкви рано сложился догмат о сокровищнице святых, согласно которому Христос со святыми сделали гораздо больше добрых дел, чем это было нужно для их спасения; совершенные им избыточные дела находятся в полном распоряжении папы, от которого вполне зависит предоставить их в любом количестве нуждавшимся: „велика власть папы в области освобождения от грехов: без всякого даже мотива он может разрешить то, что запрещено каноническими законами, а с указанием мотивов и то, что запрещают и божеские законы“. При этом папа имел силу освобождать не только от наказания, но и от самой вины. Не даром Климент VI приказал ангелам немедленно переправить души „очищенных“ им людей из ада в рай. Понятно, конечно, что эти отпущения от грехов выдавались за деньги, при чем в Риме не только можно было очиститься от совершенного преступления — духовное лицо, убившее своего отца, мать, брата или сестру, получало прощение за 7 грошей, — но и от еще только проектируемого. Иногда папы объявляли старые, давно оплаченные, индульгенции недействительными для того, чтобы начать продажу новых.

Кроме индивидуальных индульгенций, в Риме устраивались по временам общие амнистии. Так, в 1300 г. Бонифаций VIII обещал прощение грехов всем, кто явится

в Рим отпраздновать юбилейный год. На призыв папы устремились толпы пилигримов не только из Европы, но и из Азии, и все они уплачивали искупительные суммы, которые так пришлись по вкусу курии, что Климент VI решил праздновать юбилейный год не через 100, а через 50 лет. Позже пробовали праздновать его даже каждые 25 лет.

Наконец, большие средства стекались в Рим и от продажи и обложения духовных должностей. В раннее средневековье с занятием места епископа или аббата связывалось выполнение тех или иных политических и социальных функций, требовавших от кандидатов известных личных качеств и знания местной среды, а доходы от несения этих обязанностей по большей части поступали в виде сырья. Немудрено, что папам при таких условиях, приходилось назначать на эти должности людей благочестивых и трудолюбивых, при этом большею частью из местных уроженцев, хорошо знакомых с обстановкой, где им предстояло действовать.

Все это изменилось с возникновением товарного способа производства. Вместо сырья с народа стали брать деньги, которые легко можно было перевезти туда, где их израсходовать представлялось наиболее выгодным. И теперь папа, ставленник духовенства Романьи ¹, начинает раздавать высшие и наиболее доходные должности епископов и аббатов своим родственникам или попросту продавать их тем, кто больше за них давал. Непотизм ² и симония ³ свивают себе прочные гнезда в римской курии. Церковные должности, конечно, сопряженные с получением больших доходов, доставались лицам, которые нередко фактически их не занимали, а просто выписывали себе из-за Альп свое „жалованье“.

Суммы за посвящение в епископы и аббаты, сначала неопределенные, уже в начале XIV века были строго зафиксированы: папская курия начинала нуждаться в определенном твердом бюджете. И вот архиепископ Руана должен был платить по 12.000 гульденов, архиепископы Трира, Майнца, Кельна и Зальцбурга по 10.000, архиепископ Толедо 8.000, Санса, Камбрэ и Меца по 6.000, Тулузы и Севильи по 5.000 и т. д. Несколько меньше бралось с аббатств.

¹ Центральная провинция в Италии, находившаяся под непосредственной властью папского престола. Она называлась еще Папскою областью.

² Непотизм — раздача должностей родственникам, от латинского слова *непос* — наследник.

³ Симония — продажа церковных должностей.

Так, Сен-Жермен и монастырь св. Троицы в Фокане платили по 8.000 гульденов, Сен-Дени — 6.000, но большинство вносило по 3—5 тысяч гульденов. На Константином соборе французские делегаты жаловались на обременительность этих сборов, превышавших 697.500 франц. гульденов и уплачиваемых, в виду частых перемещений прелатов, полностью каждые шесть лет.

Помимо платы за назначение епископов и аббатов, курия взимала еще так называемые аннаты, т.-е. взносы с каждого нового духовного лица в размере годового дохода с занимаемой им должности. Исключение делалось лишь для тех, кто получал не свыше 24 золотых гульденов в год. Этот сбор впервые был установлен Иоанном XXII и обосновывался на основах феодального права, согласно которым все церковные должности, дававшие доход, принадлежат папе, как их сюзерену, который за их уступку и должен получать соответствующие взносы. Как значителен был этот доход, видно из того, что Майнцское архиепископство, напр., в середине XV века за один только год собрало в виде аннат 175 тысяч гульденов.

Наконец, римская курия все шире и шире развивала торговлю реликвиями, дававшую ей также значительные доходы. В Риме возникли целые кварталы из ремесленников, которые в массовом количестве производили пузырьки со слезами или молоком божьей матери, кусочки креста, на котором был распят Христос, комки земли, послужившей материалом для сотворения Адама, кусочки личной кожи св. Варфоломея, перья, выпавшие из крыла архангела Гавриила и пр. Духовенство учило, что приобретение этих святынь даст сотни тысяч лет освобождения от мук чистилища, а простодушная паства охотно раскупала дорогой товар, тратя на него последние сбережения. Для пополнения своей кассы, папы, словом, ничем не брезгали.

Само собой разумеется, что с течением времени аппетиты римской курии настолько возросли, что для их удовлетворения потребовалась помощь со стороны ростовщического капитала. Соискатель той или иной крупной церковной должности не всегда обладал достаточными средствами, чтобы уплатить за свое „посвящение“ и внести аннаты. В таком случае он обращался к ростовщику, при чем это часто делалось при посредничестве самого папы. Римский банкир соглашался ссудить архиепископа Майнцкого или Трирского деньгами, но лишь под условием поручительства за него римского престола. Неоплатным должникам духовного звания папа угрожал отлучением от церкви, а иногда

ответственными за долги епископов и аббатов ¹ делал их капитулы ².

К помощи финансистов обращались и сами папы, особенно при собирании налогов. Так, когда в Германии, по постановлению второго Лионского собора, была введена в 1274 г. крестовая десятина, ее сбор был поручен купцам из Пьяченцы и Пистойи. Сборы в Англии папа отдал целиком фирме Киаренти, которая имела отделения также в Испании. Итальянский дом Пульчи, с его главной конторой в Брюгге, был в этом отношении центральным пунктом для Фландрии и вообще всего севера Европы. Но особенно тесные связи возникали у Ватикана с богатой Флоренцией, торгово-банковские фирмы которой с конца XIII века заняли доминирующее положение в финансовых делах курии. Не даром флорентийцев стали называть „папскими купцами“. Позже папский двор завязал тесные сношения с знаменитым аугсбургским домом Фуггеров, чрез посредство которого происходила продажа индульгенций и даже продажа церковных должностей. „Не легко получить здесь (в Германии) богатый приход человеку, — говорит Гуттен, — который не заслужил его в Риме или не послал туда крупной суммы для подкупа, или просто не купил его чрез посредство Фуггеров“.

Так, под влиянием обуявшей средневековое общество всеобщей корысти и жадности, созданных развитием товаро-денежных отношений, римская церковь во главе с папой стала грандиозным коммерчески-ростовщическим аппаратом, исключительно приноровленным к тому, чтобы выкачивать из населения Западной Европы как можно больше денег. В этом отношении Франц Меринг удачно сравнил ее с Римской империей, также выродившейся в грандиозную эксплуататорскую машину, для всего средиземно-морского побережья.

Появление оппозиции против католической церкви и папства.—Тот экономический процесс, который превратил церковь из института, оказывавшего многообразную поддержку европейским народам, в институт их эксплуатации, параллельно этому привел и к церковному паразитизму. „Теперь все труды предоставляются Петру и Павлу: у них ведь достаточно досуга, — писал Эразм Роттердамский в своей „Похвале Глупости“; — на свою долю

¹ Аббат — настоятель монастыря, игумен.

² Капитулами назывались советы из высшего духовенства, стоявшие во главе епископий и монастырей. Члены их, каноники, первоначально жили вместе с епископом и настоятелем в одном общем доме, сходились на совместные молитвы и собрания, на которых читались отдельные главы (capitula) их устава.

папы оставляли зато весь блеск и все удовольствия". Обще-
ственно-полезные функции церкви все более и более атро-
фировались, по мере того как изменялись материальные
условия, их в свое время породившие.

Действительно, со времени крестовых походов Запад-
ная Европа освободилась от угрозы мусульманского завое-
вания, и универсализм католической церкви стал не только
ненужным, но и отяготительным. Развитие внутренней
торговли в отдельных странах, спланивавшихся вокруг круп-
ных торговых центров, приводило к их национальному объе-
динению, возглавлявшемуся королевской властью. Не мона-
стыри, как в раннее средневековье, а города становятся теперь
центрами, где возникает и откуда распространяются новый
способ производства, новая наука, искусство и просвещение.

Паразитизм церкви и ее ненасытная алчность начинали
возбуждать против нее все классы общества. Крестьяне,
жившие на церковной земле, попадали в те же условия
невыносимой эксплуатации, что и на земле светских феодалов.
Крестьяне, населявшие земли последних, тяготились
непомерно возросшими церковными сборами. Вообще низ-
шие слои населения были недовольны тем, что церковь, при-
тесняя их, переставала оказывать им былую помощь. Цер-
ковь навлекала на себя нарекания и со стороны нового
общественного класса, буржуазии. Правда, отдельные капи-
талисты, вроде итальянских торгово-финансовых фирм или
дома Фуггеров, были кровно заинтересованы в сохранении
католической церкви и папства, но они являлись исклю-
чением. Буржуазия в целом, как класс, ранее нуждавшаяся
в поддержке со стороны церкви, в XIV—XV в.в. встречала
уже в ее лице тормоз для своего дальнейшего развития.
Даже феодальное дворянство, по мере своего „оскудения“,
с завистью начинало смотреть на все возраставшие церков-
ные имущества.

Что же касается самой церкви во главе с папством,
то она все более и более разлагалась и нравственно. Раз-
витие торговли и городов создавало новую светскую куль-
туру, которая особенно пышно расцвела в XIV и XV в.в.
в Италии. От ее влияния римское духовенство, конечно,
не могло уберечься, и новое гуманистическое мировоззрение,
выработанное итальянской буржуазией в пору ее револю-
ционной юности, нашло радужный прием при папском дворе.
Высший клир в Риме совершенно порывает с средневе-
ковым аскетизмом и схоластикой, и Ватикан превращается
в „Тибрский Вавилон“, где традиционное благочестие, пра-
вила поведения и нравственности, самая вера — все было
отвергнуто и осмеяно.

Но этот разрыв римского духовенства с прошлым носил половинчатый характер. Оно переросло сложившиеся „во мраке средних веков“ церковные догматы и институты, но вместе с тем понимало, что его господство, с утратой материальных условий, в свое время его вызвавших, базируется единственно на этих догматах и институтах. Поэтому, чем более росло неверие в среде высшего духовенства, тем более содействовало оно поддержанию и распространению суеверий в народных массах. Не даром папа Лев X Медичи, при котором началась реформация, был атеистом, — про него рассказывали, что он допускал басню о существовании Христа лишь на том основании, что она ему во многом помогала, — а между тем, именно при нем торговля индульгенциями велась, как никогда. Утратив веру, держась на сознательном обмане народных масс, пребывавших в невежестве, римское духовенство этой эпохи исключительно преследовало одну цель — добыть как можно больше денег, чтобы с головой уйти в роскошь и разврат. Так, революционное презрение традиций, заимствованное у верхушек поднимающегося класса — торгово-финансовой буржуазии, смешалось в нем с неестественной жадностью наслаждений, с трусливой старческой похотливостью, свойственных всякому разлагающемуся классу. Немудрено, что авторитет римского духовенства и церкви в широких массах рано или поздно должен был пасть, и это особенно ярко сказалось в появлении „Декамерона“ Боккаччо¹.

Все это вместе взятое приводило к тому, что всюду мало-по-малу росли враждебные церкви и папству силы, которые впервые выступили, естественно, в экономически передовых странах. Страны эти в XIV—XV в.в. сумели политически объединиться под сенью выросшей, в условиях развития товарно-денежного хозяйства, королевской власти. Таковы были в особенности Испания и Франция. Их политическая мощь заставила папство пойти на существенные уступки, и испанская и французская церкви в значительной степени приобрели автономию, поставившую предел папской эксплуатации этих стран. Больше того: оба эти государства оказались настолько сильны, чтобы и самого папу обратить в свое орудие и использовать его влияние в своих интересах. Точно также не шла на открытую борьбу с папством и наиболее развитая страна того вре-

¹ В новеллах, составляющих сборник „Декамерон“, как известно, Боккаччо жестоко осмеял пороки духовенства, его алчность, лицемерие, развращенность и т. д., выведя на сцену целый ряд соответствующих типов. Особенно много досталось от него монахам.

мени, Италия: господство папы над европейским Западом означало экономическую зависимость этого Запада от Италии. Правда, народные массы Италии, естественно, не принимавшие участие в тех благах, какие итальянское духовенство и итальянская буржуазия извлекали из эксплуатации лежавших за Альпами стран, также пробовали выступить против папства. Но их попытка, сделанная под руководством Савонароллы, потерпела крах: католический клир, поддержанный буржуазией, ее жестоко подавил, предав вождя движения сожжению на костре.

Но по мере того, как гнет папской власти слабел в XIII—XV в.в. в экономически мощных странах, папство все более и более усиливало свой финансовый пресс в странах отсталых, и особенно в Германии. Германия, естественно, и явилась застрельщицей наиболее сильного реформационного движения. Ее территориальные государи, наконец, отважились на борьбу с папским игом. Но в эту борьбу непосредственно вступили, помимо правительств, и различные общественные классы. В противоположность передовым экономически государствам, где объединявшая их политическая власть являлась представительницей господствовавших слоев населения, в Германии, разобщенной на мелкие самостоятельные владения, не оказалось политической власти достаточно авторитетной, чтоб стать выразительницей интересов „нации“, понимая под ней руководящие классы общества. Согласно друг с другом в отрицательном отношении к римской церкви, все эти силы выступили в эпоху реформации разрозненно и далеко расходились между собой в области положительных стремлений. При таких условиях антипапское движение приняло в Германии форму наиболее длительной и острой гражданской войны.

Догматическая программа реформации.— Краеугольная проблема, свойственная каждой религии, — идея спасения, идея достижения вечного блаженства, — в лоне католицизма разрешалась в более ранние времена в форме аскетизма, требовавшего героического напряжения воли для борьбы с соблазнами мира, позже—в форме евангелизма, учившего о подражании Христу и апостолам в постоянном любовном служении ближним и в тесном общении с природою. Разрешение этой проблемы в духе аскетизма соответствовало настроениям, возникшим в смутную эпоху падения Римской империи и образования варварских государств, когда все слои населения испытывали бедствия всеобщей анархии, когда всюду свирепствовали междоусобия и нашествия, голод и эпидемии. Смягчение строго

аскетического идеала прозрело в секте вальденсов и в францисканском движении, появившихся в XII—XIII в.в. на почве подъема городской жизни. Не даром сам Франциск и Петр Вальдо вышли из купеческой среды. Поднимавшееся тогда зажиточное бюргерство — в виде мелких торговцев и ремесленников, более развитое и духовно подвижное, чем феодалы или крестьяне, — не могло уже следовать суровым аскетическим требованиям или, отказываясь от них, довольствоваться предлагавшимися католической церковью, как мы увидим ниже, чисто внешними их суррогатами. Для них требовалась индивидуализация религиозных переживаний; они принимали мир, восхищались чудесами творения, славили их, наслаждались ими. Не заслуги, с их точки зрения, не самоистязания и покаянные упражнения, а любовь, изливавшаяся на людей, животных и природу, вот что является условием спасения души.

Католическая церковь признавала, однако, оба решения проблемы недостижимыми для среднего человека, а она была призвана заботиться о спасении всех. Кроме того, при полном осуществлении того или другого из указанных путей к спасению, возникала известная опасность для авторитета церкви. „Последовательный аскет, который в качестве отшельника предается своим покаянным упражнениям, — справедливо отметил А. Г. Вульфийус, — в сущности не нуждается в церковном аппарате для достижения спасения, равно как и совершенно ушедший в любовное служение ближним подражатель Христа“. Официальная церковь, поэтому, в аскетизме и евангелизме готова была видеть лишь высшие ступени религиозного совершенства, но наряду с ними допускала и другие, низшие. Обладая благодатью, изливающейся в таинствах и священных действиях, она одна могла „избыточные заслуги“ Христа и святых обратить на пользу „тех менее совершенных членов тела Христа“, для которых был закрыт путь высшего совершенства, кто не способны были стать монахами, а оставались в миру. Таким способом церковь своей благодатью освящала все основные формы земной культуры: государство, семью, право, хозяйство, науку и искусство, поскольку они подчинялись ее руководительской роли.

Церковное решение проблемы спасения вполне соответствовало тому культурному уровню, при котором в Западной Европе не было еще ни сколько-нибудь развитого товарообмена, ни сплоченных социальных групп, ни построенных на прочной экономической основе национальных государств, ни, наконец, сколько-нибудь сильных и самостоятельных научных и художественных интересов:

напротив, единственно во всех отношениях организованной силой являлась одна только церковь. Развитие денежного хозяйства и городов, разрушение средневековых корпораций, возникновение национальных государств — все это, в конце концов, должно было породить протест против всеобъемлющей церковной опеки, против подавляющего церковного господства. И этот протест особенно усилился, когда церковь, исходя из идеи о возможности для человека приобрести заслуги перед богом, стала большое значение придавать внешним актам — соблюдению постов, поклонению святым, паломничеству, коллекционированию мощей и реликвий, добрым делам и проч. Эта чисто внешняя сторона религии, по мере развития товарно-денежных отношений в Европе, все более и более выступала на первый план в церковной деятельности и достигла, наконец, своего кульминационного пункта, когда все эти церемониальные дела и акты благочестия были переведены на деньги, что и привело к организованной чисто капиталистическим способом продаже индульгенций.

Против такого понимания основной религиозной проблемы и выступили идеологи реформации. В большинстве случаев они выходили из рядов низшего, преимущественно приходского духовенства, близкого к средней буржуазии. Духовенство это, особенно в германских княжествах, влачило жалкое существование, служа простым аппаратом для выжимания средств с народа и пересылки их в Рим. Наиболее яркими реформаторами в рядах низшего духовенства явились, кроме упомянутого Савонароллы, Лютер, Цвингли и Кальвин, ставшие выразителями религиозных интересов средних классов общества — дворянства и буржуазии.

В противоположность перенесению центра тяжести на добрые дела, превратившему церковь в эксплуатирующий паству финансовый аппарат и резко обособившему покупающих спасение мирян и продающее его духовенство, эти идеологи реформации выдвинули идею о „порабощенной воле“ человека, неспособного даже ни принять, ни отвергнуть предлагаемую ему благодать, идею о возложении всех надежд исключительно на милость божью, „откровенную“ в искупительной смерти Христа: словом, они стали учить о спасении одной верой, без всякого участия дел и заслуг.

Таким образом, все они пошли по тому пути, на который впервые стали, как мы видели, Петр Вальдо и Франциск Ассизский. Среда зажиточного бюргерства, средней буржуазии, — привнесла им свое понимание религии и ее основного смысла.

Согласно учению этих идеологов реформации, вера, являющаяся сверхразумным постижением истин спасения и производящая перерождение человеческой души в духе любви, поэтому и выражающаяся в добрых делах, эта вера не приобретается собственными усилиями человека, а даруется ему самим богом. Такое понимание веры, естественно, привело их к формулировке вытекающего из него второго догмата протестантизма—учения о предопределении, согласно которому бог не только предвидел, но и предизбрал одних людей к спасению, наделив их верою, других — к вечной гибели.

Учение о предопределении в связи с учением о спасении верою означало и высшую ступень отчаяния человека в своих силах, и непоколебимую уверенность его в своем спасении. Кроме того, оно выдвигало на первый план не внешнюю сторону религии, а внутреннюю. Так как процесс спасения не зависит от человеческой воли, а базируется исключительно на вере, то нет уже необходимости в иерархически построенном церковном аппарате. Церковь — община верующих, а отнюдь не организация пасомых под главенством пастырей, отличных от первых особою „благодатью“. Верующие могут проявлять свою веру в любом земном призвании; монашество как таковое должно быть уничтожено. При этом каждый верующий имеет право на религиозное самоопределение на основании его личного понимания священного писания, как единственного источника истины. Правда, эта свобода совести в лютеранстве и кальвинизме, наиболее могущественных протестантских церквях, вскоре подверглась ограничению: толкование священного писания допускалось лишь в духе взглядов, какие высказали основоположники протестантизма.

Это учение со всеми вытекающими из него последствиями было усвоено и использовано, главным образом, имущими классами общества и представителями политической власти. Разрыв с католицизмом и принятие протестантизма означало для светских правительств секуляризацию церковных имуществ и лишение духовенства иммунитетов¹, для рыцарства — также обогащение церковными землями для буржуазии — освобождение от церковных поборов, и особенно от церковной конкуренции в области народного хозяйства.

¹ Иммуниет—изъятие церковных владений от налогового обложения в пользу государственной казны и независимость церковных учреждений от государственного суда.

Что же касается низших классов общества — городского ремесленно-мануфактурного пролетариата и крестьянства, то они в своем разрыве с католицизмом, в тех странах, где это произошло, пошли значительно дальше. Для выдвинувшихся из их среды идеологов недостаточно было реформы догматической стороны религии и вообще внешних церковных форм: с религиозной реформацией они связывали и требования радикальной перемены всего общественного строя. Это требование не могло быть основано ни на священном предании, лежавшем в основе организации и деятельности католической церкви, ни на священном писании, на которое опирался протестантизм. Для идеологов религиозных стремлений народных масс источником веры и правды служило внутреннее откровение. Последнее достигалось, по их убеждению, путем непосредственного слияния человеческой души с божеством в экстазе, посредством полного отказа от всех волевых импульсов, с целью предоставить исключительную свободу действию божественной воли.

Мистицизм, овладевавший народными массами в наиболее тяжелые моменты их жизни, таким образом указывал путь к спасению здесь, на земле, обещая верующим наступление на этом именно свете вечного царствия божия, в котором вполне осуществляются идеалы первоначального христианства. Он особенно усилился в эпоху экономического переворота и преимущественно в тех странах, где процесс развития денежного хозяйства шел в высшей степени болезненно, сопровождаясь резким ухудшением в положении и народных масс и крайним обострением классовых противоречий: в городе между ремесленным пролетариатом и торгово-промышленной буржуазией, в деревне между крестьянством и землевладельцами. В век реформации наиболее крупными представителями мистического течения являлись ткач Николай Шторх, священник Фома Мюнцер, портной Ян Боккольд.

Первой страной, где произошел взрыв реформации, расколовшейся затем на несколько течений, как было уже сказано, явилась Германия.

II. Реформационное движение в Германии.

1) Политическое устройство Германии накануне реформации.

Характер политического объединения Германии.—Позже других западно-европейских стран Германия вступила в пору коренной ломки своих средневековых социальных и политических порядков. Денежное хозяйство, сложившее в исходе средних веков Францию, Испанию, Англию в национальные централизованные государства, развивалось в Германии значительно слабее. По Дунаю, Рейну и Балтийскому побережью в ней возник ряд цветущих городов, но ни один из них не был настолько силен, чтобы связать с собой экономически обширную страну и послужить базой для ее политического объединения.

Эти города являлись как бы оазисами капиталистического развития среди значительных областей, где продолжали сохранять значение, в большей или меньшей мере, прежние формы хозяйства.

Тем не менее, такое объединение, правда очень непрочное, в Германии существовало, и при том с очень давних пор. Возникло оно, подобно римско-католической церкви, на почве защиты страны от напавших на нее с севера и востока варваров, сначала славян и венгров, затем турок. Это была так называемая „Священная Римская империя германской нации“.

Созданная, в интересах, главным образом, внешней безопасности, императорская власть внутри страны влачила жалкое существование. Император обычно выбирался на сеймах, состоявших из светских и духовных князей, и должен был давать им присягу. Ему архиепископ Майнцкий задавал шесть вопросов: желает ли он защищать католическую веру и государство, быть справедливым судьей и всеобщим защитником и т. д. На каждый из этих вопросов император должен был ответить: „желаю“, скрепив свое обещание клятвой на евангелии. Тогда архиепископ, стоя на коленях, обращался к „кругу“, т.-е. присутствовавшим князьям, и спрашивал: желают ли они подчиняться этому государю. И только после заявления со стороны собравшихся: „да будет“, следовало коронование и миропомазание.

Как феодальные монархи, германские императоры были полными обладателями лишь в своих наследственных землях—в Саксонии, Франконии, затем в Швабии. В остальных

частях Германии они пользовались правом взимать пошлины и чеканить монету, но издавать законы и постановления общего характера должны были с ведома сеймов. Кроме того, они не стояли выше закона: за нарушение коронационной присяги их подвергали княжескому суду и могли низложить с престола.

Борьба императоров первых династий, саксонской, франконской и Гогенштауфенов, с внешними врагами, а затем их попытки подчинить себе папство требовали наличия больших вооруженных сил, которые могли предоставить в их распоряжение только местные князья. Понятно поэтому, что стремление к расширению и усилению своей власти за счет власти крупных феодалов, которое начали проводить в своей политике короли Франции и других стран, опираясь на растущую буржуазию и мелкое рыцарство, было совершенно чуждо германским императорам. При них феодализм в Германии утвердился особенно прочно, и, когда внешняя опасность со стороны венгров и славян миновала, императорская власть во второй половине XIII в. временно совершенно исчезла. Настала „эпоха кулачного права“, в которую хорошо жилось лишь крупным феодалам—князьям, герцогам, маркграфам, архиепископам.

Оппозиция городов, и особенно могущественного Рейнского союза, возникшего в целях взаимной защиты против „нарушителей мира“, а также мелкого рыцарства, тяжело почувствовавшего на себе княжескую руку, побудило князей восстановить утраченное политическое единство, и в 1273 г. они избрали на престол Рудольфа Габсбургского.

Габсбурги и царствовавшие в перемежку с ними Люксембурги отказались от грандиозных замыслов своих предшественников, стремившихся к созданию универсальной монархии. Они поставили себе более скромную задачу — увеличить свои владения в Германии и стать современем могущественнее всех остальных германских князей. К этому шел уже Рудольф Габсбургский, отнявший у Оттокара II Австрию, к которой впоследствии приемники его присоединили Чехию и Венгрию. О вмешательстве в общегерманские дела эти императоры думали очень мало, довольствуясь императорским титулом и примирившись с утратой императорской власти. Правда, сын Рудольфа, Альбрехт попытался было стать „человеком с мечом Карла Великого“ и „обрубить когти князьям-грабителям“, но за это пал в 1308 г. от руки убийцы, после чего подобные попытки были оставлены. Наоборот, утвердившаяся в Германии политическая раздробленность была в царствование Карла

IV даже юридически санкционирована. Изданная этим императором в 1356 г. „Золотая булла“ передавала на все будущее время избрание короля семи курфюрстам: трем духовным — епископам майнцскому, трирскому и кельнскому, и четырем светским — пфальцграфу рейнскому, герцогу саксен-вюртембергскому, маркграфу бранденбургскому и королю богемскому. Она устанавливала нераздельность курфюршеских владений и право первородства в светских княжествах, а также утверждала за курфюрстами все, уже захваченные ими, верховные права, вроде права на рудники, чеканку монеты, таможи, и предоставляла им „свободу суда“, в силу которой жившее на их территории население могло судиться только у них. Позже некоторые из курфюршеских привилегий были даны и другим князьям, а также и имперским городам.

С этого времени император стал почти только „старшиной имперской общины“, полноправными членами которой считались курфюрсты и князья, а с XV в. и представители городских республик. Самостоятельный в своих наследственных владениях, император в делах общеимперских должен был всегда считаться с их мнением, вследствие чего, как только представлялась необходимость в издании новых законов или введении новых налогов, созывал их на так называемые рейхстаги. Разделившись к XV ст. на три курии: курфюршескую, княжескую и городскую, эти рейхстаги носили характер съездов независимых государей, своего рода международных конгрессов. Если императоры, как мы уже отметили, больше заботились о своих узкодинастических интересах, то это еще более можно сказать про членов рейхстага. Они всеми силами противились изданию законов, которые нарушали бы самостоятельность отдельных территорий, и, оберегая финансовые интересы последних, отвергали всякие расходы на общие нужды империи. Таким образом, из двух центральных сил, которые, казалось, должны были бы служить делу объединения германского народа, одна противодействовала другой, и обе не были в состоянии победить одна другую.

Германия, поэтому, до конца XV в. оставалась государством федералистического типа.

Положение территориальных княжеств. — Что же представляли собой те территориальные владения, на которые Германия распадалась?

Эти владения можно разделить, в сущности, на две группы: на светские и духовные княжества, с одной стороны, и на имперские города — с другой.

Светские и духовные княжества, почти вплоть до эпохи междоусобиц, являлись в полном смысле слова феодальными государствами. Главы их, князья и епископы, были по характеру своей власти сюзеренами, под патронатом которых находились прелаты, рыцари и земские города. Такое положение их юридически закрепил обнародованный Фридрихом II Гогенштауфеном на Вормском сейме в 1231 г. *Statutum in favorem principum ecclesiasticorum et mundanorum*. Но после эпохи кулачного права власть князей внутри их владений стала падать. Под влиянием роста денежного хозяйства, уничтожавшего экономическую изолированность отдельного феодального владения, в среде рыцарей и прелатов росла солидарность, и они из простой совокупности феодалов мало-по-малу превращались в дворянское и духовное сословия. Сословными интересами проникались также и горожане, численность и богатство которых увеличивались благодаря развитию бойкой торговли на Немецком и Балтийском морях.

Все более и более разгоравшаяся борьба названных сословий с местными князьями в конце концов привела к возникновению в княжествах собраний земских чинов, или иначе ландтагов. Устройство последних не везде было одинаково. В некоторых княжествах „духовная, дворянская и городская скамьи“¹ составляли одно собрание, в других же каждый „чин“ заседал особо, как отдельная курия. Постановления обыкновенно принимались простым большинством голосов, но иногда требовалось согласие всех трех чинов. Нередко учреждались постоянные комитеты, которые, после роспуска ландтага, должны были наблюдать за исполнением принятых им решений. Важнейшими правами ландтагов были право законодательства и право податного обложения. Впоследствии они приобрели значительные права и в области управления: так, например, княжеские советники стали зависеть от них. Посредством вотивирования налогов они добились также и того, что князья без их согласия не смели строить бургов и замков, вступать в договоры, начинать войну и заключать мир. Для разрешения споров между князьями и земскими чинами в некоторых областях существовали особые суды, членов которых назначали сословия. В случае неподчинения князей судебным постановлениям, ландтаги имели право разрешить население от присяги им и призвать его к оружию. Это последнее право очень часто торжественно подтверждалось князьями

¹ Представители крестьянства приглашались только в Восточной Фрисландии и Тироле, где крестьянство было свободным.

в особых грамотах. Так, герцог Фридрих Брауншвейг-Люнебургский заявил в 1471 г.: „Если мы, наши наследники или потомки, будем, вопреки праву и обещанию, отягощать наших прелатов, рыцарей и города, то мы разрешаем и позволяем им действовать всем вместе или каждому порознь и защищаться от нас, наших наследников или потомков, пока их не удовлетворят по закону без всяких проволочек и возражений“. Такого рода земские конститутции гарантировали трем сословиям довольно широкую личную и гражданскую свободу, пока эти сословия жили в мире друг с другом. Такое положение вещей француз Пьер де-Фруассар очень удачно охарактеризовал следующими словами: „Как князья поставили в зависимость от себя императора и признают за ним лишь некоторые верховные права, так и они, со своей стороны, зависят от воли чинов“. Но это согласие между сословиями к концу XV ст. уже было нарушено.

Прелаты, следуя примеру римского папы, стремились к главенству в светском обществе, которое желали подчинить церковной юрисдикции и обложить всевозможными сборами в пользу церкви. Кроме того, они пытались всецело освободиться от подчинения светской власти, хотя последняя сама наделила их массой привилегий, особенно в сфере податной. Немудрено, что за эти притязания все классы общества относились к высшему духовенству крайне враждебно.

Такое же отношение встречало к себе со стороны массы населения и рыцарство. Экономическое положение его было подорвано развивавшимся с XIII ст. денежным хозяйством. Чтобы выйти из кризиса, обедневшие рыцари всячески увеличивали сборы со своих крестьян и сокращали площадь крестьянской запашки, отбирая в свое пользование все больше и больше общинных угодий. Раньше спасением от материальной нужды являлось для них военное дело. Но с той поры, как было изобретено огнестрельное оружие, а в государственной казне появились деньги, император и князья стали предпочитать нестройным толпам буйного рыцарства наемные отряды ландскнехтов. Тогда рыцари, кроме поборов с крестьян и захватов их земли, не стали брезговать для добывания себе средств к жизни также грабежами и разбоями. Но эта деятельность вызвала в отношении к ним, как к носителям беспорядка и анархии, всеобщую ненависть. Особенно яркими врагами их были, помимо крестьянства, горожане. Ведя торговлю и вследствие этого часто проезжая через рыцарские имения, последние всегда подвергались опасности быть зарезанными или, в лучшем случае, ограбленными.

Такая глубокая общественная рознь, особенно резко обнаружившаяся в XV в., как более нельзя была на руку местным князьям, так как при наличности ее ландтаги редко могли пользоваться своими обширными полномочиями. Хотя окончательный упадок этих учреждений относится ко времени тридцатилетней войны, но тенденции князей к абсолютизму сделались заметными уже в XV в. „Стараясь стеснить и подорвать самостоятельность дворянства и городов порознь, — говорит Пьер де-Фруассар, — князья пользовались их раздорами, где бы они ни были, хотя бы в собраниях чинов, и раздували эти раздоры для своей выгоды и для увеличения своей власти“. В некоторых областях самоуправления земских городов¹ было почти совершенно разрушено. Члены магистратов, например, стали утверждаться в своих должностях княжеской властью, которая кроме того контролировала и самую их деятельность. Положение графов и рыцарей тоже пошатнулось. Укрепленные замки, в которых они раньше имели полное основание считать себя „почти независимыми от какой бы то ни было власти“, теперь, с появлением „дорого стоящей“ артиллерии, уже не спасали их от подчинения князьям.

В своем стремлении к абсолютизму территориальные государи встретили мощную поддержку в лице крупной торгово-финансовой буржуазии, для которой сильная правительственная власть, способная уничтожить средневековую анархию, была насущной необходимостью. Благодаря средствам, предоставлявшимся капиталистами в распоряжение князей, последние начали с этого времени создавать исключительно подчиненные им бюрократию и наемное войско, вооруженное огнестрельным оружием. В чиновники к ним поступали, главным образом, лица из городского сословия, изучившие в университетах римское право. Этих людей, порвавших все связи с их прежней социальной средой, князья охотно делали своими советниками и помощниками, передавая им важнейшие должности при дворе и в управлении и пользуясь их услугами в качестве дипломатов. В своих сочинениях и на практике эти „юристы“, как называло чиновников население, и явились идеологами зарождающегося абсолютизма. Они проводили взгляд на территориального государа как на *princeps* в старо-римском смысле этого слова. Законодательство и администрация, военная, судебная и финансовая власть, торговля

¹ Так назывались города, которые, в отличие от имперских, представлявших собой самостоятельные республики, находились в подчинении местных князей.

и международные сношения, рудники и леса, наконец, частная собственность были объявлены ими принадлежностью княжеской власти. С особенной ненавистью они выступали против монастырских имуществ, церковной юрисдикции и самостоятельности духовенства. Некоторые из них открыто договаривались до того, что князь, по примеру римских императоров, „и в религиозных делах может и должен давать меру и форму, назначать и смещать епископов и употреблять имущества церкви для своей выгоды и в интересах своей страны“. Полное осуществление этих идей и принесла с собой начавшаяся в XVI ст. реформация, во время которой князья, сохранив и даже усилив свою независимость от императора, добились рыцарство и средневековую городскую автономию и подчинили себе протестантские церкви.

Имперские города.—Общественная рознь, правда, в меньшей мере, чем в светских и духовных княжествах, обнаружилась в конце средневековья также и в имперских городах. Эти города возникли, главным образом, в тех местностях, где прежние племенные герцогства распались на несколько частей,—в Швабии и на Рейне. Главнейшими из них были следующие: на нижнем Рейне—Аахен и Кельн, на среднем Рейне—Майнц, Вормс и Франкфурт; на верхнем Рейне—Страсбург и Кольмар; в Швейцарии—Берн и Цюрих; в Швабии—Аугсбург, Ульм, Гейльброн и Донауверт; в Вестфалии—Дортмунд и Герфорд; в Нижней Саксонии—Любек, Бремен и Гамбург; в Нидерландах—Камбрэ и Нимвеген; в Лотарингии—Метц, Туль и Верден; во Франконии—Нюрнберг; в Баварии—Регенсбург; в Тюрингии—Эрфурт. Только в Бранденбурге, Австрии и Богемии не было ни одного торгово-промышленного центра, который был бы в состоянии добиться независимости.

Впервые имперские города появляются на исторической сцене в XI ст. „В течение двух последующих веков,—говорит Георг Белов,—было положено начало всему тому, что составляет главное содержание городской жизни вплоть до начала новейшего времени. В это время ремесленники и купцы образуют цехи и гильдии. В это время возникают городские советы и все городское управление. Тогда же воздвигаются первые городские думы и гостинные дворы. Тогда же города выступают впервые со своими широкими мероприятиям в области внутреннего управления“. Из причин, вызвавших появление городов, сыграло наиболее крупную роль все более идущее вперед общественное разделение труда, в частности выделение из сельского хозяйства ремесленной деятельности и развитие торговли. Этот процесс

особенно усилился в период, когда занятие земли под обработку достигло в Германии в XI—XII веках известного предела, а колонизация и германизация славянских стран на Востоке приняла широкие размеры лишь с XIII в. Пока же избыток населения пригодился городам, особенно тем, по близости от которых находились горные богатства и соляные копи. К этому присоединилось и внешнее влияние. В эпоху крестовых походов завязалась оживленная торговля с Востоком, шедшая, главным образом, через Италию. Она дала прежде всего южной и юго-западной, а позже и северной Германии новый толчок к торгово-промышленному развитию. Приобретая у итальянцев восточные товары, немецкие купцы снабжали ими не только Германию, но и Польшу, Россию, Скандинавский полуостров и даже Англию. Немудрено, что эта „народно-хозяйственная революция“, как называют экономический переворот XII—XIII в.в. некоторые историки, привела к пышному расцвету городской жизни.

Богатые и с многочисленным населением города, искусно пользуясь раздорами между императором и папою, с одной стороны, и между императором и князьями, с другой, устраивали союзы между собою и с помощью взаимной поддержки постепенно приобретали значительную самостоятельность. Наиболее крупные из них, в конце концов, стали в XV в. на-ряду с еветскими и духовными княжествами непосредственными членами империи.

Так как имперские города сами вырабатывали нормы своей жизни, то почти в каждом из них образовались особые учреждения и даже обычаи. „Конституции их, — замечает по этому поводу И. Янсен, — часто были не менее причудливыми, чем церкви, воздвигавшиеся ими внутри своих стен“. До конца XIII ст. управление в городах принадлежало только патрициям — старинным купцам-землевладельцам, бывшим первыми насельниками. Но с XIV ст. и цеховые мастера приобретали, иногда после упорной и кровавой борьбы, право участия в городских учреждениях, после чего патриции и ремесленники постепенно сливались в одно гражданское общество. Только в немногих городах, напр. во Франкфурте и Нюрнберге, первые в отличие от вторых сохранили некоторые привилегии.

С этого момента все городское управление стало основываться на цеховой организации: полноправные граждане, даже не занимавшиеся промыслами, были соединены в цехи, представители которых выбирались в городские советы, городские управы и городские суды. Обыкновенно, советам принадлежало право самопополнения, т.-е. кооптация новых членов из числа организованных в цехи граждан, или же

право выбора их из числа намеченных цехами кандидатов. Только для решения особенно важных вопросов законодательства и податного обложения в некоторых городах допускались собрания всех полноправных граждан. Вообще же компетенция городских советов и управ была чрезвычайно обширна. Они вели городское хозяйство, устанавливая косвенные и с XV ст. подоходные налоги и расходуя поступавшие доходы на нужды города: городские укрепления, общественные здания и церкви, мосты и дороги, а также выплачивая определенные суммы главе империи и жалование наемным солдатам, и погашая городские долги; „ради чести, пользы и блага города“ они осуществляли строгий надзор за торговлей и промышленностью, издавали законы против роскоши, устраивали полицию, следившую за иностранцами; наконец, большое внимание они обращали на военное дело, бывшее любимым занятием граждан „в свободные и праздничные дни и в иное время после работы“, воздвигая, когда был изобретен порох, арсеналы, пороховые и литейные заводы и крепостные сооружения для орудий.

Городские учреждения, наделенные столь широкими полномочиями, превосходно выполняли свои задачи по управлению, пока в составе населения не было резких контрастов. Правда, с самого возникновения городов в них существовали полноправные граждане—купцы и мастера, и неполноправные—приказчики и подмастерья. Но различие между этими группами долгое время не являлось чем-то определенным и ненарушимым. Пока преобладало мелкое ремесло, а торговля обслуживала, главным образом, местные рынки, полноправное гражданство не было замкнутым условием, и доступ в него для сторонних элементов был сравнительно легким. Расслоение городского общества началось лишь с дальнейшим развитием денежного хозяйства. Только оно давало возможность купцам накапливать в своих руках огромные богатства, а ремесленникам расширять размеры своих мастерских. С этого времени организованные в гильдии и цехи граждане всяческими способами старались затруднить появление в своей среде новых лиц. С приказчика или подмастерья, желавшего записаться в гильдию или цех, стали требовать громадных вступительных взносов, сделать которые оказывались в состоянии, большей частью, только сыновья купцов и мастеров. Мало того, приказчики и подмастерья, признававшиеся раньше членами семейств купцов и мастеров, у которых они отслуживали время своего ученья, теперь становились в положение батраков: хозяева стремились удлинить для них рабочее время и понизить заработную плату.

Естественно, что с момента усиления классового расчленения в городском обществе органы городского управления стали вырождаться в орудия господства полноправного гражданства над бесправной массой пролетариев, и в городах началась глухая социальная вражда. Временно гражданство и пролетариат объединялись лишь для отпора притязаний духовенства, которое и в имперских городах занимало ту же позицию, что и в княжествах.

Попытки политических реформ в Германии в XV в.—Таково было в общих чертах внутреннее состояние Германии в XV ст. Ему вполне соответствовало и ее внешнее положение. Империя не только утратила европейскую гегемонию, но не была в силах и успешно защищаться от врагов. Особенно печальным в этом отношении было продолжительное царствование Фридриха III. Шлезвиг-Гольштиния перешла в 1460 г. к королю датскому, а Тевтонский орден был вынужден в 1466 г. уступить большую часть своей территории Польше. По смерти Карла Смелого в 1477 г. французский король Людовик XI отобрал Бургундию, а его преемник Карл VIII, завладев в 1495 г. Неаполем, открыто заявил о своем намерении „возложить императорскую корону на свою голову“. Еще большую угрозу несли с собой турки. Взяв Константинополь в 1453 г. и быстро справившись с Сербией, трапезундским царством, Боснией и Славонией, они стали нападать и на германские области. До 1493 г., когда умер Фридрих, было по шести вторжений их в Штирию и Каринтию и семь в Крайну.

Обострившаяся все более сословно-классовая борьба внутри страны и новая внешняя опасность в лице турок остро ставили в Германии вопрос о реформах, посредством которых возможно было бы создать из нее единое политическое целое. Инициативу в их проведении взяли на себя территориальные князья и имперские города.

На Вормском сейме 1495 года они установили „общий и земский вечный мир“ и учредили верховный имперский суд, так называемый рейхскаммергерихт, где лишь председатель назначался императором, а из членов 16 — курфюрстами, 14 князьями и 2 городами. Кроме того, империя была разделена ими на десять округов, во главе которых должны были стоять два окружных старшины из наиболее могущественных князей, начальствовавшие над окружным войском¹, с правом приводить в исполнение приговоры

¹ Это войско должно было состоять из 20.000 пехоты и 4.000 конницы в каждом округе.

верховного суда. Наконец, они проектировали еще учреждение особого правительственного совета для охраны внутреннего мира и внешней безопасности и для заведывания общеимперскими финансами.

Но Максимилиан расстроил эту попытку князей создать в Германии союзное правительство, которое вовсе отодвинуло бы императора в сторону. К идее о правительственном совете он отнесся особенно неприязненно, и этот совет не был учрежден, а для противодействия рейхскаммергерихту создал в Вене для своих наследственных земель рейхсгофрат. Что же касается окружных войск и общеимперского налога, то их не удалось учредить вследствие отсутствия согласия и в среде самих имперских чинов. Таким образом, княжеская реформа потерпела полное фиаско. Открыто же встать против князей и начать политическое объединение Германии в связи с переменами в гражданском быту, опираясь на те общественные силы, которые были враждебны княжескому порядку и пошли бы за императором, Максимилиану, как выразился проф. Кареев, и в голову не приходило: для этого он был слишком „австриец“¹.

Понятно, что вопрос о взаимных отношениях между императором и князьями остался, таким образом, открытым, а равно и та общественная борьба, которая шла вокруг него, не была приведена к концу. Решение этого вопроса произошло уже в эпоху реформации.

2. Реформация в Германии.

Выступление Лютера, как сигнал к началу реформации в Германии, и борьба вокруг церковной реформы различных общественных классов.—Неудача политических реформ, предпринятых на Вормском съезде, обрекала Германию и в будущем оставаться слабой страной, попрежнему представлявшей собой удобный объект для папской эксплуатации. А последняя становилась все более и более беззастенчивой. В такой обстановке ненависть к Риму, постепенно накапливавшаяся во всех классах немецкого народа, захватила и значительный слой духовенства, преимущественно низшего. Из его рядов

¹ Габсбурги владели Австрией на наследственном праве и, приобретая путем избрания корону германской империи, проводили в Германии свою династическую политику. Они стремились, пользуясь сепаратизмом отдельных германских князей, поддерживать притязания австрийского дома на германскую корону.

и вышел человек, сумевший бросить лозунг, послуживший толчком, наконец, к всеобщему открытому движению против католической церкви.

Сын рудокопа из Тюрингии, Мартин Лютер по окончании университета поступил в августинский монастырь, где с жаром предавался аскетическим подвигам и благочестивым размышлениям. Германские монастыри, сравнительно с итальянскими, еще не успели далеко уйти по пути падения нравов. Поездка Лютера в римскую курию по делам ордена на многое открыла ему глаза „Чем ближе Рим, тем хуже христиане“, — делает он вывод. То, с чем ему пришлось встретиться в самой папской столице, вызвало в нем полное омерзение. В папе он увидел „антихриста“, в папском престоле — „седалище сатаны“.

В Германию Лютер вернулся глубоко потрясенный и здесь вскоре открыто выступил против Рима. Поводом к этому послужило появление в 1517 г. в Виттенберге монаха Тецеля и клерка дома Фуггеров, которые с неслыханной развязностью повели торговлю индульгенциями. Заявляя, что папа спас больше душ отпущениями, чем апостол Петр своей проповедью, Тецель нагло приглашал верующих опускать деньги в ящик клерка за спасение покойников, томившихся в чистилище: „как только пфенниг упадет на дно и зазвенит, душа сейчас же полетит на небо“. В ответ на это Лютер составил свои знаменитые 95 тезисов, в которых выступил против индульгенций. Эти тезисы были прибиты к дверям Виттенбергского собора и произвели впечатление неожиданно взорвавшейся бомбы.

Смело поведенная Лютером проповедь „чистого евангелия“ немедленно вызвала в Германии сильное брожение. Прежде всего его поддержал саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, а затем стали выступать против католицизма и все слои немецкого общества. Вполне согласные друг с другом в отрицательном отношении к папству, германские правительства и различные общественные группы далеко расходились между собой в области положительных стремлений, вкладывая в понятие церковной реформации особый смысл и содержание.

Правители княжеств и имперских городов хотели уничтожить универсальный католицизм в целях секуляризации церковных имуществ и создания местных церквей, подчиненных светской власти. На этом пути их в общем поддерживали, — после того как исчезла вера в носителей императорской власти, которые никак не могли стать выразителями стремления общественных слоев, выдвигаемых развитием торгового капитализма, к национально-полити-

ческому объединению Германии,—тогдашняя интеллигенция, выходившая из буржуазной среды, а также приобретающая все больший вес в общественной жизни и сама торгово-промышленная буржуазия. Первая мечтала об освобождении науки и искусства от опеки церкви и об очищении и возвышении самой религии, вторая же для своего дальнейшего развития нуждалась в сильной правительственной власти, несовместимой с существованием папского могущества.

Быстро клонившееся к упадку рыцарское сословие, увеличивавшийся в городах ремесленный пролетариат и закабаленное в крепостную неволю крестьянство, в свою очередь, ожидали для себя от церковной реформации материальных благ и, прежде всего, иного распределения собственности.

Таким образом, когда началось в Германии религиозное брожение, одни надеялись, что оно поведет за собой политические и культурные перемены, другие думали, что оно вызовет вместе с тем и социальный переворот.

Несходство и даже противоречивость положительных стремлений, которые были обнаружены различными группами немецкого народа, питавшими друг к другу сильную вражду и ведшими жестокую борьбу между собой, привели к тому, что объединить эти стремления в одной программе и сообща обрушиться на католическую церковь явилось для них совершенно невозможным. Каждая общественная группа примыкала к церковной реформации вполне самостоятельно и, выдвигая на первый план свои классовые интересы, тем самым вызывала к себе враждебное отношение со стороны остальных.

Движение рабочих в Цвикау.—Первым выступил на путь активной борьбы с католицизмом, естественно, тот класс общества, который был особенно недоволен своим положением и в то же время наиболее революционен и подготовлен к вооруженному восстанию. Это были рабочие горных промыслов около города Цвикау в Саксонии и подмастерья-суконщики в самом городе.

Саксония представляла собой одну из самых развитых экономически областей в Германии. Помимо золотых и серебряных рудников, в ней существовал ряд крупных городов, вроде Эрфурта, служившего складочным местом для шедших из Венеции товаров, Лейпцига, который вел обширную торговлю с севером, Нюрнберга и Аугсбурга, державших в своих руках торговые пути в Италию. В саксонских городах, кроме того, была развита и обрабатывающая промышленность, особенно суконная.

По мере расширения рынка и распространения товарно-денежных отношений средневековые ремесленные формы производства сменялись капиталистическими. Особенно это было заметно в горной промышленности, где мелкие предприятия уступали свое место крупным, и рудокопы постепенно превращались в наемных рабочих. Так как их труд не требовал особой квалифицированности, а также благодаря тому, что горные предприятия находились вне городских стен, ряды рабочих этой отрасли производства обычно пополнялись разорившимися крестьянами и городскими пролетариями - чернорабочими.

В области городской промышленности процесс концентрации производства более всего сказался в суконном деле, получившем особенно широкое распространение. Здесь ремесленники - подмастерья мало - по - малу опускались на положение постоянных наемных рабочих, а мастера становились или скупщиками или предпринимателями, заводившими крупные предприятия. Это отделение труда от капитала вызывало резкие классовые противоречия, и между наемными рабочими и предпринимателями закипала ожесточенная борьба.

Застрельщиками в ней являлись, однако, не рудокопы, а именно подмастерья-суконщики. Причина этого крылась в характере горной промышленности. „Горнорабочие,—говорит К. Каутский,—были изолированы в недоступных горных ущельях, вдали от мира, от оживленных торговых центров. Все особенности труда суживали их умственный горизонт или, по крайней мере, препятствовали его расширению, все их интересы ограничивались местными или профессиональными нуждами“. Правда, против усиливавшейся эксплуатации в рудниках они энергично восставали, но сейчас же прекращали борьбу, как только их требования удовлетворялись.

Иными чертами характеризовался облик подмастерьев-суконщиков. По мере разложения цеховой организации, они все более и более перерастали свою прежнюю цеховую замкнутость и, находясь в тесном соприкосновении с другими группами городского ремесленного пролетариата, легко втягивались в общепролетарскую борьбу. Резкая противоположность богатства и бедности, особенно бьющая в глаза в городе, вызывали в них стремление к коренному общественному перевороту.

Коммунистические идеи, исповедуемые различными средневековыми сектами, находили поэтому среди них как нельзя более благоприятную почву.

Немудрено, что когда началась как раз в Саксонии проповедь Лютера, на которого обрушились и папа и импе-

ратор, низшие слои населения в ряде городов путем восстаний быстро положили конец католическому режиму. Так поступили Эрфурт, Виттенберг, Цвиккау. Движение в Цвиккау, по своему пролетарско-коммунистическому характеру, представляет особенный интерес. Город этот являлся посредником в хлебной торговле между Саксонской низменностью и горно-промышленными округами. Кроме того, в нем было очень развито суконное производство. Подмастерья-суконщики здесь находились в тесном соприкосновении с рудокопами, „откуда получалось, — говорит К. Каутский, — совершенно своеобразное положение: революционный воинственный дух рудокопов придавал смелость ткацким подмастерьям, а коммунистический энтузиазм одних должен был заразить и других“. Понятно поэтому, что знамя сектантского коммунизма впервые в эпоху реформации взвилось над Цвиккау.

Вождем движения был ткач Николай Шторх, а наиболее выдающимся помощником его — проповедник в церкви общества сукно-ткацких подмастерьев, Фома Мюнстер. Цвиккауские „пророки“ уже в 1520 г. организовали здесь особую религиозную секту, получившую позже название анабаптистов¹. В религиозном отношении эта секта с самого начала отмежевывалась от лютеранства признанием безусловной свободы за каждым верить и понимать священное писание, как кто хочет, тогда как Лютер требовал во всяком случае придерживаться евангелия, истины которого считались подлежащими принятию без всяких рассуждений. Таким образом, анабаптисты евангелию противопоставляли внутреннее откровение. В социальной области они стояли за безусловное экономическое равенство, выступая против всяких форм зависимости человека от человека и требуя уничтожения частной собственности и общего владения имуществом.

Влияние цвиккауских деятелей распространилось и в соседних городах, особенно в Виттенберге. Наряду с низшими слоями населения присоединились к ним и отдельные представители интеллигенции. В это время в реформационном движении еще не успели обнаружиться резкие классовые противоречия, оно еще казалось общенациональным, одинаково захватывающим весь народ, без различия классов. Кроме того, коммунистические тенденции анабаптизма, опиравшиеся на древне-христианскую традицию, не отпугивали отдельных лиц из интеллигенции, поскольку

¹ Анабаптисты - перекрещенцы. Такое название они получили потому, что установили обычай перекрещивать взрослых.

последние не были прямо заинтересованы в эксплуатации народной массы. Вот почему на сторону цвиккауских пророков стал даже друг и коллега Лютера Карлштадт, которому лютеранское движение представлялось идущим слишком медленно. В его лице наука—он был профессором теологии—и труд впервые заключили союз. Пророки Цвиккау произвели глубокое впечатление даже на Меланхтона, ближайшего сотрудника Лютера, и он полагал, что „многим признакам в них обитают праведные души“.

Но Меланхтон был слишком дипломат и боялся скомпрометировать себя в глазах курфюрста Саксонии Фридриха, с самого начала взявшего под свое покровительство Лютера. Он предоставил поэтому решение вопроса о характере стремлений анабаптистов Лютеру. Последний, проживая в замке Вартбурге, сначала не мог сказать курфюрсту ничего относительно жителей Цвиккау, но скоро ему стало ясно, что „братья замышляют“, и тогда он энергично обрушился на них.

Но еще раньше него против анабаптистов выступил городской совет Цвиккау, поддержанный всеми буржуазными элементами города. Последние помогали Мюнстеру, пока он ратовал против католических попов, но когда последний развернул социальную программу, а подмастерья-ткачи постарались ее практически осуществить, городские власти пустили в ход силу. Шторху и Мюнцеру пришлось бежать из Цвиккау. Вслед за тем, такое же движение началось в Виттенберге, где руководителем его стал Карлштадт, и в Альтштадте, куда пробрался Мюнцер. Но выступления низших городских слоев и здесь были разрознены, а потому и не имели длительных успехов. Анабаптизм, впрочем, не добился победы и тогда, когда втянулись в движение более широкие народные массы, а именно крестьянство южной Германии.

Но до открытого выступления крестьян в Германии произошло открытое выступление рыцарства.

Рыцарское восстание.—Чтобы понять причины, приведшие рыцарей к восстанию, необходимо, в самых общих чертах, обрисовать ту социально-политическую обстановку, среди которой они находились.

В эту эпоху, как мы уже знаем, в Германии развивалось денежное хозяйство, и в общественной жизни начала играть крупную роль буржуазия, нуждавшаяся в крепкой правительственной власти, которая обеспечила бы ей внутренний рынок и облегчила бы конкуренцию на рынке мировом. Из двух исконных политических сил Германии, императора и князей, этот новый подымавшийся класс

общества стал на сторону вторых, так как они, энергично стремясь к уничтожению феодальной анархии, вполне отвечали ее собственным стремлениям. Союз территориальных князей с буржуазией содействовал сильному росту в немецких областях абсолютизма и возникновению его обоих важных органов: бюрократии и наемной войска, на содержание которых теперь, с развитием торговли и промышленности, денежные средства находились в достаточном количестве. Поддержка капитала была использована князьями прежде всего в целях лишить привилегированные сословия, рыцарство и духовенство, унаследованных ими от эпохи расцвета феодального порядка прав и вольностей, мешавших развитию как политического верховенства княжеской власти, так и экономического могущества крупной буржуазии. В возгоревшейся борьбе победа уже в половине XV в. начала явно клониться на сторону князей, которые, несмотря на энергичный отпор рыцарей и духовенства, брали у них одну позицию за другой, искусно пользуясь и тем обстоятельством, что оба эти сословия находились в сильной вражде друг с другом. По мере увеличения власти территориальных князей, всецело подчинивших себе жившее в их землях так называемое земское рыцарство, все большие стеснения начинали испытывать и имперские рыцари, т.-е. такие, которые не были княжескими подданными, а находились в непосредственном подчинении императору, носившем, впрочем, при слабости власти последнего, номинальный характер.

Особенную ненависть они питали к князьям и вместе с ними к правительствам имперских городов за то, что те и другие на рейхстаге 1495 г. ввели земский мир¹, а на рейхстаге 1519 г., где был избран в императоры Карл V, запретили устройство рыцарских союзов. Во всем этом имперское рыцарство усматривало умаление своих прав и очень волновалось.

Чрезвычайно озабочивало имперских рыцарей и ухудшение их экономического положения. Прежде всего, владения их дробились вследствие естественного прироста членов сословия, и уже в силу одного этого на долю каждого из них приходилось меньшее количество земли, чем было раньше. В то же время расстраивалось и их хозяйство, так как с развитием в стране в XV в. денежных отношений, они оказались неспособными быстро приноровиться к новым для них условиям товарного производства

¹ Этим отменялось средневековое „право войны“, принадлежавшее даже мелким феодалам.

и товарного обмена. Между тем, с ростом торговли предметами роскоши, потребности рыцарей быстро возрастали. Раньше мало чем отличавшиеся в образе жизни от зажиточных крестьян, они теперь начали гнаться за богатейшим бюргерством и даже князьями. Естественно, что увеличением поборов с крестьян им нельзя было приобрести достаточно средств для удовлетворения всех своих нужд, вследствие чего большинство их бралось за разбой. С особенным сознанием своего права рыцари считали возможным грабить купечество и духовенство. Ульрих фон-Гуттен в ряде памфлетов, призывавших рыцарей к открытому возмущению, прямо объявил банкиров и клириков истинными разбойниками, а князей — тиранами.

Немудрено, что в церковной реформации, начатой Лютером, имперские рыцари увидели прежде всего легкий способ разбогатеть, секуляризовав в свою пользу земельные владения церкви, а затем возможность избавиться от князей, а вместе с тем уничтожить и силу городов: среди них была популярна мысль о превращении Германии в единое государство под властью императора, окруженного рыцарством. „Это была, — справедливо замечает Фр. Меринг, — своего рода дворянская демократия, с бессильным императором во главе, предполагавшая искоренение князей, но вместе с тем и городов, и неизменное угнетение крестьянства“.

Но начавшееся в 1523 г., по призыву Гуттена, восстание было быстро подавлено соединенными силами духовных и светских князей: их артиллерия разрушила Ландштуль, старинный замок предводителя восставших Зиккингена, который при этом был смертельно ранен. Через несколько месяцев в том же 1523 г. на одном из островов Цюрихского озера умер и спасшийся бегством Гуттен.

Причиной неудачи рыцарского восстания была его изолированность, его узко дворянский характер. Правда, Гуттен искал союза с Лютером, в котором мечтал увидеть вождя национальной революции, но последний принципиально высказался против применения всякого насилия. „Словом, — заявил он, — побежден будет мир, словом будет спасена церковь, словом же она будет реформирована“. Более всего Лютер опасался, как бы рыцарское восстание не приняло демократического оттенка и не нашло бы поддержки у горожан и крестьян: „Если восстанет господин „Omnes“¹, который не может ни понять ни удержать

¹ „Omnes“ — латин. слово, значит: „все“. В данном случае разумеются широкие народные массы.

различия между злым и благочестивым, то он будет действовать толпой как случится, что не обойдется без великой и ужасной несправедливости". Но рыцарство как раз и не захотело привлечь на свою сторону народные массы и, оставшись одно, было разбито.

Причины великой крестьянской войны. — Попытку имперского рыцарства повторил в 1524—1525 г.г. другой класс немецкого народа, крестьянство, сильное своей численностью, но слабое в отношении организованности.

С развитием в Германии денежного хозяйства экономическое и юридическое положение крестьянства еще более ухудшилось, чем это произошло с рыцарством. Здесь действовал целый ряд причин.

Прежде всего, придавленные княжеской властью привилегированные сословия, рыцарство и духовенство, естественно, старались поправить свои дела при помощи увеличения того бремени, которое лежало на зависевшей от них крестьянской массе: последняя должна была щедро оплатить потерю прежней самостоятельности своих господ. Усиление эксплуатации крестьян землевладельцами выразилось в увеличении как натуральных, так и денежных повинностей, в конфискации общинных пастбищ, лесов и других угодий, наконец, в разрушении мирского самоуправления.

Лишая привилегированные сословия политических прав, княжеские правительства охотно поддерживали их социально-экономические интересы. В эту эпоху развития капиталистического индивидуализма происходила в Германии рецессия¹ римского права, оказавшаяся выгодной не только буржуазии, но и землевладельческим классам общества. Те самые юристы, которые в политическом отношении стремились к возвышению княжеской власти, перенося на нее принцип римского абсолютизма, в социальном отношении явились помощниками привилегированных сословий, так как в их пользу они стали толковать римские законы.

В римской империи, как известно, не было ни свободных крестьян, ни наследственных арендаторов, ни крепостных в немецком смысле слова, вследствие чего и кодекс императоров не мог содержать в себе соответствующих определений. Он знал только владельцев латифундий, временных арендаторов и колонов, а так как у немецких

¹ Латинское слово — значит „приятие“. Здесь имеется в виду возобновление действия норм римского права.

юристов XV в., по выражению современника, „все римское считалось обязательным, то они без околичностей вторглись в немецкие порядки, желая устроить все по римскому образцу“. Вся земля в светских и церковно-монастырских поместьях считалась ими полной собственностью господ. Свободных крестьян, наследственно пользовавшихся земельными участками, они рассматривали как временных арендаторов, а крепостных—как рабов. Таким образом, замена немецкого обычного права римским была чрезвычайно выгодна для поместного дворянства в эпоху, когда оно от феодального способа эксплуатации своих имений, от сбора оброков с крестьян, переходило к созданию собственного крупного хозяйства. Римское право санкционировало такие незаконные, с точки зрения обычного немецкого права, действия землевладельцев, как привлечение крестьян ко всякого рода барщинным повинностям, изгнание их с их альменд¹ и даже с наследственно-семейных участков. Такую экспроприацию в особенно широких размерах провел пфальцграф рейнский Фридрих I, объявивший себя верховным обладателем всех общинных угодий в своей стране.

Процесс обезземеления крестьян и их большего закабаления сопровождался усилением помещичьих прав и в частности помещичьей юрисдикции. И в этом отношении нормы римского права, определявшие бесконтрольную власть собственников латифундий, сослужили дворянам большую службу; народные суды и сельские сходы, которыми пользовалось наряду со свободным, и крепостное крестьянство, подчинялись теперь в своей деятельности землевладельцам, а иногда и совсем уничтожались. Времена, когда крестьяне принимали участие в управлении поместьем подобно тому, как князья и представители имперских городов—в управлении империей, а земские чины²—в управлении территорией, стали уходить в область предания. В сельском быту воцарился необычайный произвол, и вполне обычными сделались такие злоупотребления, как превращение в аббатстве Кемптен, при помощи подделки документов и даже угрозы церковным отлучением, свободных крестьян в крепостных, а крепостных в рабов. Насколько бесправным стало положение крестьян, ясно видно еще из следующего распоряжения герцога вюртембергского Ульриха, которое было издано в 1517 г. „Кто в местах для охоты, — говорится в нем, — заказанных лесах,

¹ Альменда—немецкое слово, значит—общинные угодья: лес, пастбище, река и т. п.

² Рыцарство, духовенство и жители имперских городов.

рощах или в поле, где можно охотиться, станет ходить с пицалью, луком и т. п. в стороне от дороги или вообще будет подозрительно шляться, тому будут выколоты оба глаза". Лишившись защиты в лице народных судов с их обычным правом и не доверяя территориальным судам, применявшим право римское, а также ландтагам, где крестьянских депутатов не было¹, крестьяне обращались за помощью к императору, к юридическим факультетам, к швабскому союзу городов и т. п., но, само собой разумеется, не достигали никаких результатов, пока, наконец, и это последнее право — право жаловаться на господ — не было отнято от них постановлением аугсбургского сейма в 1500 г.

К причинам ухудшения состояния крестьян, вызванного товаризацией сельского хозяйства и развитием предпринимательской деятельности дворянства и санкционированного рецепцией римского права, присоединились и причины, порожденные ростом населения. Последнее к XV в. настолько увеличилось в своей численности, что надел в $\frac{1}{4}$ гуфы² сделался обычным. Дальнейшее дробление его уже прямо запрещалось землевладельцами, и лица, оказавшиеся лишенными земли, превращались в батраков, юридическое положение которых часто определялось на основании римских законов о рабстве. Особенно много обезземелившихся крестьян было в долинах Таубера и Неккара, а также в восточной Германии, где крупные поместья, благодаря развитию на Балтийском море хлебной торговли, стали приобретать характер капиталистических предприятий, работавших на заграничные рынки.

Перемены, ухудшавшие положение крестьян, происходили более или менее медленно, действуя на пространстве всего XV в. Происшедшая же с открытием Нового Света революция цен сделала этот процесс чрезвычайно быстрым и резким. Вследствие золотого дождя, полившего на Западную Европу из Америки, деньги страшно подешевели, и стоимость продуктов обрабатывающей промышленности в такой же степени возросла, между тем как цены на хлеб значительно отставали. Понятно, что при таких обстоятельствах население, жившее от земли, потеряло чрезвычайно много.

¹ К этому учреждению, уже падавшему, крестьянство не питало никакого доверия: „оно — говорили в 1514 г. волновавшиеся в Вюртемберге крестьяне, — только тогда может помочь нам, если в нем будут участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и горожане не станут заботиться о нас“.

² Гуфа — надел в 7 приблизительно десятин.

С этим явлением крупные землевладельцы в известной мере могли справиться. Для этого все они переводили натуральные повинности крестьян на денежные и прямо увеличивали их; а те, у кого был оборотный капитал, принялись, кроме того, за интенсификацию своих хозяйств, или переходили от хлебопашества к овцеводству. Крестьянство же между тем буквально выбивалось из сил. У него не доставало доходов даже на покрытие платежей в пользу землевладельцев, церкви и территориальных правительств, вследствие чего ему нельзя было и думать об улучшении способов обработки земли и вообще о поднятии сельскохозяйственной культуры. Чтобы владеть жалкое существование, крестьянам оставалось делать одно — занимать деньги у землевладельцев и горожан и этим все более и более себя кабалить. Немудрено, что в начале XVI в. крестьянская задолженность была так велика, что Лютер, несколько не преувеличивая, осмелился написать: „всякий, кто владеет сотней гульденов, может ежегодно сожрать одного мужика, без всякого риска для себя и своего имущества, сидя за печкой и угощаясь яблочным пирогом“.

В прежние времена немецкое крестьянство находило спасение от обезземеления, а вместе с тем и от произвола господ, или в колонизации соседних славянских земель, или в переселении в города. Но уже в конце XV в. оба эти средства оказались неприменимыми. Все, что германцы могли отнять у славян, было ими отнято, и их „поход на Восток“¹ должен был остановиться у пределов такой сильной славянской державы, как Польша. Свободных земель, таким образом, для немецкого крестьянства больше уже не существовало. Не могло найти оно теперь прибежища и в городах, где развитие денежного хозяйства создало свой промышленный пролетариат, который пока-что сам с трудом находил применение своей рабочей силе. В эту именно эпоху вполне сложилась замкнутость цеховой организации, и появились городские законы, оберегавшие исконное население от конкуренции пришлого люда.

Потеря прежней самостоятельности и рост пауперизма среди крестьянской массы вызывали в отношении ее со стороны других классов общества чувства пренебрежения и даже презрения. В это именно время появились пословицы вроде следующих: „крестьянин похож на быка, только лишенного рогов“, или: „крестьяне лучше всего, когда они плачут, и хуже всего, когда радуются“.

¹ Так немцы называли свое продвижение к Эльбе и к востоку от нее в области славянских племен — лужичан, полабских славян, поморян и др.

В свою очередь, и крестьянство благодаря тем же обстоятельствам питало к высшим сословиям нескрываемую ненависть, которая со второй половины XV в. проявлялась в многочисленных заговорах и восстаниях. В 1462 г. поднялось сельское население в Зальцбургской области и Верхней Каринтии. В 1446 г. происходило сильное брожение по всей средней Германии, вызванное революционной пропагандой в Неклесгаузене пастуха и музыканта Ганса Бэгайма. Он называл императора и папу нечестивцами, от которых нечего ждать помощи, и призывал народ к конфискации частновладельческих земель и разделу их между крестьянскими общинами. В 1491 г. произошел настоящий бунт нидерландских крестьян, названных „сырниками“, так как на их знамени был изображен зеленый сыр с ячменным хлебом. Вскоре затем в различных местностях Германии стали устраиваться тайные общества под знаменем „Башмака“, сделавшегося символом революции для низших классов общества. Особенно обширным был эльзасский заговор, открытый благодаря предательству в 1493 г. В программу заговорщиков, во главе которых стоял бургомистр Шлетштадта, Ганс Ульман, входило уничтожение имперских и духовных судов, отмена податей и долговых обязательств, сокращение церковного землевладения, наконец, самостоятельная организация отдельных общин. В 1502 г. образовался „Башмак“ в Шпеерской области, открытый тоже путем измены. Отсюда он распространился вниз по течению Рейна, а также по Майну и Неккару. В следующем году тайное общество возникло в Вюртемберге, где получило название „Бедного Конрада“. В 1512 г. „Башмак“ возродился в Брейсгау, а в 1514 г. „Бедный Конрад“ сделал неудачную попытку вызвать восстание в Вюртемберге. В это время в народной массе распространилась программа, выработанная при участии неутомимого агитатора, Иоста Фрица, на совещании заговорщиков в местечке Лэене около Фрейбурга. Она требовала отмены всех властей, кроме бога, императора и папы, уничтожения феодальных повинностей и долговых обязательств, предоставления во всеобщее пользование рек, лугов и лесов, конфискации части церковных имуществ и т. д.

Преследуя общие цели, все эти заговоры и восстания носили, однако, местный характер, и только проповедь Лютера дала немецкому народу, до известной степени, объединяющий лозунг. Она привела в движение всю Германию, где не было ни одной общественной группы, политической, экономические и культурные интересы которой так или иначе не связывались бы с вопросом о поло-

жении католической церкви. В частности крестьяне особенно тяготились тем, что с них римская курия требовала слишком больших поборов, которые нести они были не в силах. Для тех же из крестьян, кто жил на церковно-монастырских землях, финансовый гнет сопровождался еще и ненавистной юридической кабалой, так как духовенство, подобно светским землевладельцам, тоже охотно прибегало, как мы видели, к рецепции римского права. Лютер, смело выступивший против папства, обращался сначала ко всем классам общества с требованием провести реформу церкви, но призыв его особенно глубоко всколыхнул крестьянские массы. После Вормского рейхстага в 1521 г. множество воззваний настраивали народ в революционном духе¹. Еще сильнее действовало в том же направлении живое слово проповедников, несших обездоленным и униженным евангелие религиозной свободы вместе с евангелием свободы социально-политической.

Ход крестьянской войны.—Почва в Германии для всеобщего народного возмущения была, таким образом, подготовлена более чем достаточно, и немудрено, что уже в 1524 г. начался открытый бунт, быстро превратившийся в междоусобную истребительную войну. Территорию, охваченную восстанием, можно разбить, смотря по тому, кто были вождями поднявшихся и какие требования они выдвинули, на четыре района: 1) юго-западный или швабский, 2) франконский, 3) южный или тирольский и 4) северный или тюрингенско-саксонский.

Первыми восстали крестьяне ландграфства Штиллиngen, находившегося недалеко от свободной Швейцарии. В Иванов день они отказались собирать, по приказанию графини фон-Лупфен, раковины для наматывания ниток. К ним примкнули подданные аббатства св. Власия, а также жители Гегау, Клеткау и Тургау. Главарем восставших стал Ганс Мюллер, который раньше служил ландскнехтом и поэтому хорошо знал военное дело. С незначительным отрядом он вступил в апреле в город Вальдсгут, где под его знамена собралось до 35.000 вооруженных, а в декабре движение из Шварцвальдена уже перебросилось в соседний Эльзас. Из повстанцев образовались три больших толпы: алльгейская, больдрингенская и приозерская², которые в марте 1525 г. соединились вместе и захватили имперский город

¹ За 5 лет (1518—1524) число вышедших в Германии книг и брошюр увеличилось в 7 раз.

² Первая состояла из кемпенцев, аугсбургцев и др., вторая—главным образом из ульмцев, а третья—из жителей побережья Боденского озера.

Мемминген, где был созван съезд представителей от разных местностей Верхней Германии.

Среди восставших этого района особой популярностью пользовалась программа „Двенадцати статей“, метко названная одним из исследователей „земледельческим манифестом с библейской аргументацией“. „Истинные и справедливые статьи всего крестьянского сословия и всех захребетников, обиженных своими духовными и светскими властями“, как сказано во вступлении, были составлены для того, чтобы снять с крестьян обвинение, будто они стремятся только к бесчинству, и чтобы оправдать их восстание с христианской точки зрения. Не Евангелие, — заявляли крестьяне, — а забвение Евангелия вызвало мятеж.

Требования, заключавшиеся в программе 12-ти статей, можно разбить на три группы: на требования церковные, социально-политические и, наконец, экономические. В области церковного устройства крестьяне желали, во-первых, „чтобы всякий приход сам выбирал своего священника и чтобы прихожане имели право смещать его, если он поступает не по закону“ (ст. 1); во-вторых, чтобы „малая“ десятина, взимаемая со скота, была бы отменена, „так как бог предоставил скот в полное распоряжение человека“, а зерновая десятина шла бы на содержание священников и на подаяния бедным (ст. 2). Социально-политические стремления крестьян были также очень умеренны. Они сводились в сущности к тому, чтобы крестьян поспешили „освободить... из-под ига крепостного рабства“ на том основании, что „Христос своею божественною кровию всех нас искупил и всем нам даровал спасение, начиная от последнего пастуха и до могущественнейшего монарха“. При этом крестьяне подчеркивали, что они вполне признают „повиновение своим выборным и поставленным от бога властям“ (ст. 3).

Более подробными и определенными были экономические требования восставших, хотя и здесь можно заметить желание не выходить из пределов возможного. Они хотели возврата прав охоты и рыбной ловли, лишение которых считали „несогласованным с братской любовью и словом Божиим“, — но лишь в тех случаях, когда владельцы рек или озер не смогли бы представить письменных доказательств правоты своего владения (ст. 4). При отсутствии этого последнего условия и леса также должны стать собственностью крестьянских общин, с разрешения представителей которых каждый получит возможность бесплатно пользоваться дровами и материалом для столярных работ (ст. 5). Далее программа требовала сокращения службы

крестьян — „пусть нас заставляют служить так, как служили наши отцы, согласно с божеским писанием“ (ст. 6), — а также устранения произвола землевладельцев при назначении барщины (ст. 7) и оброков — „крестьянин не должен работать без выгоды для себя, потому что всякий работник достоин своей платы“ (ст. 8). „Глубокообидные тою безбожною несправедливостью, с которою постоянно увеличивают наши наказания“, крестьяне добивались еще, чтобы вотчинная юрисдикция впредь руководствовалась бы „древним писанным законом“, а не пристрастием (ст. 9). Наконец крестьяне настаивали на возвращении общинам альменд, если последние были приобретены в частную собственность „нечестным путем“ (ст. 10), и на полной отмене посмертного сбора¹ — „мы не можем допустить и терпеть, чтобы у вдов и сирот, вопреки чести и божьей воле, так бессовестно отнималась собственность, как это случается во многих местах под разными видами“ (ст. 11). Кончалась программа заявлением, что „если одна или несколько из наших статей не согласны со словом божием, то мы от них отступимся, как только это нам докажут по писанию... и будем молить господа, чтобы он дал нам разум поступать и жить по христианскому учению“ (ст. 12).

До марта 1525 г. вставшие не встречали серьезного сопротивления, так как местные владетельные князья и города Швабского союза опасались изгнанного из Вюртемберга герцога Ульриха, который вел переговоры с Гансом Мюллером, заявив, что ему безразлично „возвратиться ли (в свое княжество) с помощью рыцарских сапог или крестьянских бабмаков“.

В этой стадии войны сражений почти не происходило, и дело ограничивалось, обыкновенно, мирными сделками. Епископ Шпеерский принял все условия восставших, а курфюрст Пфальцкий, остановленный крестьянами в поле, также обещал им облегчить их участь. Только в случае сопротивления восставшие прибегали к оружию. Когда, например, маркграф Баденский Эрнс отверг их требования, они взяли его земли и принудили его самого искать спасения в бегстве. Но договоры с мятежниками заключались только потому, что на их стороне была сила, и территориальные правители, вместе с высшими сословиями, не переставали готовиться к борьбе, ожидая лишь момента, когда можно будет воспользоваться советом эрцгерцога Фердинанда,

¹ „Посмертный сбор“ — пережиток „права мертвой руки“, согласно которому собственность серва — так назывались в средневековой Европе крепостные, — после его смерти, считалась принадлежащей господину, который мог передать ее наследникам за особый взнос.

брата Карла V, и начать „колоть, душить и иными мерами подвергать тяжким наказаниям без снисхождения“ всех тех, кто оказался бы причастным к восстанию.

Момент для этого наступил, когда попытка герцога Ульриха вернуть себе престол окончилась неудачей. Против крестьян выступили курфюрсты пфальцграф Рейнский и архиепископ Трирский, а также полководец Швабского союза Георг Трухзес фон-Вальбург. В мае восстание в этом районе было уже подавлено, и над его участниками началась дикая расправа. Особенно свирепствовал Трухзес. Разбив 12.000 крестьян около Боблингена, он с таким рвением принялся жечь и грабить деревни и избивать население, что Швабский союз должен был послать ему письмо, в котором предлагал не разорять страны, но зарвавшийся предводитель ландскнехтов ответил, что, если господа советники намереваются его учить вести войну, то пусть сами идут на поле битвы, предоставив ему их место на перине, — и продолжал действовать попрежнему.

Крестьянское движение, возникшее в Юго-Западной Германии, очень быстро перебросилось во Франконию, где оно получило, помимо социальной, еще и ярко политическую окраску. К поднявшемуся крестьянству здесь присоединились и другие группы населения. Под влиянием настроения низших классов общества такие города, как Гейльсброн, Вюрцбург или Ротенбург, охотно впустили внутрь своих стен крестьянские ополчения. Движение настолько разрослось, что в нем приняли участие даже некоторые группы рыцарства. Из рыцарей, например, состоял „Черный отряд“, которым командовал дворянин Флориан Гейер, и рыцарь же, Гец фон Берлихинген, взял на себя командование одним из наиболее значительных повстанческих отрядов — „Светлым отрядом Оденвальда и долины Неккара“. Наконец, во главе всех восставших во Франконии вскоре стала радикальная интеллигенция, которая в сущности и сообщила движению политический характер.

В Гейльсбронне была образована комиссия из гейльсбергского советника Ганса Берлина, рыцаря Геца фон-Берлихингена и бывшего канцлера при дворе гогенлоэских графов, Венделя Гиплера. Стремясь привлечь к делу задуманной реформы империи дворян и города, примирив первых с отменой крепостного права путем вознаграждения из секуляризованных церковных имуществ, и таким образом сделать крестьянское движение общенациональным, эта комиссия решила временно, „до имеющих совершиться государственных реформ“, отказаться от некоторых требований популярной среди восставшего крестьянства программы

12-ти статей. Отменив в ней пункты 6, 7, 8 и 10, она вместе с тем сделала к ней следующую характерную прибавку: 1) запрещалось, без разрешения на то, заниматься грабежом и вступать в шайки, 2) требовалась исправная уплата податей и долгов, 3) устанавливалась неприкосновенность недвижимых имуществ, принадлежавших светским и духовным правителям, 4) предлагалось всем подчиняться местным судам и 5) повиноваться властям, под страхом выдачи начальникам главного войска для казни. Самый план реформы, принятый комиссией, был выработан, как думают некоторые ученые, финансовым чиновником курфюрста Майнцского, Фридрихом Вейнгандтом, и изложен в написанном Гиплером манифесте. Основной идеей этого плана являлось превращение империи в единую буржуазную монархию. Предполагалось уничтожить дробность страны, превратив князей и других сеньоров в простых чиновников; в стране утверждалось общее законодательство с равенством всех перед законом, таможенное единство, одна монета и вес; во главе империи ставилось центральное правительство, на содержание которого назначались прямая подать с населения и доходы с секуляризованных церковных имуществ, вместо судей-докторов римского права учреждались суды из выборных от всех сословий; наконец, крестьянам предоставлялась возможность выкупить свои повинности и приобрести в собственность земли, на которых они работали.

Инициаторы Гейльбронской программы, наиболее отвечавшей, как это отметил еще Фридрих Энгельс, интересам горожан, особенно интересам торгового капитала, думали сплотить вокруг нее различные общественные группы и даже такие политические силы, как князей и города, против самостоятельности которых они больше всего ратовали, предполагая, что секуляризация церковных имуществ достаточно вознаградит всех тех, кто потерпел бы материальный ущерб при юридических и экономических изменениях в крестьянском быту. Но их ожидания не оправдались. Прежде всего территориальные князья и высшие сословия, дворянство и богатая буржуазия, подчинялись предъявленным к ним требованиям и здесь, как это мы видели в Швабии, только из страха перед жестокой расправой. Так поступили, например, первыми графы Гогенлоэ и Левенштейны, а после резни, устроенной крестьянами при взятии на Пасхе, 16 апреля 1525 г. замка Вейнсберга, владелец которого, граф Гельфенштейн, не желал сдаться,—то же самое сделали и почти все остальные сеньоры Франконии. С другой стороны, среди самих восставших не было единодушия.

Когда, например, стало известным изданное гейльбронской комиссией „Объяснение 12-ти статей“, крестьянские отряды охватило негодование, и они потеряли всякое доверие к своему главному вождю, Гецу фон-Берлихингену.

Понятно, что широкий размах франконского движения зависел, главным образом, от того, что местные правительства, как и в верхней Германии, оказались недостаточно сильными, чтобы дать ему отпор. Но лишь только явились к ним на помощь соединенные войска Трухзеса и курфюрстов Трирского и Пфальцского, уже подавившие крестьянство в Швабии, как в лагере восставших начался развал. Накануне решительного сражения при Кенигсгофене на Тауберте, происшедшего 2-го июня, Гец фон-Берлихинген изменнически удалился от крестьян, и оденвальдская толпа была рассеяна атакой рейтаров, 4-го июня была совершенно уничтожена под Гульдцдорфом и другая толпа восставших, вышедшая по получении ложного известия о победе из Вирцбурга. Свирепость победителей навела такой ужас на крестьян, что после сдачи города Пфеддергейма они, безоружные, бросались бежать, не думая сопротивляться избивавшим их рыцарям. После этого Франкония была „успокоена“.

Если в Швабии восстание крестьян не выходило из рамок чисто аграрного движения, а во Франконии получило политическую окраску, то в двух остальных районах в нем резко обнаружился характер коммунистический. В Тироле, где было много свободных крестьян, съезд восставших принял проект, составленный бывшим чиновником канцелярии епископа Гейсмайром и вводивший нечто вроде государственного социализма. Предполагалось срыть замки и крепостные стены, а вместе с этим уничтожить и сословные отличия, превратив всех людей в свободных земледельцев; рудники, торговля, ремесла должны были поступить в распоряжение новой правительственной власти, которая взяла бы в свои руки заботы о благосостоянии народа. Большой коммунистический лагерь, наподобие чешских таборитов, образовался в марте 1525 года и в Мюльгаузене, куда стеклись крестьянские массы из Тюрингии и Мейссена, назлектризованные проповедью Фомы Мюнцера, которую он вел здесь с декабря 1524 г. Отвергая св. „писание“, как единственную основу истинной церкви, о чем учил Лютер, Мюнцер на первый план выдвигал божественное „откровение“. Вместе с тем мысль о перерождении души, о слиянии ее с богом он соединял с представлением о переустройстве человеческой жизни, обещая своим последователям наступление царствия божия на земле, земной рай всеобщего

равенства и братства под управлением боговдохновенных пророков. Благодаря Мюнцеру, совет имперского города был заменен „вечным советом“ образовавшейся общины, куда вошли сам Мюнцер, его товарищ по проповеднической деятельности Пфейфер и др. „Это было началом нового христианского управления, — писал Меланхтон: — после этого (мятежники) изгнали монахов, упразднили монастыри и их имущества. Там, между прочим, иоанниты имели большое подворье и крупные доходы. Подворьем этим завладел Фома... Он учил также, что все имущество должно быть общим, как написано в Деяниях Апостольских, где рассказывается, что апостолы соединили свои имущества. Благодаря этому чернь сделалась так дерзка, что не желала больше работать. Когда кому-либо нужен был хлеб или сукно, он шел к одному из богачей и требовал, чтобы ему дали нужное, основываясь на праве христианина, ибо Христос учил, что надо делиться с нуждающимся. А когда богач не давал добровольно, что у него требовали, то требуемое отнималось силою“. Из Мюльгаузена вышел один из самых резких манифестов Мюнцера, где он высказался против каких бы то ни было сделок между крестьянами и их господами. „Не склоняйтесь, — писал он, — если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом. Не трогайтесь бедствиями безбожников. Они будут дружески молить, стонать перед вами, плакать, как дети, но вы не жалейте их. Сам бог приказал так через Моисея. Нам он открыл то же... Пусть ваши мечи не охлаждаются от крови. Выковывайте их на наковальне Немврода; пусть падет его башня. Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха; вам нельзя говорить о боге, пока они управляют вами. Итак, за дело, пока еще не ушло время. Не ваша идет война, а господня“.

Прокламации Мюнцера оказывали сильное влияние на население Тюрингии, Саксонии и Гессена. Обездоленные, волновавшиеся крестьяне с восторгом внимали ему, когда он говорил, что „короли должны служить им, а кто не захочет — погибнет смертью“. К Мюнцеру отовсюду тянулись толпы фанатически веривших в него людей, и 26 апреля он, наконец, выступил в поход, приказав нести впереди себя красный крест и обнаженный меч. Через два дня крестьянское ополчение вошло в Эрфурт, где разграбило церкви и церковные дома, а затем, подвергнув той же участи целый ряд монастырей, расположилось на возвышенности под Фремкенгаузенем, с которой была видна обширная равнина. „Там, — как остроумно выразился Циммерман, — хорошо было проповедывать, но защищаться — очень худо“.

А между тем, против Мюнцера выступили четыре князя: победитель Зиккингена, Филипп Гессенский, Георг Саксонский, Генрих Брауншвейгский и Альберт Мансфельдский. „Лжепророк, говоривший так много о силе оружия, хотевший истребить всех безбожников острием меча, — замечает тот же историк, вообще отрицательно относящийся к Мюнцеру, видел себя принужденным положиться на чудо, знамение которого возвестил своему войску, указывая на разноцветный круг, образовавшийся около солнца“. Но чудо не помогло. Когда 15-го мая загревели неприятельские орудия, крестьяне, плохо вооруженные и даже не имевшие достаточно пороха, пошли с пением духовных песен в битву и были разбиты наголову, а их вождь попал в плен и был казнен. Вскоре пал без большого сопротивления главный центр движения, Мюльгаузен, а также сдались и остальные города, занятые повстанцами. Таким образом и Тюрингия была усмирена. Тогда же герцог Лотарингский Антон привел войска Шампани и Бургундии на помощь правителю Эльзаса и 17-го мая разбил и уничтожил там до 17.000 восставших. Месть победителей и здесь была столь же жестока, как и в других местах.

Крестьян сжигали на медленном огне, обезглавливали, вешали рядами по дорогам, у некоторых из них вырезали языки, прокалывали глаза, отрубали пальцы. Всего погибло в битвах и было казнено до 130.000 человек. Победители не ограничивались, однако, одной мстью. Все, что завоевали крестьяне в области юридических и экономических отношений, было теперь от них отнято, и на рейхстаге чины только лишь поговорили об отмене крепостного права.

Главнейшие из причин неудачи крестьянского движения следует искать в его стихийном характере, проявившемся в отсутствии единой организации и многообразии программ. Поднявшееся в разброд по отдельным областям, расколовшееся к тому же на различные религиозные толки, наконец, ставшее под начальство сторонников различных политических течений, крестьянство, естественно, разбилось о ту сплоченность, с какой выступили против него его социальные недруги — дворянство, прелаты и буржуазия. Последние перед лицом общей опасности забыли свои собственные антагонистические отношения и сомкнулись вокруг территориальных князей и имперских городских правительств, встретив, кроме того, мощную поддержку со стороны Лютера и предводительствуемой им партии церковного обновления. В начале восстания глава немецкой реформации относился к крестьянам благожелательно, признавая справедливыми их экономические требования. Но в даль-

нейшем, когда вполне выяснилось настроение командующих классов общества, не желавших никаких уступок, Лютер изменил свой взгляд. „Всякий, кто в силах, — писал он, — должен помогать душить и резать явно и тайно, должен думать, что нет ничего более ядовитого, вредного, дьявольского, чем восставший человек“. И приглашая князей „со спокойной совестью... рубить“ бунтовщиков, „пока руки не опустятся от усталости“, Лютер договорился до того, что даже заявил, будто „попытка уничтожить крепостное право совершенно противоречит евангелию и обнаруживает разбойничьи замашки, потому что этим способом всякий отнимает у своего господина свое тело, которое ему принадлежало“. Таким образом Лютер, как это справедливо заметил Бецольд, дав один из наиболее действенных толчков для крестьянского восстания, в дальнейшем оказался глашатаем и вдохновителем реакции, которая по своей бесчеловечности не имела себе подобных.

Коммуна в Мюнстере. — Эпилогом крестьянской войны были в Германии кровавые преследования анабаптистов, которых стремились совершенно истребить. Социальное недовольство и тяга к религиозно-коммунистическим идеям, однако, продолжали и после крестьянского восстания существовать в низших слоях населения, в особенности городского. Анабаптисты, выступившие впервые в Цвиккау, не прерывали поэтому своей проповеди, находя многочисленных последователей среди рабочих, особенно в крупных имперских городах. Впрочем, с гибелью Фомы Мюнстера и неудачей крестьянского восстания, в анабаптизме восторжествовало мирное настроение, не допускавшее насильственного возмущения. Главными вождями в это время были прежние приверженцы Мюнстера, переплетчик и книгоноша Ганс Гут и учитель, затем священник, Мельхиор Ринк, а также знаменитый Иоганн Денк и Людвиг Гецер. По словам Себастиана Франка, анабаптисты „учили только любить, верить и страдать; в страданиях дни оказывались терпеливыми и смиренными, в знак согласия и любви они преломляли между собою хлеб. Анабаптисты охотно помогали друг другу, давая займы и даря вещи и деньги. Они учили, что все имущество должно быть общим и называли друг друга братьями“.

Но коммунизм анабаптистов, хотя бы и осуществляемый мирным путем, представлялся слишком опасным для господства имущих классов общества. Особенно их тревожило то обстоятельство, что он распространялся, главным образом, в больших городах. В этом отношении очень характерно письмо доктора Экка герцогу саксонскому Георгу, от

26 ноября 1527 г. В нем, между прочим, говорится: „Эта секта возбуждает большие опасения, и ваша милость и княжеские советники поймут, что от нее надо ждать большего вреда, чем от недавнего крестьянского восстания, ибо она коренится в городах. Если бы началось восстание и поднялись анабаптисты в городах, то у них оказались бы оружие, порох, доспехи, а также нашлись бы опытные в военном деле люди... Поэтому князья и дворянство должны быть настороже“.

Главными очагами южно-германского баптизма сделались города Аугсбург и Страсбург, оба крупные центры ткацкого производства. В Аугсбурге собрались два первых конгресса анабаптистов, из которых особенное значение имел второй. На нем участвовало более 60 депутатов из Германии, Австрии и Швейцарии и были приняты очень важные решения относительно организации агитации, рассылки „апостолов“ в различные страны и пр. В Аугсбурге же, где в анабаптистскую общину вступило не мало лиц из высших сословий, было положено начало новому, более практическому, направлению в анабаптизме, идеологом которого стал Денк, высказывавшийся за умеренное проведение на практике общности имущества и против „неприятя“ государства. Его противником выступил „гражданин знатнейшего рода в Аугсбурге“, Лангенмантель, который „был очень силен в писании и познании бога“. Он возражал тем, кто говорили: „нет закона, повелевающего, чтобы имущество было общим, но если так бывает из любви и по благочестивому желанию, то это хорошо; но, вообще, каждый может дать свое имущество в общее пользование или оставить его себе, — все-таки он не будет исключен из истинной общины Христовой“. Лангенмантель, наоборот, заявлял: „величайшая заповедь божия есть любовь; люби бога больше всего, а ближнего своего, как самого себя. Любовь познается в общности земных благ; никто не должен говорить: „мое, мое“—это „мое“ принадлежит и брату. Кто отдаст своему брату высшие, духовные, будущие блага, если он отказывается давать земные? Лишь тот, кто держится общности всего, причастен Христу. Кто не придерживается ее, тот вне его и общины его... Но если кто-нибудь скажет: раз все вещи должны быть общими, то должны быть общими и жены, — тому я отвечу: что бог установил, того человек не должен переменять. Истинная общность состоит в том, чтобы никому не отказывали в необходимости; пусть каждый берет женщину для себя одного, но пусть он делает это по-божески. Из земных благ также каждому должно быть дано все, что ему необходимо. Община,

в которой один богат и имеет много имущества, а другой беден и терпит нужду, — не причастна Христу“.

Несмотря, однако, на мирный характер своей пропаганды, анабаптисты с первых же шагов своей деятельности встретили ожесточенные преследования. „Эти преследования, — говорит К. Каутский, — можно объяснить только, как отголоски крестьянской войны; последняя возбудила кровавую жажду и метительность господствующих классов в такой же мере, как раньше нагнала на них страх. С тех пор они видели смертельного врага в каждом, кто симпатизировал низшим классам, каким бы смиренным и миролюбивым он ни был“.

Протестанты и католики одинаково свирепствовали в отношении анабаптистов. С 1526 года начались отдельные казни „братьев“, принявшие вскоре массовый характер. Императорский эдикт 1528 г. назначал за вторичное крещение смертную казнь. Этот эдикт был подтвержден затем в следующем году шпейерским рейхстагом, тем самым, на котором принявшие лютеранство князья и города протестовали против насилия над ними со стороны католиков. С этого времени число мучеников анабаптизма разрослось до чудовищных размеров. Уже в 1530 г., согласно свидетельству Себастиана Франка, их насчитывалось до 2.000. „Некоторых из них, — писал один хроникер анабаптистов, — разрывали и колесовали, иных сжигали в пепел и прах, или жарили, привязав к столбам, и терзали раскаленными щипцами. Других запирали в домах и сжигали со всем имуществом. Иных вешали на деревьях, казнили мечом и бросали в воду. Многим закладывали в рот кляп, чтобы они не могли говорить, когда их вели на казнь“.

Анабаптисты, спасаясь от преследований, массами бежали из южной Германии в соседнюю Моравию и Нидерланды. У нидерландских анабаптистов, наконец, пробудилось сознание, что они должны обороняться от своих врагов теми же средствами, какие применяли и последние, т. е. оружием. Вождями этого течения сделались пекарь из Гарлема Ян Матис и его ученик, портной из Лейдена, Иоганн Боккельзон, мать которого была уроженкой Мюнстерского округа. В это время в западной Германии, где находился ряд крупных епископских городов, происходила ожесточенная борьба протестантской буржуазии с епископами. Особенно она разгорелась в Мюнстере: здесь в 1533 г. гильдии и цехи восторжествовали над католическим клиром, при поддержке низов городского населения. Последние шли рука об руку с имущими элементами города, пока велась борьба с католиками, но когда власть перешла в руки

городского совета, раскол между буржуазией и демократией стал неизбежен. Первая исповедывала лютеранство, вторая все более и более склонялась к анабаптизму. В Мюнстер, на помощь местным анабаптистам, и устремились нидерландские. Буржуазия, владевшая советом, попыталась было вооруженной рукой изгнать анабаптистских проповедников, но на их защиту стали городские низы, укрепившиеся на погосте св. Ламберта. Когда в Мюнстер явились Матис и Боккельзон, „партия порядка“ была в полном отчаянии, и городской совет тайно решил передаться на сторону епископа Франца: религиозный враг оказался предпочтительнее врага социального. Епископ, вынужденный ранее подписать договор о предоставлении городу свободы вероисповедания, с самого начала смотрел на него, как на лоскут бумаги, который он может разорвать при первом удобном случае. Уже в 1833 г. он стал вооружаться, чтобы напасть на Мюнстер, и поэтому вероломное обращение к нему партии порядка явилось весьма кстати.

„Когда мой милостивый повелитель Мюнстера увидел, — пишет мюнстерский хроникер, столяр Гресбек ¹, — что анабаптисты в Мюнстере не позволяли давать себе никаких советов и вовсе не желали милости епископа, он согласился с советом города Мюнстера и тою частью граждан, которая не держалась анабаптизма, чтобы они открыли епископу мюнстерскому двое ворот: ворота божьей матери и еврейских полей. Таким образом, епископу были открыты ворота, и он ввел в город 2—3 тысячи крестьян и отряд конницы, так что мой милостивый повелитель уже владел городом“. С епископскими войсками соединились „благонамеренные бюргеры“. Они уже носили оружие под одеждой и, кроме того, по условию повесили соломенные венки на своих домах, „чтобы избавить их, по выражению Каутского, от ожидаемого разграбления защитниками собственности“.

Застигнутые врасплох, анабаптисты, однако, стали оказывать энергичное сопротивление и вскоре получили перевес в уличном бою, вытеснив епископские войска из города. Епископу пока что пришлось удовольствоваться тем, что он обложил Мюнстер своими ландскнехтами. 22 февраля в городе был избран новый городской совет, во главе с бургомистрами Книппердолингом и суконщиком Киннен-бронком. „Таким образом, — замечает Келлер, — предводители движения законным путем достигли высшей власти, и главный город Вестфалии был у ног новых пророков“.

¹ Он был сначала сторонником анабаптистов, но затем перешел к их врагам и способствовал приводу в город епископских ландскнехтов.

Теперь Мюнстер стал Новым Иерусалимом, где анабаптисты, по утверждению епископа Франца, „уничтожили всякий христианский порядок и справедливость, всякую гражданскую и духовную власть, полицию и начали скотскую жизнь“¹: в действительности, о том, что происходило в Мюнстере, мы знаем исключительно из свидетельств, идущих из враждебного анабаптистам лагеря, так как сами участники движения, после того как оно было подавлено, подверглись почти поголовному истреблению. Тщательно проанализировав сохранившиеся источники, К. Каутский пришел к следующим выводам. Овладевшие Мюнстером анабаптисты принуждены были осуществлять свою преобразовательную деятельность в условиях, чрезвычайно напоминавших те, среди которых действовала Парижская Коммуна 1871 г. Мюнстер все время был осажден войсками епископа и, чтобы отстаивать свое существование, должен был превратиться в военный лагерь. Главную роль в нем стал играть комендант крепости, каковым был Матис, а когда он был убит в апреле 1534 г., на его место вступил Иоганн Лейденский. Первым действием анабаптистского правительства явился приказ, гласивший, чтобы жители города либо приняли новое крещение, либо оставили город. Это было ответом на эдикт от 13 февраля осаждавшего Мюнстер епископа, в котором его подчиненным приказывалось всех непокорных, попавших к ним в руки, попросту убивать. В Мюнстере затем произошло несколько казней, но они были совершены над лицами, уличенными в предательстве, нарушении дисциплины, попытках дезертирования.

Таким образом, террор, о котором так много говорят враги анабаптизма, носил очень умеренный характер,—и это в век, который был одним из кровавейших.

Общность имущества, одна из основ всего анабаптистского движения, также не была проведена до конца. Частная собственность не была отменена, вопреки общепринятому мнению, а было уничтожено только частное владение золотом и серебром в деньгах. Деньги нужны были на расходы, связанные с отправкой агитаторов и наймом ландскнехтов. Отдельные хозяйства продолжали существовать попрежнему, а предметы производства и потребления присваивались городскими властями, поскольку этого требовали,

¹ Эта характеристика современника — врага анабаптистов без всякой критики вошла в оценку Мюнстерской коммуны большинством буржуазных историков, писавших о реформации. Примеры см. в гл. «Истории социализма» Каутского. Стр. 425 и след. (по изданию 1906 г.).

главным образом, военные нужды. В Мюнстере происходили общие трапезы, но это были или торжественные собрания народа, или обычная кормежка воинов. Анабаптисты, — говорит Гресбек, — „перед каждым воротами имели дом, принадлежащий общине. Туда шел есть каждый, кто стоял на часах у ворот и кто трудился на валах и у ворот. Точно также они имели обыкновение проповедывать в общем доме, каждый день утром и в обед. Дიაконы должны были заботиться о пище в каждом таком доме“. Эти трапезы происходили на счет католической церкви и эмигрантов. Из их домов и из монастырей дьяконы брали необходимые продукты. „Дальше этого, — замечает К. Каутский, — христианский коммунизм на практике никогда не заходил, раз он допускал существование отдельных хозяйств“.

Сохранение отдельных хозяйств было тесно связано с поддержанием власти главы семьи над прочими ее членами. По тогдашним же понятиям семья состояла не только из мужа, жены и детей; в нее входили еще слуги и рабочие. В одном из указов городских старейшин говорится о господстве мужчин и подчинении женщин, а также о послушании хозяину домашней челяди и, обратно, о его обязанностях по отношению к ней. На общие трапезы братья являлись со своими женами и слугами. Рядом с отдельными хозяйствами продолжало существовать и тесно связанное с ними мелкое производство, предполагавшее наличие мастера и подмастерьев.

Более радикальны были в Мюнстере преобразования в области семейных отношений. Теоретические воззрения анабаптистов на брак отличались необычайной строгостью и чистотой. Эдикт, которым открыли свое правление 12 старейшин, назначал за прелюбодеяние и растление девицы смертную казнь. Сами мюнстерцы энергично протестовали против обвинений их в блуде и разврате. Тем не менее в Мюнстере, несомненно, существовало многоженство, которое и породило все толки о прирожденном бесстыдстве и половой неумеренности мюнстерских коммунистов. Такое объяснение, — замечает К. Каутский, — „для буржуазных понятий вполне удовлетворительно, но у него есть небольшой недостаток: оно ни на чем не основано“. Между тем факт этот, несколько не противоречащий вообще пуританизму анабаптистов, был вызван, как и самый террор, чисто внешними обстоятельствами, именно особым отношением полов в Мюнстере во время осады. Дело в том, что после переворота масса благонамеренных граждан ушла из города, оставив своих жен, сестер и женскую прислугу. Отсюда

и явился в Мюнстере громадный перевес женщин. Описывая „вечернюю трапезу на горе Сионе“, Грессбек говорит, что мужчин там было, старых и молодых, до 2.000. Между тем в городе взрослых женщин насчитывалось от 8 до 9 тысяч! Это своеобразное положение осложнилось еще тем, что из мужчин почти половина были холостые, преимущественно из эмигрантов и перебежчиков — ландекнехтов. Целых 5 месяцев продолжали существовать такие ненормальные отношения, пока, наконец, после долгого раздумья старейшины и пророки решились приступить к установлению нового брачного права. Право это, как прекрасно выяснил К. Каутский, должно было, с одной стороны, гармонизировать со строгой половой моралью анабаптистов, с другой — соответствовать единственному в своем роде отношениям полов, наблюдавшимся в Мюнстере. Прежде всего были объявлены незаконными все браки, заключенные до „вторичного крещения“, так как иначе жены выселившихся граждан не могли бы вступить в новый брак. Другой момент заключался в стремлении поставить всех женщин под мужской контроль и при том сначала только в экономическом, а не в физическом отношении. Женщины, оставшиеся без главы — мужчины, получили теперь приказ присоединиться к хозяйствам, имевшим мужчину, но не в качестве домашней прислуги, а как „подруги жены“. Это касалось не только женщин, способных к половой жизни, но и старых, а также и несовершеннолетних. В Библии анабаптизм нашел один пример, который более или менее подходил к данному случаю, а именно многоженство древнееврейских патриархов. Это-то „религиозное обоснование“, замечает К. Каутский, — очень затемнило истинный характер мюнстерской «полигамии».

Коммуна в Мюнстере, возникшая в начале 1534 г. героически выдерживала осаду в сущности целой Германской империи, одержав при этом две крупных победы — 25 мая и 31 августа. Но зимой 1534—1535 г.г. мюнстерским коммунистам пришлось пережить тяжелую голодовку. На Пасхе в Амстердаме и других нидерландских городах вспыхнули баптистские восстания с целью выручки Мюнстера, но они были подавлены. После этого надежда мюнстерцев на помощь извне исчезла, а между тем среди них уже свирепствовал настоящий голод. Когда не стало в городе ни кошек, ни мышей, ни лягушек, они, по свидетельству Грессбека, стали есть кожи волов, даже старые башмаки.

При таких обстоятельствах Изаии разрешил желающим уйти из города, и не мало женщин, стариков и детей, а также и людей, способных носить оружие, воспользовались этим

разрешением. Часть их, однако, тотчас же была перебита епископскими ландскнехтами, другая захвачена в плен, при чем молодые женщины должны были подвергнуться прелестям многомужества. „Вероятно, — замечает по этому поводу К. Каутский, — это (католикам) казалось лучшим средством освободить бедняжек от позора, которым покрыло их многоженство баптистов“.

Оставшиеся в Мюнстере решили бороться до последней возможности и, когда все будет потеряно, похоронить себя под развалинами города. Более месяца стояли под Мюнстером епископские войска, боясь взять силою гореть анабаптистов, едва насчитывавшую 800 изнуренных бойцов. Понадобилось предательство дезертировавшего из города Гресбека, чтобы отряд ландскнехтов смог вступить в город ночью на 25 июня и таким образом открыть путь главным силам епископа. Но и тогда ядро анабаптистов, числом в 200 человек, еще удерживало за собой сильно забаррикадированный рынок. Им пришлось обещать свободный пропуск, по сдаче оружия, и конвой. Но, конечно, эти условия не были выполнены: едва анабаптисты вышли из своего неприступного убежища, как их сейчас же всех изрубили. „Таким образом, — простодушно замечает по этому поводу Гольцгаузен, — город был взят только по особой милости божией, а вовсе не благодаря искусству войска“.

С падением Мюнстера, анабаптизм в Германии, как движение по преимуществу тогдашнего ремесленного пролетариата и вообще городской демократии, был окончательно уничтожен.

Княжеская реформация в Германии и Аугсбургский мир. — Подавив самостоятельное выступление имперских рыцарей и крестьянства, первое, приводя меткое замечание одного историка, как восстание офицеров, у которых не было солдат, другое — как восстание рядовых, не имевших офицеров, территориальные князья и имперские города оказались господами положения и взяли всецело в свои руки дело церковной реформации; коммунистическое движение городского пролетариата и мелкой буржуазии, особенно ярко вспыхнувшее в Мюнстере, в общем не было опасным для господствующих общественных слоев уже по одному тому, что оно происходило много позже разгрома крестьянского восстания.

Немудрено поэтому, что еще в исходе 20-х годов XVI в. реформация в Германии, по выражению Франца Меринга, превратилась попросту в грабительский поход территориальных властей, стремившихся прибрать к своим рукам богатые церковные имущества и совершенно разру-

шить старую католическую церковь с ее универсализмом, создав на ее месте новые местные церкви, всецело подчиненные светской власти, княжеской или городских магистратов.

Вместе с тем и самое учение реформаторов изменило теперь свой первоначальный характер. Глава их, Лютер, в 1525 г., под впечатлением крестьянского восстания, написал слова: „разум — блудница дьявола“ и резко порвал с теми, кто стоял попрежнему за слияние реформы церкви с реформами в социальном быту.

Прежде всего, он отступил от своего первоначального признания автономности церковных общин, высказав мысль, что назначение на пасторские места должно зависеть от правительства. Затем он стал находить, что самое вероучение необходимо поставить под охрану внешнего авторитета той же правительственной власти, а не отдавать всецело на решение индивидуальной человеческой души. Этим он положил начало новой протестантской схоластике, не обратив внимания на то, что схоластический догматизм заключает в себе коренное противоречие с гордо провозглашенным им принципом свободы совести. На основании этих взглядов и стала организовываться протестантская церковь в областях Германии, правители которых заняли, таким образом, место, принадлежавшее раньше одному папе.

Теперь уже не только светские князья и городские власти, но даже и многие духовные князья энергично стали вводить у себя лютеранские порядки и особенно усердно производить конфискацию церковных имуществ.

Сочувствие реформации, понимаемой, прежде всего, как обогащение за счет церковных имуществ и, вместе с тем, усиление территориальных правительственных властей, обнаружилось со стороны большинства германских князей уже на рейхстаге 1526 года, который собрался в Шпеере вскоре после подавления крестьянского восстания. На этом рейхстаге, вопреки требованию императора и католических князей подвергнуть лютеран гонению, большинством было принято постановление, чтобы все имперские члены — князья, имперские города и, даже имперские рыцари — поступали в отношении к реформаторам по своему усмотрению. С этого момента лютеранство стало быстро распространяться и укрепляться под защитой княжеской власти и городских правительств.

Территориальные князья и власти в имперских городах, вводя в своих владениях реформацию, обычно делились при этом материальными выгодами с местным дворянством и городской буржуазией. Дележ этот носил характер то

добровольных, то вынужденных сделок. Так, в ландграфстве Гессенском, богатые монастыри Кауффунгена и Веттгера со всеми их поместьями и доходами были самовольно захвачены рыцарями. Против неимоверных appetites последних гессенским ландграфам неоднократно приходилось бороться путем специальных указов.

В Померании, напротив, секуляризация церковных имуществ в широком масштабе была произведена самими герцогами Барнимом X и Филиппом I. Здесь тогда было не меньше 45 монастырей и других церковных учреждений, владевших приблизительно одной шестой всех земель в герцогстве. При этом, доходы тех церковных учреждений, которые находились в городах, были оставлены в распоряжении последних, со специальной целью поддерживать госпитали, школы и бедных. Также было предоставлено и дворянству пять женских монастырей, со всеми их имуществами, „для воспитания благородных девиц“.

В Мекленбурге, где княжеские владения увеличились вдвое благодаря присоединению церковных земель, дворянство также принимало деятельное участие в секуляризационной работе. В 1529 г. юнкера ¹, жившие в местности Клютц, устраивали форменные разбойничьи набеги на земли епископа Раненбургского. Они, таким образом, избавились от долга в 37.000 марок и присвоили себе значительную часть бывших церковных владений. При этом крестьяне, жившие на церковной земле, были согнаны, и 3.000—4.000 крестьянских участков перешли в руки дворянства и владельцев князей. Три больших монастыря и здесь были отведены государственными чинами ² „для христианского воспитания молодых девиц“.

Тот же характер введение реформации носило и в других германских землях—Брауншвейге, Тевтонском ордене, Вюртемберге, Бадене и пр. Помимо секуляризации имуществ, почти всюду практиковалось и прямое ограбление церковных зданий. Герцог Христоф Вюртембергский сам признавался впоследствии: „Церкви, в которых мы раньше слушали проповеди, имеют теперь такой вид, как будто они подверглись штурму и грабежу, так что в церкви, иной раз, уделели одни только хоры“. Бесцеремонность территориальных князей, принимавших лютеранство, была такова, что даже деятели реформации начинали горько жаловаться. Друг Лютера, Меланхтон, в одном из своих писем, называет главных покровителей евангелия, кур-

¹ Немецкое слово, значит «помещики».

² Т. - е. ландтагом.

фюрста Саксонского и ландграфа Гессенского, „центаврами, тиранами, ненавистниками господа“. Мельхиор Амбах, проповедник во Франкфурте-на-Майне, однажды прямо заявил: „евангелические ¹ владетельные князья признают евангелие только потому, что это поддерживает и увеличивает их власть и их земельные богатства; они приобщают к нему своих невоспитанных детей, придворных слуг, часто совершенно безбожных, но сами очень мало заботятся о церковной службе, о школах и бедных“.

Секуляризация церковных имуществ, и прежде всего церковного землевладения, нанесла сильный удар средневековым отношениям земельной собственности: с падением церковной собственности на землю, „был разрушен,—по выражению Маркса,—и религиозный бастион старинных земельных отношений“. Масса земель, раньше совершенно неподвижных, теперь подверглась бурной мобилизации, перейдя в руки владетельных князей, поместного дворянства и зажиточного бюргерства. Переход этот для немецкого крестьянства в большинстве случаев сопровождался значительным ухудшением его положения. Иногда, как мы уже говорили, секуляризация приводила к насильственному выселению крестьян с их наделов. Кроме того, с уничтожением монастырей, имевших у себя ряд благотворительных учреждений, все крестьяне в целом лишились какой бы то ни было поддержки в случае нищеты или болезни. Экономическое ослабление значительных масс крестьянства, естественно, приводило к еще большей их юридической закабаленности. Это особенно имело место в сельско-хозяйственной, по преимуществу, восточной Германии. Не мудрено, что реформаторы, в большинстве своем, стали считать крепостное право божеским установлением. „Читайте апостола Павла,—писал сам Лютер,—и вы увидите, что он говорит о слугах, которые в его время все были крепостными“.

В политическом отношении лютеранская реформация много содействовала росту княжеского абсолютизма и вместе с тем политической раздробленности Германии. В протестантских землях церковь совершенно подчинилась государству. Владетельные князья стали смотреть на себя как на верховную инстанцию во всех церковных делах. Протестантское духовенство всецело от них зависело. Концентрация имуществ католической церкви в руках князей значительно усилило также их финансовую мощь, и с момента реформации замечается падение ландтагов, значение которых как раз и покоилось на том, что они имели право

¹ Т.-е. принявшие реформацию.

устанавливать налоги. Теперь именно территориальные князья в широком масштабе начинают заводить наемную армию и создавать оплачиваемую денежным жалованьем бюрократию. Их абсолютизм при этом встречает мощную поддержку как со стороны дворянства, кабалившегося крестьян и превращавшегося из средневековых рыцарей в сельско-хозяйственных предпринимателей, так и со стороны торговой буржуазии, быстро разживавшейся на казенных поставках и подрядах, в которых стал нуждаться выросший государственный аппарат.

Княжеская реформация в Германии, для своего окончательного завершения, однако, должна была вступить в борьбу с мощным защитником католицизма, императором Священной Римской Империи германской нации, Карлом V. Еще в 1521 г. он издал Вормский эдикт, объявивший Лютера еретиком, лишенным покровительства законов, но активно вступить в борьбу с лютеранами ему удалось только в 1529 г. Дело в том, что Карл V, владея в качестве наследственных земель Австрией и Испанией с Нидерландами и Новым Светом, был самым могущественным государем в Западной Европе и стремился не более не менее, как к установлению в ней своей гегемонии. Но на пути к этому он встретил энергичного противника в лице французского короля Франциска I. В начале XVI в., благодаря экономическому перевороту, вызванному открытием Америки и перенесением центра торговли с берегов Средиземного моря на Атлантический океан, выиграла не только Испания, но и Франция. Последняя, между прочим, овладела Северной Италией, ранее принадлежавшей Германской Империи. Карл V считал для себя вопросом чести добиться того, чего не удалось достигнуть его деду Максимилиану, — вернуть германской короне, правда, падавшие, но все еще богатые Милан и Геную. Кроме того, Франциск I навлек на себя вражду Карла V и благодаря тому, что по смерти императора Максимилиана в 1519 г. он выставил свою кандидатуру на германский престол, хотя и неудачно: кредиты, открытые банкирским домом Фуггеров, тесно связанным с эксплуатацией испанских колоний, дали возможность восторжествовать Карлу V, щедро заплатившему за свое избрание немецким курфюрстам.

В завязавшуюся между императором и королем борьбу должен был втянуться и папский престол. Владея Средней Италией, папы, естественно, предпочитали, чтобы их соседом был Валуа, но не Габсбург. Тем не менее испанская армия Карла V и немецкие ландскнехты, нанятые на деньги тех же Фуггеров, в 1525 г. разбили французов при Павии и даже

взяли в плен их короля. Карл V принудил Франциска не только отказаться от Северной Италии, но и отдать ему Бургундию, на которую он претендовал в качестве правнука Карла Смелого.

Но, освободившись столь дорогой ценой из плена Франциск немедленно возобновил борьбу; при этом он получил от папы Климента VII формальное разрешение нарушить клятву. Против Карла V организовалась так называемая „Лига Конъяка“, в состав которой, кроме папы и Франции, вошли еще Венеция и Англия. Но и теперь германский император, хотя и с трудом, одержал верх. Уже в 1527 г. он захватил в свои руки папу. Один из представителей ландскнехтов, Себастьян Шертлин фон-Буртенбах, в следующих кратких и сухих словах описывает взятие Рима: „В шестой день мая месяца мы взяли Рим приступом, умертвили там около 6.000 человек, разграбили весь город, ограбили церкви и вообще все, что нашли, и значительную часть города сожгли“. Другой очевидец всего этого, один из испанских писателей, так рассказывает о том, что представлял собой Рим спустя месяц после его взятия: „В Риме, в этой столице христианского мира, не звонит ни один колокол, не открыто ни одной церкви, не служитя ни одной обедни; там нет ни воскресенья, ни праздников. Богатые магазины купцов превращены в конюшни; великолепные дворцы разграблены, множество домов сожжено; двери и окна других домов сломаны и утащены, улицы превращены в навозные кучи и наполнены ужасною вонью трупов; и люди и животные—все одинаково хоронятся прямо на улице. На площадях нагромождены столы, где солдаты играют в кости на целые кучи золотых дукатов. Кошунственное сквернословие наполняет воздух. Не знаю, с чем можно сравнить это? Разве, пожалуй, с разрушением Иерусалима? Теперь признал я справедливость божью, — он ничего не забывает, хотя и наказывает иногда поздно. В Риме все грехи практиковались открыто, — продажа святыни за деньги, идолопоклонство, кошунство, обманы и ложь. Потому мы должны думать, что произошло все это не случайно, но является наказанием божьим“. Продержав долгое время Климента VII в заточении, Карл V заключил с ним в Барселоне формальный мир в июне 1529 г., как раз в то время, когда в Северной Италии императорские войска вновь нанесли решительное поражение Франциску I. Последний также принужден был подписать в Камбрэ мирный договор, вторично отказавшись от Генуи и Милана и обещав императору свою помощь в борьбе с турками и еретиками.

С этого времени Карл V получил возможность заняться делами в Германии. Явно стремясь к подчинению папства, он в то же время являлся энергичным защитником католицизма. Под его властью соединялись столь различные по своим экономическим и национально-политическим особенностям страны, как Испания, Северная Италия, Австрия, Нидерланды, наконец, Германия, что, лишись этот пестрый конгломерат стран единственно связывавшего их религиозного единства, он неминуемо должен был бы распасться. А сохранить его представлялось Карлу V крайне необходимым, так как этого требовали интересы наследственной колыбели Габсбургов—Австрии. Только получая поддержку от других стран и в первую голову от Германии, последняя могла более или менее успешно отстаивать свою независимость от напавшей на нее Турции, которая как раз в это время стала настолько могущественной, что султан Сулейман определенно готовил великий военный поход с целью завоевания Средней Европы. Эти обстоятельства международной политики, в связи с давнишними враждебными отношениями императорской и княжеской власти в Германии, и определили собой позицию германского императора в религиозном вопросе.

На имперском рейхстаге 1529 г. Карл V, только-что восторжествовавший над папой и французским королем, склонил на свою сторону большинство членов рейхстага и провел отмену шпеевских постановлений 1526 года, так как они повели „к великим ошибкам и недоразумениям“. Отныне в протестантских землях приостанавливалась секуляризация церковных имуществ, предоставлялась свобода католическому богослужению и объявлялось гонение на анабаптистов. Но лютеранское меньшинство членов рейхстага составило против этих постановлений протест, провозгласив принцип, что „в делах, касающихся господина бога, спасения наших душ и вечного блаженства, каждый должен сам быть ответственным перед господом и ему лишь одному отдавать отчет“. С этого-то времени последователи Лютера и стали называться протестантами.

Твердо решив вернуть „отпавших“ в лоно католической церкви, Карл V летом 1530 г. сам прибыл в Германию, чтобы принять участие на рейхстаге в Аугсбурге. Общим враждующим партиям—католической и протестантской—было предложено представить на рассмотрение рейхстага в письменном виде изложение их религиозных взглядов. Однако, представители католической церкви вскоре были освобождены от этого обязательства, а на представленное протестантами „Исповедание“, автором которого был Меланх-

тон, составлено католическими богословами „Опровержение“, где просто объявлялись, что лютеранское учение считается официально опровергнутым. После этого Карл V предложил сейму отсрочить окончательное решение дела до весны следующего года: этим постановлением князьям давалось время одуматься, а затем они должны были воссоединиться с католической церковью, под угрозой насильственного подавления их „ереси“. Ответом на это была организация в конце 1530 и начале 1531 г.г. в тюрингенском городе Шмалькальдене союза протестантских князей и городов, во главе которого стали курфюрет Саксонский и ландграф Гессенский.

Аугсбургские угрозы, однако, не могли быть приведены в исполнение: дела на Востоке были таковы, что Карлу V пришлось, напротив, спешно искать примирения с мятежными протестантскими князьями, — турецкие войска уже вступили в пределы Венгрии. Прекрасно зная, что император „не заключил еще мира с Мартином Лютером“, как говорили в Турции, Сулейман отверг мирные предложения, сделанные ему Карлом V и свидетельствовавшие, уже сами по себе, о глубоком унижении императора. Ужас перед вторжением турок охватил не только Австрию, но и Италию. Даже папа Климент VII выразил внезапную готовность признать христианами лютеран, которых до сих пор ставил на одну доску с „неверными“. Римским богословам было предложено вновь рассмотреть „Аугсбургское исповедание“, и тогда вдруг было сделано открытие, что дело с ним обстоит совсем не так скверно и что соглашение может быть достигнуто. И сам папа стал поучждать императора примириться с протестантами.

Летом 1532 г. был заключен договор со шмалькальденцами, согласно которому князья и имперские города, принявшие Аугсбургское исповедание, могли держаться его, но отказывались от защиты его последователей в других землях, при чем прежнее положение вещей должно было продолжаться впредь до окончательного урегулирования церковных вопросов собором, а если такового не удалось бы созвать, новым рейхстагом.

Нюрнбергский договор, несмотря на всю свою неопределенность, послужил преддверием к эпохе нового расцвета реформации в Германии. Карл V со дня на день собирался принять самые репрессивные меры, но обстоятельства международной политики, тяготевшие над ним, заставили его отсрочить это на целых 14 лет. За этот период времени шмалькальденский союз необычайно усилился. В него входили уже не только немецкие князья и имперские города

но и соседняя Дания. Кроме того ожидалось в скором времени присоединение Швеции, а также можно было рассчитывать и на поддержку Англии, которая при том враждебном Риму образе действий, какой был принят Генрихом VIII, являлась связанной с немецкими протестантами общими интересами. Во всех этих странах королевская власть, при поддержке главным образом дворянства и городов, разорвала с папством, секуляризовав церковные имущества. Но импалькальденцы смогли опираться — и это было для них наиболее существенным — еще и на Франциска I, который, несмотря на свою борьбу с реформацией в пределах Франции, вне ее границ, в Германии, деятельно поддерживал противников Карла V.

Казалось, при таких обстоятельствах импалькальденский союз мог считать себя гарантированным от всяких случайностей. Но, тем не менее, временно он вскоре потерпел крах. Карлу V в 1544 г. удалось нанести новое поражение Франциску I, и последний, по договору в Крепи, обязался не вступать в союз ни с кем из германских князей. Осенью 1545 г. было заключено перемирие на 18 месяцев и с турками. Руки Карла V таким образом снова были развязаны. В Триенте был созван последний всеобщий церковный собор перед Ватиканским 1869 — 70 г.г. Он заседал со значительными промежутками при трех папах: Павле III — в 1545—47 г.г., Юлии III — в 1551—52 и Пие IV — в 1562—63 г.г.

Между императором и папой предварительно состоялось тайное соглашение, в силу которого первый получал от второго огромные денежные средства в целях насильственного подавления реформации. Как писал осенью 1544 г. аугсбургский городской писец Георг Фрелих своему ландграфу, — „всегда, когда сойдется Ирод с Пилатом, святой Христос платится за это своею жизнью“. В данном случае, однако, протестанты заплатились не столько благодаря совокупным силам императора и папы, сколько благодаря отсутствию в их среде необходимого единодушия. Карлу V удалось привлечь на свою сторону одного из самых влиятельных князей, Морица Саксонского, и ряд других. В феврале 1546 г. император писал своему сыну Филиппу, что он решил извлечь из ножен свой меч — „на службу господа, в защиту святой католической веры и во благо всего христианского мира“. В том же 1546 г. Карл V предпринял „поход на Дунай“, отдавший ему южную Германию, а в следующем году отправился на Эльбу и при Мюльберге разбил главного своего противника, курфюрста Саксонского Иоанна-Фридриха, отдав его курфюршество

своему союзнику Морицу. Вскоре принужден был сдаться императору и другой сильный его противник, ландграф Гессенский Филипп. Вюртемберг и другие имперские города должны были купить милость победителя уплатой колоссальных сумм—не менее 1 милл. гульденов. „Мудрым и осторожным“ правителям их пришлось теперь пожалеть, что они не задолго перед тем не сочли возможным предоставить шмалькальденскому союзу даже четвертую часть этих денег и при том в виде займа. При этом города в ответ на требование, „чтобы их оставили при их истинной евангельской вере“, получили от императора лишь устные неопределенные обещания, совершенно так же, как ранее герцог Мориц и другие князья, перешедшие к Карлу V. Последний, однако, смотрел на свои обещания как на временные уступки. По его мнению, вся Германия, так или иначе, должна была вновь подчиниться католической церкви. В таком направлении он энергично взялся, прежде всего, за кельнское архиепископство, переход которого в лютеранство и был непосредственным поводом к шмалькальденской войне. Архиепископ Герман был смещен, и все течение Рейна являлось теперь снова „поповским путем священной империи“¹.

Но Карл V, как и его брат Фердинанд, вполне понимал, что для полного подавления реформации необходим ряд реформ в самой католической церкви, направленных к тому, чтобы искоренить в ней наиболее резко бросавшиеся в глаза „злоупотребления“. И в этом отношении император и его брат не были одинокими.

Среди многих католических князей, как светских, так и духовных, а также в некоторых католических богословских кругах проводились мысли о необходимости установления причащения мирян под обоими видами, в целях уничтожения той пропасти, какая разделяла в лоне католицизма пастырей от пасомых, о допущении браков для духовных, так как целибат создавал из духовенства касту, совершенно оторванную от местной, национальной среды, наконец, о некотором соглашении и в области самих догматов и обрядов. Все это должно было облегчить протестантам обратный переход в католицизм и тем в корне уничтожить религиозную распрю.

Но этому стремлению папство не пошло навстречу. При Павле III католицизм собрал все свои силы для борьбы с ересью, отторгнувшей от него значительную часть Западной Европы, и создал две могущественных организации:

¹ На Рейне как раз находились крупнейшие духовные княжества Германии.

инквизицию и орден иезуитов. Иезуиты и приобрели главенство на Триентском соборе, где подавляющее большинство принадлежало итальянскому и испанскому духовенству.

Карл V требовал, чтобы собор в первую голову занялся церковными реформами, между тем папа видел главную задачу собора в окончательном установлении основ вероучения. И эти основы были установлены в виде определенной формулировки всех главных догматов средневекового католицизма. Между прочим, были признаны неизблемыми и учение о непогрешимости папы, и учение об оправдании верою. Император тогда настаивал, чтобы эти решения собора, шедшие совершенно в разрез со взглядами протестантов, по крайней мере, сохранялись бы в тайне. Но его настояния оказались тщетны: по приказанию Павла III соборные постановления были опубликованы. Когда, наконец, собор приступил к церковным реформам, а именно был поставлен вопрос о присвоенном папами праве вторгаться в деятельность епископов, Павел III провел постановление о перенесении собора из Триента в Болонью, воспользовавшись для этого появлением в Триенте незначительной и вовсе не эпидемической болезни, которую члены сочли за „большую опасность для их жизни“. После этого собор дважды собирался при преемниках Павла III и в третий свой созыв окончательно стал на реакционную почву.

При таких условиях Карлу V пришлось самому изыскивать способы умиротворения протестантов, тем более, что сопротивление нижней Германии еще далеко не было сломлено. И вот в 1548 г. было опубликовано „Объяснение его римского императорского величества, как должна отправляться религия в священной империи до постановления общего церковного собора“. Вследствие своего временного значения закон этот получил название „интерима“¹. Первоначально Карл V хотел сделать этот интерим обязательным для обеих борющихся партий, чтобы „довести до быстрого примирения и окончания“ существующий раскол.

Однако, католическая Бавария и духовные княжества категорически не согласились с этим. Не были довольны также и протестантские князья, так как в интериме из всех протестантских требований допускались лишь брак духовенства и причащение под обоими видами. Естественно, что Карл V не смог сплотить вокруг себя ни католиков, ни протестантов. Напротив, его диктаторская власть в Германии, опиравшаяся единственно на испанские войска, которые обременяли население постоем и возбуждали в нем

¹ Латин. слово, дословно значит „между тем“.

недовольство своим буйством, все более и более тяготила не только протестантских князей, но и католических. Многим из них пришлось на себе испытать высокомерное обращение императора и его испанской „челяди“ вроде герцога Альбы или молодого Гранвеллы, позже прославившихся своей борьбой в Нидерландах. Общественное мнение командующих классов, дворянства и буржуазии, все более и более склонялось на сторону князей, в которых начинали видеть национальных вождей, тогда как император представлялся узурпатором - иноземцем.

На этой почве складываются в среде протестантских князей, нашедших поддержку в католическом лагере, планы новой борьбы с императором. Непосредственным толчком к восстанию послужил проект Карла V о наследовании императорской короны его сыном Филиппом. Против этого оказался даже брат Карла V, Фердинанд.

В центре движения становится Мориц Саксонский, поссорившийся с Карлом V, отказавшимся освободить из заточения его тестя, Филиппа Великодушного. Ему теперь представилась полная возможность реабилитировать себя и в общественном мнении, заклеившим его изменником. На приглашение Морица к войне с императором откликнулся ряд северо-германских князей — маркграфы бранденбургский и кюстринский, герцог прусский — и имперских городов, а также брат императора Фердинанд. Недоверие своих бывших товарищей по шмалькальденскому союзу Мориц старался сломить заверениями, что его предприятие направлено к спасению не только „германских вольностей“, но и евангелической веры, — „а я, — как он велел передать маркграфу Иоанну Неймарскому, — в религии не мамелюк“.

В это время мир с турками кончался, а новый французский король, Генрих II, ждал лишь случая, чтобы вернуть назад Бургундию. За уступку ему Меца, Туля и Вердена шмалькальденцы в начале 1552 г. приобрели его поддержку.

Карл V, сосредоточивший свои войска на турецкой границе, находился в Инсбруке и ничего не подозревал, полагая, что ему нечего бояться „немецких простаков“. Поэтому для него было полной неожиданностью появление армии Морица в Аугсбурге, открывшим ей свои ворота. Последовавшее затем занятие Морицом Эренбергского ущелья отдавало в его руки весь Тироль, и он мог теперь „изловить лисицу в ее собственной норе“. Задержанный, однако, взбунтовавшимися ландскнехтами, Мориц прибыл в Инсбрук лишь спустя несколько дней после бегства из него Карла V в Каринтию. Последний тем не менее не имел уже сил для борьбы с князьями, и поэтому согла-

сился с ними на мир, предварительно заключенный в Нассау и отдававший окончательно решение религиозного вопроса на волю нового рейхстага.

Этот рейхстаг собрался, наконец, в Аугсбурге в 1555 г. и на нем было окончательно утверждено „новое право“, представляющее собой не что иное, как мирный договор между имперскими сословиями, преданными „старой религии“, и имперскими сословиями „аугсбургского исповедания“. Католическая партия в Германии, после крушения императорской власти, в котором она сама принимала участие, не могла и думать о торжестве над протестантами. Но и последние, в свою очередь, стремились лишь к укреплению достигнутого уже положения, разочаровавшись в возможности перетянуть на свою сторону духовные княжества. Отсюда и родилось компромиссное решение вопроса — принцип о территориальном соответствии религии с вероисповеданием правителя. Князья и власти имперских городов могли выбирать между католицизмом и протестантизмом, а их подданные должны были следовать религии своих правителей. Таким образом, гордо провозглашенная в начале реформации свобода совести оказалась предоставленной исключительно командным верхам германского общества. Это обстоятельство привело к тому, что Аугсбургский мир не успокоил общественные слои.

Это особенно относится к католическим землям Германии, где власть принуждена была бороться с сильнейшими симпатиями своих подданных к протестантизму и где католическая церковь едва держалась среди населения. Более 50 лет тлел в Германии огонь религиозной вражды, пока он не разгорелся в новый пожар в эпоху 30-летней войны. „Свобода совести“ была, наконец, куплена, но очень дорогой ценой: по выражению Фр. Меринга, Германия была отброшена в своем развитии назад почти на двести лет.

Действительно, уже одно перемещение торговых путей в значительной степени подорвало экономическую мощь германских городов, что особенно стало сказываться во вторую половину XVI в. Германия все более и более распадалась на ряд экономически замкнувшихся в себе и обособившихся княжеств, в которых торгово-промышленная жизнь постепенно замирала и которые постепенно возвращались к натурально-хозяйственному строю. Вместе с тем надолго было разрушено и имперское единство: Германия образовала как бы две части, католическую и протестантскую, и в обеих частях отдельные князья были почти независимы: они добились даже права вступать в договоры с соседними державами, не входившими в общегерманскую организацию.

Внутри княжеств, ослабевшие, благодаря общему экономическому регрессу, дворянство и городская буржуазия охотно склонялись перед княжеской властью, которая одна собственно усилилась в эпоху реформации, получив в свои руки огромные средства в виде церковных имуществ и создав из протестантского духовенства послушное орудие для проведения своих стремлений. Эта княжеская власть охотно поддерживала помещичий авторитет в деревне и привилегии гильдейско-цеховых организаций в городе. Она теперь уже не нуждалась в формальном согласии на налоги со стороны „земских чинов“—дворянства и буржуазии,—и, естественно, местные ландтаги потеряли всякое значение: своим упадком они расчистили дорогу для окончательного торжества княжеского абсолютизма.

III. Религиозные войны во Франции.

Социальные корни французской реформации.—Как и в Германии, реформационное движение во Франции коренилось, в последнем счете, в великом экономическом перевороте конца XV и начала XVI вв. Оно в существе своем было менее всего религиозным фактом, как это отметил еще Огюстен Тьерри¹, и совершенно не являлось связанным, подобно северу Европы, „с национальными инстинктами, со старинными стремлениями к церковной независимости“. Действительно, в то время как в Германии католическая церковь в исходе средних веков возглавлялась в большей мере итальянцами и вообще находилась в полном порабощении у римского папы, во Франции духовенство давно уже стало с низу до верху французским, и власть папского престола была значительно ограничена.

Короли Франции, в течение двух столетий, начиная с Филиппа IV Красивого и кончая Франциском I, совершенно ликвидировали средневековые притязания пап на церковно-политическое господство. Путем целого ряда конкордатов они уничтожили „привилегии, права и вольности“ французского духовенства, а по Болонскому соглашению 1516 г. добились распоряжения епископскими кафедрами и другими высшими церковными должностями, что, помимо усиления их компетентности в чисто церковных делах, пре-

¹ Историк эпохи, непосредственно следовавшей за Великой Французской Революцией. Тогда буржуазия во Франции была еще молода и сильна, и вышедшие из ее рядов историки, вроде О. Тьерри и Гизо, не боялись рассматривать исторический процесс как борьбу классов. См. об. О. Тьерри у Г. В. Плеханова, собр. соч., т. VIII.

доставляло в их руки и огромные доходы с имуществ церкви. А насколько велики были эти имущества, видно хотя бы из того, что в XVI в. церковный доход составлял $\frac{2}{5}$ всего дохода, получаемого правительственной казной. По вычислению венецианского посла Суриано, сделанному в 1561 г., из 37½ милл. ливров поземельного дохода всей Франции на долю церковных земель приходилось 15 милл. ливров. Теперь французский король получил возможность требовать от французской церкви крупных „пожертвований“ на государственные потребности и непосредственно получать доходы с вакантных церковных должностей. Кроме того, утверждение кандидатов на эти последние ставило от него в полную зависимость французское дворянство, из среды которого выходили по преимуществу епископы и аббаты. Дело в том, что при существовании майората, согласно которому дворянские имения переходили от отца к старшему сыну, младшие сыновья дворян обычно устраивались на высшие церковные должности, дававшие им возможность вести еще более роскошную жизнь, чем вели их старшие братья.

Такая национализация французской церкви, выбившейся из-под космополитической власти пап и ставшей в значительной мере орудием государства, была проведена королевской властью при деятельной поддержке со стороны генеральных штатов и вообще дворянства и буржуазии в целом. Она-то, естественно, и сделала во Франции общенародный взрыв реформации совершенно немислимым. Вступить в борьбу с католицизмом здесь могли только те слои населения, в которых особенно остро чувствовалось политическое недовольство, которые особенно тяготились слишком окрепшим абсолютизмом. Такими слоями являлись по преимуществу феодальные группы дворянства и муниципальной буржуазии¹, притом, большей частью, в юго-западных областях Франции, живших еще остатками средневекового быта и дороживших традициями былой самостоятельности.

Политическое объединение Франции, различные части которой давно уже находились в тесной экономической связи, формально законченное в исходе XV в. при Людовике XI, расчистило почву королевскому абсолютизму Франциска I. Пышная обстановка двора и щедрая оплата придворных должностей привлекли к королю значительную часть дворянства, охотно покидавшего свои замки и постулавшего на

¹ Т.-е. буржуазия достигших автономии городов. „Муниципийум“ — латинское слово, означало в древнем Риме городскую самоуправляющуюся общину.

королевскую службу. Этот новый источник существования был особенно важен для тех дворян, которые жили на фиксированную денежную ренту и которые, вследствие революции цен половины XVI в., принуждены были довольствоваться гораздо меньшими доходами. Пенсии, жалованье и церковные бенефиции—все, чем можно было воспользоваться от короля,—превращали этот слой дворянства из феодального в придворно-служилый. С другой стороны, протекционистская экономическая политика, заботы о развитии торговли и мануфактур, рост государственного кредита, наконец покровительство просвещению и предоставление доступа в судебные и финансовые учреждения нарождавшейся интеллигенции подкупали крупную буржуазию. Что касается основной массы населения—крестьянства, то ее положение во Франции XVI в. было, в общем, сносное. Дело в том, что здесь феодальный экономический строй пошатнулся еще задолго до открытия Америки и морского пути в Индию. Развитие денежного хозяйства, шедшее притом довольно быстрым темпом, значительно ослабило патриархальные отношения в деревне. Крестьяне путем выкупа постепенно освобождались от феодальных повинностей, и в их среде намечались два слоя: вольнонаемных батраков и мелких фермеров или арендаторов. Последняя группа составляла значительную часть сельского населения и в XVI в. экономически значительно выиграла благодаря сильному подъему цен на съестные припасы, вздорожавшие вчетверо в то время, как ценность ливра понизилась вдвое. Ни арендная плата, особенно фиксированная в деньгах, ни государственные и церковные поборы не являлись поэтому для широких крестьянских масс в эту эпоху особенно тяжелыми. Немудрено, что среди них королевская власть, в противоположность прежним феодалам, пользовалась большой популярностью. А так как „христианнейший король“ Франции был как бы „внешним епископом“ церкви, то и против нее народ ничего не мог иметь. И это тем более, что низшее сельское духовенство в массе своей выходило из просто-народа и поддерживало с ним самые тесные отношения.

Наблюдая социальные отношения во Франции в исходе XV и начале XVI в.в., современные политики, Клод Сейсель и Маккиавелли, рисовали такую картину французского общественного строя: во главе страны король-суверен; под ним привилегированная аристократия, богатая буржуазия и легисты¹, внизу—послушный и трудящийся народ.

¹ Так назывались появившиеся в позднее средневековье на королевской службе юристы, выходившие, по преимуществу, из буржуазной среды

Немудрено, что, пользуясь всеобщим признанием, Франциск I успешно проводил в жизнь провозглашенный еще задолго до него орлеанскими легистами принцип: „Так хочет король, так хочет закон“.

Поклонник итальянского гуманизма и последователь древне-римской государственной идеи, он хотел совершенно слить королевскую власть, как силу, исходившую непосредственно из воли монарха, с государственной. С этой целью он назначал губернаторами только лиц, в преданности которых был вполне уверен, ограничивал права самоуправления городских общин, замещая выборные должности своими ставленниками; вместо генеральных штатов изредка созывал собрания лишь хорошо расположенных к нему нотаблей¹; мало считался с желаниями штатов отдельных провинций; наконец, путем раздачи и продажи судебных и административных должностей, с одной стороны, увеличивал королевскую казну, с другой — создавал послушную себе бюрократию. Благодаря, напр., этой мере парламенты должны были до известной степени утратить при нем свой областной характер и дух непокорности, приняв в свою среду лиц, преданных интересам короны. Когда, однажды, главный из них, парижский, попытался было воспользоваться своим старинным „правом возражения“, Франциск I заявил: „Я — король, и хочу, чтобы мне повиновались“. Со времени же его царствования ведет свое начало и поговорка: „так нам приятно“.

Французское общество в лице дворянства, поглощенного бесконечными войнами с Карлом V, и горожан, отвлеченных от политики экономическим подъемом страны в начале XVI в., долго оставалось равнодушным к нарушению при Франциске I прежних прав и привилегий отдельных провинций, городов и корпораций. Оно терпело абсолютизм королевской власти и при его преемнике, Генрихе II. Лишь мир в Като-Кембрезе, заключенный этим королем, перед самою своею смертью, с Филиппом II Испанским, закончив-

я проводившие в своей деятельности принципы римского права, подрывавшие правовые нормы и обычаи феодальной эпохи. Римское право, как известно, было направлено к обеспечению свободного гражданского оборота, прав личности и неприкосновенности имущества, движимого и недвижимого. Напротив, феодальное право, сложившееся в обществе, жившем в условиях натурального хозяйства, защищало по преимуществу привилегии крупных земельных собственников, совершенно не охраняя интересов представителей торгового капитала.

¹ Так назывались вызывавшиеся в центр по приглашению короля „почтенные“ люди с мест, обычно из среды привилегированных классов общества.

ший период продолжительных войн, которые французы вели начиная с Карла VIII, заставил французов раскрыть глаза на внутреннее положение, и они увидели, что французский король, бывший когда-то государем „свободных“ стал теперь государем „рабов“¹.

С таким порядком вещей можно еще было мириться в обстановке военного времени, когда Габсбург не только угрожал отторгнуть Бургундию, но и поставить всю Францию в вассальную зависимость от себя. Теперь же, с наступлением мирного времени, далеко не все слои в дворянстве и буржуазии оказались примиренными с слишком выросшей королевской властью. К тому же престиж последней при Генрихе II был сильно подорван позорным миром в Като-Камбрези, который и подлил масла в огонь. Потеря Италии, откуда гарнизоны шестидесяти крепостей должны были вернуться во Францию, сильно возмущала командующие классы общества... „Несчастливая Франция! — восклицал Бриссан:— до каких потерь, до какого разорения доведена ты, прежде торжествовавшая над всеми нациями Европы!“. Разочарование, затаенная злоба и сильное неудовольствие против короля и его двора особенно распространились на юге и западе Франции. Здесь, вдали от Парижа, централизация страны еще далеко не покончила с наследием средневековья, духом которого были глубоко проникнуты все нравы и учреждения. „Средневековый строй, — говорит по этому поводу проф. Лучицкий, — пустил слишком глубокие корни во французском обществе для того, чтобы работа одного или двух поколений могла уничтожить его влияние“.

Благодаря усилиям и ловкости королей конца XV и начала XVI в.в. аристократические роды, владевшие целыми провинциями и часто бывшие сильнее своего сюзерена, французского короля, были, правда, уничтожены, но многие области, вошедшие в состав Франции, продолжали жить самостоятельной жизнью. Такие провинции, как Лангедок, Прованс, Дофинэ, Бургундия, Бретань, Нормандия, имели собственные представительные собрания, на которых голосовали и распределяли налоги. Присоединившиеся не вдруг, а постепенно и чаще всего путем соглашений, они приобрели от королей хартии, обеспечивавшие на будущее время их особые права и вольности. Большая разница была также в законах, которыми они руководствовались. Правда, к северу от Луары большею частью господствовало обычное

¹ Непереводимая на русский язык игра слов: свободные — *francs*, рабы — *serfs*.

право, к югу — кодекс Юстиниана¹; но в формах передачи наследства, как и во многих других вопросах законодательства, одна провинция резко отличалась от другой. В некоторых из провинций, кроме того, были особые суды — парламенты, ревниво оберегавшие свои права от притязаний со стороны парижского парламента. Разъединенность провинций поддерживалась также и существованием в них различных диалектов, настолько чуждых друг другу, что лица, говорившие на одном, не понимали лиц, употреблявших другой. Разительным примером в этом отношении могут служить гасконцы, бретонцы и жители Лангедока.

Все это, в связи с трудностью и иногда отсутствием путей сообщения между провинциями и различием вследствие этого в них цен на продукты, питало местный сепаратизм², препятствовало власти оказывать нивелирующее³ влияние. Королевское правительство могло непосредственно вмешиваться в дела провинций лишь при помощи особых комиссий, верховных судов, которые разъезжали по стране и подвергали наказанию всех противящихся королю. Но это средство было исключительным, и частое пользование им встречало ряд препятствий.

Таким образом, во многих провинциях, и особенно на юге и западе Франции, те слои населения, которым была в руку феодальный партикуляризм, далеко не примирились с королевской властью и ждали только подходящего момента, чтобы восстать против ее абсолютистских стремлений. Мир в Като-Камбрези развязал руки дворянству — наиболее опасной для правительства силе, так как оно по своему положению в государстве, как привилегированное сословие, по своим феодальным традициям и воинственному духу, обладало все еще достаточной силой для борьбы с властью. Правда, короли перенесли на себя право чеканить монету, ограничили право вести частные войны, но не могли еще уничтожить судебных прав феодалов и, выселив их из замков, превратить их всех в послушных придворных. „Посмотрите, — говорил Монтан о современной ему провинциальной знати, — посмотрите на провинции, удаленные от двора..., на жизнь подданных, занятия, службу и церемониал какого-нибудь синьора, воспитанного среди своих вассалов, посмотрите на полет его фантазии, его мыслей! Нет ничего монархического! Ему сообщают сведения о короле,

¹ Свод римских законов, составленный в VI в. в Византии.

² Латинское слово, значит — стремление к отложению и самостоятельности.

³ Французское слово, значит — приводить к одному уровню.

как о персидском царе, раз в год, и он признает его лишь по какому-нибудь древнему родству, которое его секретарь внес в реестр". Такие синьоры считали своей честью не повиноваться распоряжениям короля, если они нарушали их собственные права.

Во главе их стояли принцы из дома Бурбонов, который вел свое происхождение от Людовика Святого и находился в близком родстве с царствовавшей династией Валуа; один из них был слабовольный и колеблющийся Антуан, носивший по своей жене, Жанне Д'Альбрэ, титул Наваррского короля, и другой — даровитый и энергичный принц Людовик Конде. Выделялись также своей оппозиционностью два брата из рода Шатильон, занимавшие к тому же крупные военные посты: один, Франсуа Андело, командовал пехотой, а другой, Каспар Колиньи, был адмиралом. Их поддерживал и третий брат, кардинал Оде Шатильон.

Но оппозиция против королевской власти не исчерпывалась одним только дворянством. Привязанность к старинной самостоятельности была сильно развита также и в среде средней руки городской буржуазии. Исключением был лишь центр Франции, где еще в средние века городские общины окрепли, выбившись из-под власти феодалов при поддержке королей, дававших им хартии, которые обеспечивали за ними обширные гражданские, но отнюдь не политические, права. Здесь именно сложилась крупная торговая и финансовая буржуазия, рост которой был тесно связан с ростом государственного хозяйства, и отсюда же выходили многочисленные легисты и вообще агенты правительственной власти, проникнутые принципами монархии. В остальных же частях страны в среде городского населения был слишком жив дух независимости, так как там города появлялись и развивались независимо от королевской власти и вне ее воздействия. „Возникли ли городские общины, — говорит проф. Лучицкий, — из старых римских муниципий и под влиянием итальянского движения XII в., или в основе их лежала *commune jugée*¹, управлялись ли они выборными консулами или выборным же мэром и эшевенами², — в том и другом случае они являлись независимыми государствами, становились часто истинными республиками". В каждой из этих коммун был свой вечевой колокол, свое управление, свои суды и законы, даже свой гарнизон. Примерами таких городов могут служить на юге Франции Ним и Монтобан, на западе — Рошель.

¹ Т.-е. „присяжная коммуна“.

² Выборные должностные лица в самоуправлявшихся городах.

Правившая в них буржуазия в общем чрезвычайно дорожила своей самостоятельностью и с раздражением встречала попытки ее ограничения, шедшие от королей. Последние уже в XIV и XV в.в. стали заменять, пока только в отдельных городах, выборных консулов синдиками¹, назначавшимися от имени короля, затруднять выборы или ограничивать число избирателей и избираемых, ставить собственную властью мэров. Бывали случаи, что короли, вопреки хартиям, сами налагали на города новые налоги, вмешивались в их распределение и, наконец, строили в них цитадели и ставили свои гарнизоны. В XVI ст. появляются королевские ордонансы (приказы), касавшиеся уже всех городов, имевшие целью ввести однообразие в муниципальном устройстве и доставить королевской власти возможно большее влияние на городские дела. Так, по эдикту, изданному Франциском I в Кремье в 1536 г., сенешалы² и другие королевские чиновники получили право контролировать городские финансы, а Генрих II в 1555 г. поручил заведывание городскими суммами особому интенданту³. Подобного рода централизационные тенденции увеличивали в городах партию так называемых „рьяных“, которая готова была подобно дворянству с оружием в руках защищать свои вольности.

Немудрено, что ненависть к общему политическому врагу — королевской власти — мало-по-малу привела к сближению феодальное дворянство и муниципальную буржуазию, еще недавно разделенных друг от друга острой социальной враждой.

Не будучи в состоянии опереться на широкие крестьянские массы, преданные монархам и католицизму, муниципальная буржуазия и феодальное дворянство зато могли легко найти поддержку в низшем городском слое, в подмастерьях и рабочих. Монополизация ремесла цеховыми мастерами еще в исходе средних веков способствовала образованию многочисленного и все более обособлявшегося класса подмастерьев. В Париже и других городах, где развивались королевские мануфактуры, эти подмастерья явились для последних основным контингентом рабочей силы. Пополнялось также и количество чернорабочих в городах, куда устремлялись обезземеливавшиеся слои кре-

¹ Так назывались лица, управлявшие городами по назначению от короля.

² Высшие чиновники во Франции, ведавшие финансами, судом и войском.

³ Общее название во Франции для чиновников.

стьянства, которые, при господстве мелкого фермерского хозяйства, не всегда могли найти работу в качестве батраков в окрестностях своих деревень.

Этот постепенно образовавшийся в городе рабочий класс в XVI в., в противоположность крестьянству, очутился в очень тяжелом положении. Цены на съестные продукты и изделия обрабатывающей промышленности росли гораздо быстрее, чем реальная заработная плата. По вычислениям д'Авенеля, рабочий на ферме, зарабатывавший в 1500 г. 306 франков в год, стал получать в 1600 г. не больше 150; городской рабочий — 120 вместо 282. Сокровища Мексики и Перу, обогатившие буржуазию и отчасти земельных собственников, в то же время делали нищими тех, кто жил на заработную плату. Немудрено, что столкновения между трудом и капиталом в городе становятся в XVI в. очень частыми, и в среде рабочих, особенно подмастерьев, возникают боевые коалиции (и это несмотря на категорические запрещения со стороны правительства и городских органов), которые руководят ожесточенной стачечной борьбой. Известна, например, большая стачка, устроенная типографскими рабочими между 1539 и 1542 г.г. в Лионе и Париже и окончательно ликвидированная лишь в 1571 г. Не редки были в городах и открытые возмущения. В том же Лионе еще в 1529 г. рабочие поднялись в виду чрезвычайного повышения цен на пшеницу, разграбили консульские дома и при этом разрушили статуи святых, украшавших здания, шадя в то же время изображения героев античного мира. Таким образом, рабочие массы Франции в XVI веке были средой недовольной, беспокойной, революционно настроенной, и поднять их против церкви и короля не представляло больших затруднений.

Впрочем, быть только орудием в руках феодалов и городского патрициата¹ рабочий класс не мог: классовый инстинкт, несмотря на то, что промышленные рабочие являлись очень молодым классом, заставлял их, выступая в реформационном движении, преследовать свои собственные интересы, шедшие в разрез с интересами имущих классов населения. Последние поэтому простых исполнителей своей воли нашли не в рабочем классе, а в том общественном элементе, какой быстро создавался в эпоху экономического переворота из всякого рода деклассировавшихся „бывших людей“. Только что закончившийся период беспрерывных

¹ Так назывались в городах те семьи торгово-промышленной буржуазии, из рядов которых выходили должностные лица, заполнявшие органы городского управления.

войн выкинул из рядов армии массу профессионалов-солдат, революция цен разорила не мало дворян, особенно мелких; на общественное дно опустились и многие из сельского духовенства и монашества, для которых поборы в пользу высшего духовенства стали непосильными; наконец, значительное число люмпен-пролетариев представляли собой обезземелившиеся и не находившие заработка крестьяне. Совершенно лишенный классового самосознания, не имея никаких политических стремлений, этот общественный слой готов был по первому призыву служить кому угодно и чему угодно, если видел в этом спасение от нищеты. Целыми массами он устремлялся как в лагерь реформистов, так и в лагерь католиков.

Зарождение во Франции реформационного движения и характер его в начальный период.— Франция к XVI в. представляла собой экономически развитую страну, где господствовал торговый капитал и где распространялась новая гуманистическая культура. Католицизм, как система средневекового мировоззрения, уже не разделялся новой интеллигенцией, в рядах которой место схоластики¹ занял критический рационализм². Католическое духовенство, подчинявшееся в своей практической деятельности королевской власти, не могло уже сохранить за собой и господство над умственной и моральной жизнью общества. Это сословие, считавшее себя „солью земли“, начало встречать на первых порах в интеллигентской среде ироническое отношение к себе, давая богатый запас тем для литературного творчества. Но новеллы Маргариты Пармской или романы Рабля, заключавшие в себе едкие насмешки над клиром, естественно, сменились затем более резкими протестами вообще против омертвевшей в чисто внешних формах католической религии. Атеизм, охвативший гуманистическую интеллигенцию наиболее буржуазной в исходе средневековья страны, Италии, во Франции, однако, не имел сколько-нибудь широкого распространения. Пробудившийся дух критики и рационализма не порывал здесь так резко с религией, а лишь хотел ее реформировать. Сторонники церковного преобразования мало-по-малу появляются в твердых средневековой учености—университетах. Самым ярким представи-

¹ Средневековая церковная философия, стремившаяся подчинить знание вере и учившая, что разум—блудница, что вся истина заключена в священном писании.

² Здесь — в смысле преклонения пред человеческим разумом и его способностью достигнуть знания, не принятого на веру, а подвергнутого критике, проверке.

телем этого первого фазиса французской реформации явился Лефевр д'Этапль, определенно выдвинувший, еще до Лютера, основные принципы протестантизма: священное писание, как единственный источник вероучения, и догмат об оправдании верою. В Париже около семидесятилетнего филолога-реформатора вскоре образовалась целая группа его последователей. Другой кружок, откуда вышел и самый главный реформатор второй половины XVI в.—Кальвин, возник в Орлеане, вокруг Мельхиора Вольмара. Большую услугу распространению новых идей оказали владельцы типографий, особенно в Лионе. Один из них, де-Венгль, был изгнан за то, что напечатал „Новый Завет“ на французском языке. Вообще, во многих городах распространению „евангелия“ предшествовало открытие типографии. Нередко типографы не только предоставляли реформаторам печатные станки, но и снабжали их денежными средствами.

Реформационное движение вскоре перекинулось из университетских аудиторий на улицы городских предместий, где рабочие массы свое социальное недовольство облекли в форму новой религии. Уже в 1525 г. в Мо, довольно крупном центре суконного и полотняного производств, существует реформаторская община верующих под непосредственным управлением Лефевра и покровительством местного епископа Бриссона. Талантливый ученик Лефевра, Руссель, в числе слушателей своих проповедей имел здесь рабочих: чесальщиков льна, валяльщиков и суконщиков. Один из этих валяльщиков через год в Метце оказался первой жертвой французской реформации: был сожжен на костре.

В это время во Францию проникают более радикальные идеи Лютера и Цвингли, и французская церковь, в союзе с французским правительством, начинает жестокую борьбу с реформистами. С согласия регентши Луизы Савойской, папа Климент VII поручает трем членам парламента и одному парижскому кюре розыск в делах веры, и 8 августа 1528 г. в Париже гибнет на костре Жан Вилльер, лодочник с Сены. После свидания с папой в Марсели, Франциск I определенно заявляет: „В силу нашего титула христианнейшего короля, мы в сем мире более всего озабочены искоренением и совершенным уничтожением ереси“. С этого момента казни еретиков идут непрерывно, и интересно отметить, что среди казненных до 1560 г. встречаются почти сплошь представители низших слоев населения, и притом именно рабочие. Так, в 1531 г. было сожжено несколько рабочих по полотну из Валансьена, в 1834—35 г.г. потерпел сын сапожника молодой паралитик Бартеlemi Моллон, про-

званный за свою пропагандистскую деятельность „евангелистом“, а также ткач, красильщик, портной, столяр и два лентовщика. В 1845—46 г.г. казнено 14 рабочих в Мо, после чего погибла процветавшая там суконная мануфактура. Что утверждение Ронсара¹, будто „les barbiers, les maçons en un jour y sont cleres“, действительно справедливо, показывает деятельность ярого последователя Кальвина, Бернера Палисси, по профессии горшечника. Как он сам рассказывает, он в своем родном Сенте учил евангелию своих товарищей, шестеро из которых затем стали проповедывать сами; как люди мало знающие, они предварительно писали свои проповеди с помощью бывшего священника, ставшего впоследствии типографщиком. Сентская община, состоявшая сплошь из рабочих, была настолько бедна, что не могла платить пастору, и рабочие по воскресеньям, гуляя толпами, распевали псалмы.

В эту эпоху главный кадр прозелитов² и в других городах состоял преимущественно из рабочих. Так было в Ниме, Исуаре, Камбрэ. В Руане, в 1560 г., рабочее население почти целиком сливалось с партией реформистов, и испуганные революционным брожением торговцы сукном устроили что-то вроде локаута против рабочих, ходивших слушать проповедь.

Для подавления протестантизма Генрих II под влиянием своего главного советника Монморанси и герцогов Гизов устраивает новый суд над еретиками — „Пылающую палату“ и издает Компьенский эдикт, определявший единственным наказанием за отказ от католицизма смертную казнь.

Предоставленные пока собственным силам, под угрозой религиозных преследований, рабочие массами эмигрируют за границу. После процесса 14-ти в Мо, как уже говорилось, закрылась суконная мануфактура; типографии, где наборщики почти целиком примкнули к реформации, стали владеть жалкое существование; в Амьене больше не производилось тканей, а Лион вырабатывал вместо 7.000 метров шелка только 1.800. Лозанна³ была полна ремесленниками, бежавшими из Франции. Один из таких беглецов, Монтретьен, прибывший в Англию, поступил на фабрику ножей, где встретил много своих соотечественников. „Англия, — говорит он, — так усовершенствовалась в ремеслах благо-

¹ Это значит: „Парикмахеры, каменщики вдруг становились проповедниками“.

² Новообращенные, принявшие новую веру.

³ Соседний с Францией швейцарский город.

даря знанию и ловкости наших людей, кинувшихся к ней, как к своей спасительной гавани, что теперь она со славой и пользой для себя развивает те самые производства, которые мы считали своей собственностью". Таким образом, начало перенесения французской промышленности за границу, которое обычно приурочивают к отмене Нантского эдикта, относится ко времени, предшествовавшему его изданию. Возможно, что реформационное движение, охватившее во Франции первоначально часть ителлигенции и рабочие массы, было бы в корне уничтожено благодаря репрессиям и эмиграции. Но этого не случилось, так как оно затем встретило мощную поддержку в некоторых слоях дворянства и буржуазии. Присоединение этих последних к реформации, естественно, изменило тот характер социального протеста, какой она начинала было приобретать.

Присоединение к реформации феодального дворянства и муниципальной буржуазии. — Идеи французской реформации в общем сливаются в исходе 40-х годов XVI в. в учении Кальвина, который окончательно дает новой церкви и организационные формы, обеспечивающие ей республиканское устройство, с преобладающею ролью в нем высших классов общества. Основной ячейкой становится община верующих, проникнутая духом нравственной дисциплины, признающая единственным авторитетом священное писание, руководимая выборными вождями и борющаяся с царством „антихриста“. В этой общине находили себе место и сидевшие еще в своих замках суровые, сохранившие свой феодальный дух, дворяне юго-западной Франции, средняя торгово-промышленная буржуазия, эти гильдейские купцы, и цеховые мастера, а также подмастерья, и уходившие в города, спасаясь от нищеты, крестьяне. Это все были как раз те слои населения, которых выросший торговый капитал, создавший банки, колониальные предприятия и крупное мануфактурное производство, с одной стороны, и широко развившееся государственное хозяйство, с его налоговой системой, протекционизмом и войнами за рынки — с другой стороны, отбрасывали в оппозицию, которые с ненавистью смотрели на бьющую в глаза роскошь финансовых тузов, всякого рода спекулянтов, придворных временщиков, князей церкви, щедро плативших за свои должности и рассматривавших их исключительно как источник дохода.

Кальвинизм, подобно лютеранству, отменив всякие различия между пастырями и пасомыми, пробовал установить одну общую этику, обязательную для всех слоев населения, но особенно выгодную для „среднего состояния людей“. Рели-

гиозные натуры, в своем аскетическом рвении прежде уходившие спасаться в монастыри, теперь должны были выполнять все заповеди в миру. Протестантизм создал новые правила поведения. Безбрачие необязательно, бедность не является необходимым условием спасения, но и богатство не есть только средство к беззаботной жизни: кальвинизм, в частности, представлял человека не собственником, а лишь управляющим благами, которые послал ему бог. Порицая наслаждение и в то же время не разрешая отречения от мира, он ставил перед человеком задачу сознательного подчинения себе внешних условий и большой активности на всех жизненных поприщах. Каждый должен честно выполнять свое „призвание“ здесь, на земле, будь он воин, купец, рабочий, и за это он получает ни более ни менее, как вечное блаженство — награда, которая представляла вполне реальную ценность в то время, когда религия держала в полном порабощении общественную и частную жизнь человека.

Учение Кальвина, вполне сложившееся в 50-х годах XVI в., помимо рабочих, нашло во Франции горячий отклик особенно в среде муниципальной буржуазии и дворянства¹.

Присоединение этих слоев населения к реформации, происшедшее в исходе 50-х годов XVI в., придало новый характер движению. Рабочие в это время, как уже было отмечено, почти совсем обессилили благодаря энергичному преследованию правительства и церкви и эмигрированию в соседние страны. Их маленькие изолированные группы сектантского типа были бы окончательно раздавлены, если бы около 1555 г. вокруг реформации не сплотились дворяне и буржуа юго-запада Франции, определенно ставшие под знамя кальвинизма. Гугеноты², как стали теперь называть последователей Кальвина во Франции, в 1559 г. созвали в Париже целый собор под председательством Мореля и, заседаая в течение трех дней, установили „исповедание веры“ и правила церковной дисциплины. В замках и городах целого ряда провинций возникло до 2.000 общин. Сила гугенотов особенно возросла, когда к ним присоединился Антуан Бурбон, Конде и двое Колиньи. Феодалное дворянство и муниципальная буржуазия, вооружившиеся против королевского абсолютизма и католической церкви, рассчитывали не только получить обратно свои средневековые вольности и вернуться к действовавшему раньше

¹ Макс Вебер в своей „Истории хозяйства“ сделал попытку сблизить кальвинизм, в его внутренней сущности, с „духом“ развивающегося капитализма. Но тогда непонятно, почему кальвинизм и вообще протестантизм не только не способствовал, но даже задерживал развитие науки, на что ука-

традиционному правилу: „Закон возникает из согласия народа и установления короля“, но и поживиться на счет секуляризации церковных имуществ, которая последовала бы за реформой церкви и которая поправила бы их пошатнувшееся материальное положение. Припомним, что по вычислениям в 1561 г. венецианского посла Суриано, из 37.500.000 ливров поземельного дохода всей Франции на долю духовенства приходилось 15.000.000 ливров! Кроме того, кальвинизм привлекал к себе эти сословия и, если можно так выразиться, аристократизмом проектируемой им в будущем церковной организации: власть в кальвинистских общинах предоставлялась феодальной и муниципальной знати.

Ход гражданской войны во Франции.—Первое выступление оппозиция сделала в самом конце царствования Генриха II, уже давно возбуждавшего сильную ненависть к себе неимоверным денежным вымогательством и конфискацией частной собственности. Говорят, что против него был составлен в 1559 г. заговор, который не успел созреть только благодаря смерти короля. В 1560 г. кальвинистская партия во главе с принцем Людовиком Конде устроила новый заговор, так называемый амбуазский, желая захватить молодого короля Франциска II, чтобы передать его под опеку королю Наварры Антуану Бурбону. Однако, эта затея была во-время открыта стоявшими во главе правительства герцогами Гизами, и принц Конде, попавший в их руки, избежал от казни лишь вследствие перехода власти в руки Екатерины Медичи. Хитрая итальянка, сосредоточившая после смерти Франциска II и перехода престола к Карлу IX, в своих руках нити правления, хотела пользоваться выпавшим на ее долю положением, не давая перевеса ни Гизам, ни Бурбонам.

Но ни лидеры католической, ни лидеры протестантской партии не были довольны половинчатостью и неопределенностью правительственной деятельности регентши. „Малолетний король на престоле,—говорит проф. Кареев,—иностранка-королева во главе правления, занимающаяся интригами, заискивающая у всех партий, неспособная

зывает и сам Вебер, — говоря: „почти все крупные научные открытия XVI и начала XVII столетия сделаны на почве католицизма“. Нельзя объяснить также при таком понимании сущности кальвинизма распространение его в столь отсталой стране, как Шотландия. Мы уже не говорим, что гуманисты, эти ранние творцы настоящего буржуазного мировоззрения, в общем резко отвернулись от реформации, как будто на них повеяло средневековым духом.

² От испорченного немецкого слова: „Eidgenossen“, что значит „союзники“. Так называлась в Женеве, где был центр кальвинизма, партия, стоявшая за соединение с швейцарским союзом.

заставить одних не делать нападений на установленную религию, а других — уважать свободу совести своих сограждан, — все это было на руку феодальной реакции, формулировавшей свои идеи таким образом: „какой такой король? мы сами — короли, а этого короленка еще розгами можно сечь“. Идея об ограничении королевской власти широко распространилась при этом не только в протестантском лагере, но и среди католиков. Можно сказать, вся имущая Франция ждала установления твердого порядка от одних только генеральных штатов, созвать которые согласилась, наконец, и Екатерина Медичи. Однако, генеральные штаты в Орлеане 1560 г., собрание светских сословий в Понтуазе и духовенства католического и гугенотского в Пуасси в 1561 г. — не привели ни к каким результатам. Сойдясь друг с другом только в признании, что генеральные штаты должны быть постоянным учреждением и что король обязан делить с ними свою власть, сословные представители, разнородные социальные и религиозные вражды, не могли создать ничего прочного, особенно в области острого вероисповедного вопроса. Тогда вопрос этот попыталась разрешить Екатерина Медичи, которая из страха перед Гизами приняла предложение канцлера Мишеля Лопиталья, настойчивого провозвестника идеи веротерпимости. „К чему, — говорил он, — столько убийств и пыток? Одаренные добродетелью и чистыми нравами, будем сопротивляться ереси при помощи милосердия, молитв и слова божия... Нож не устоит против ума“. Лопиталю удалось настоять в 1562 г. на издании Сен-Жерменского эдикта, предоставлявшего кальвинистам, с некоторыми ограничениями, право отправлять свое богослужение.

Случившееся вскоре после эдикта 1562 г. избиение гугенотов в Васси сорвало, однако, миролюбивую политику Лопиталья, послужив сигналом к открытой гражданской войне, продолжавшейся с небольшими перерывами тридцать лет (1563 — 1593 г.г.); в эту войну втянулись и соседние державы, особенно Испания и Англия, и во время нее Франция временно вернулась к настоящей средневековой раздробленности.

Война эта носила чрезвычайно ожесточенный характер, присущий вообще гражданским войнам, и представляла собой по преимуществу ряд партизанских выступлений: нападали город на город, замок на замок, дом на дом. Многие вожди обеих партий стремились перещеголять друг друга своей свирепостью. Католик Блез де-Монлюк, прозванный „королевским мясником“, отличался в Лангедоке и Гиени, а протестант Андре — в Провансе и Дофинэ. Мон-

люк однажды велел повесить 70 человек на столбах рынка, „что привело в ужас всю страну, так как один повешенный страшнее ста убитых“. К этой казни он прибегал столь часто, что „можно было легко узнать дорогу, по которой он шел, потому что признаки находились на ближайших деревьях“. А барон Андрэ прославился взятием Монбри-зона, где приказал обезглавить половину защитников города, а остальных „заставлял прыгать с высокой башни на острия солдатских пик“. Обе стороны нередко прибегали к убийствам вождей противоположного лагеря. Так, в 1563 г. был убит под Орлеаном Франциск Гиз, а в 1569 г. в Жарнаке — Людовик Конде, уже после того, как попал в плен. Но своим зверством едва ли не всех превзошла Екатерина Медичи, организовавшая 24 августа 1572 года Варфоломеевскую ночь. Это произошло вскоре после заключения Сен-Жерменского мира (1570 г.), который упразднял все прежние эдикты против гугенотов и предоставлял им право свободы культа в городских предместьях и замках; гарантией должно было служить занятие гугенотскими гарнизонами 4-х значительных крепостей — Ла-Рошели, Монтобана, Коньяка и Ла-Шаритэ. Договор этот представлял собой уже третью попытку примирения на пространстве 8 лет и, в частности, был вызван тем, что главный вождь гугенотов, Колиньи, получил значительные силы от германских протестантов.

При дворе появилось много гугенотов и, между прочим, сам Колиньи, который приобрел большое влияние на Карла IX. Тяготясь опекой своей матери, Екатерины Медичи, и притязаниями католической партии вообще, недовольный вмешательством во французские дела Филиппа II испанского, деятельно поддерживавшего французских католиков, Карл IX мечтал о полном замирении Франции. Он явился сторонником брака главы гугенотов, молодого Генриха Наваррского, со своей сестрой Маргаритой Валуа, вопреки воле папы. При нем завязались деятельные сношения с нидерландскими гёзами¹, восставшими против Филиппа II, Англией и германскими князьями — протестантами. При дворе много говорили о великом проекте, внушенном Карлом IX Колиньи: все французы, католики и гугеноты, отныне союзники, пойдут, во главе со своим королем, отнимать у испанского короля Нидерланды.

Но католическая партия не дремала. Один из клевретов ее нового главы, молодого Генриха Гиза, по уговору

¹ Гёзы значит — „оборванцы“. Так в насмешку были прозваны восставшие против испанского гнета дворянство и буржуазия в богатых Нидерландах.

с Екатериной Медичи и братом Карла IX Генрихом Анжуйским, за деньги ранил из пистолета Колиньи. В это время в Париже было множество влиятельных гугенотов, съехавшихся туда к свадьбе Генриха Наваррского с Маргаритой Валуа. Все они требовали строгого расследования дела и казни виновных.

Первым движением Карла IX было отомстить за того, кого он называл своим отцом. Но настояние матери и угрозы со стороны всех вождей католической партии лишить его престола привели к тому, что он дал согласие на всеобщее истребление гугенотов. „Только убейте их всех, — прибавил он при этом, — чтобы никого не осталось, кто бы упрекнул меня в этом“.

В Париже с церковных кафедр давно уже раздавались проповеди, призывавшие „верных“ жестоко расправиться с еретиками. Католическая партия щедро сыпала золотом, создавая из деклассированной черни большого города шайки наемных убийц. Богатства гугенотских сеньоров, живших в Париже, распыляли воображения всех тех, кто жаждал наживы. В ночь на 24 августа, день св. Варфоломея, когда забил набат в церкви Сен-Жермен д'Оксерруа, толпы дворян, лавочников и черни, под предводительством Гиза и его друзей, проникли в отмеченные заранее мелом дома гугенотов, и резня началась. В Париже было перебито до 2.000 гугенотов, в том числе и раненый Колиньи; в провинции — не менее 30.000, при чем не давалось пощады ни женщинам, ни детям.

Живший давно уже не у дел Мишель Лопиталь умер от горя, узнав об этих зверствах. Напротив, католики во Франции и за границей были в восторге, называя их „блестящим триумфом христианской церкви над ее врагами“, „правым судом Божиим“. В Париже маскарады и банкеты с блестящими костюмами придворных чередовались с церковными процессиями и благодарственными молебнами со множеством монахов в черных сутанах. Карл IX не только бывал на местах, чтоб „благодарить бога за прекрасную победу, одержанную над еретиками“, но, явившись в парламент, гордо потребовал оправдания себя за содеянное, не желая предоставлять эту честь Генриху Гизу. В честь короля была даже выбита медаль с надписью: „Карл IX, умиротворитель бунтовщиков — 24 августа 1572 г.“. Трусливая бойня Варфоломеевской ночи, однако, оказалась для короля и католиков не только преступлением, но и большой глупостью. Озлобленные жаждой мести, гугеноты в четвертый раз взялись за оружие. Во главе их встал Колиньи встал Генрих Наваррский, которому удалось бежать из Парижа.

Протестантские части страны сейчас же приняли организацию, выработанную около 1573 г. на собрании представителей гугенотской партии в Мильо и введшую управление, совершенно отличное по своему принципу и деятельности от королевской администрации. Новая система основывалась на присяге, даваемой лично каждым членом союза, быть „как братья и слуги в доме господнем, помогать друг другу, никоим образом не изменять вышеупомянутому союзу, какие бы удобства и условия ни были им предложены“. Страна была разделена на диоцезы и округа, в каждом из которых существовали особые советы, составлявшиеся из выборных из среды местного дворянства и отчасти буржуазии. На этом федеративном и аристократическом основании было построено и высшее совещательное учреждение — генеральные штаты конфедерации, собиравшиеся каждые три месяца и состоявшие из трех представителей каждого округа — дворянина, члена третьего сословия и магистрата. Советы округов заведывали рекрутскими наборами и устройством войска. Авторитет королевских трибуналов признавался только в гражданских делах и делах первой инстанции; уголовные же дела и апелляции были переданы специальным судам, имевшим преимущественно третейский характер. Все королевские доходы и все церковное имущество были конфискованы.

Эта организация впоследствии была изменена, а именно в Ниме в 1575 г. и в Ля-Рошели в 1588 г., но основные черты ее — федерализм, аристократизм и совещательность, — оставались неприкосновенными. Это был, по замечанию де-Ту, „новый род республики, отделенный от остального государства, имевший свои собственные законы относительно религии, гражданского управления, суда, военной дисциплины, свободы торговли, сбора податей и фискального управления“.

Новому королю, Генриху III, пришлось уже в 1576 г. заключить еще раз мир с могущественной протестантской организацией, который, помимо свободы вероисповедания и ряда крепостей, удержанных в залог, предоставлял вождям гугенотов управление в ряде провинций.

Но эти уступки вызвали, в свою очередь, взрыв ярости в рядах католического дворянства, которое решило вступить в борьбу с протестантизмом собственными силами. В местностях, особенно удаленных от Парижа, где усиленно велась проповедь кальвинизма, давно уже возникали местные лиги. Так, в 1563 г. в Тулузе образовался союз между дворянством, духовенством и третьим сословием „для защиты чести божьей и его католической и римской церкви“.

Подобные же союзы возникли в 1565 г. в Анжере, в 1566 г. в Дижоне, в 1567 г. в Бурже, в 1568 г. в Труа, наконец, в 1576 г. в Пикардии. Выпущенный от имени этой лиги манифест говорил о необходимости „восстановить провинциям королевства и штатам оного старинные права, преимущества, вольности и свободы таковые, каковые они были во времена Хлодвиги, первого христианского короля, и даже еще больше и лучше“. Главную роль в лиге играло дворянство, почему она получила даже название: „ассоциация католических принцев, сеньоров и дворян“. Воцарившаяся в стране партикуляристическая анархия побуждала вступать в лигу также буржуазию и крестьян, которым дворяне обещали защиту от притеснения.

Победа гугенотов показала католическим сеньорам всю слабость королевской власти. Носитель ее, Генрих III, еще более изнеженный¹, чем Карл IX, проводил время в кутежах и забавах, часами играя со своими собачками и попугаями. Иногда им овладевали порывы набожности, и он, в одежде кающегося грешника, ходил вечером по улицам при свете факелов, в сопровождении монахов, которые, по его приказу, били его хлыстами по спине. Такой король, ханжа и развратник, уже сам по себе не мог хоть сколько-нибудь импонировать в эпоху, когда социальные связи распались и общественные группы с оружием в руках отстаивали свои интересы. Не только для гугенотов, вообще отличавшихся строгостью своих нравов, но и для католиков он стал „соломенным королем“. Ненависть и презрение к нему еще более усилились, когда умер наследник престола, брат короля, герцог Анжуйский. Так как у Генриха III детей не было, престол, в случае смерти его, должен был перейти по женской линии к еретiku, Генриху Наваррскому. Этого католики допустить не могли, и в 1585 г. у них образовалась самая мощная организация — „Святая Лига“, во главе с неутомимыми Гизами. Герцог Лотарингский и Филипп II испанский обещали ей свое содействие. К ней вскоре примкнул и Париж, где возник самостоятельный союз из местных дворян, купцов, адвокатов и священников, ведших пропаганду среди моряков, судорабочих, мясников и барышников. В манифесте, изданном от имени кардинала Бурбона, намеченного в наследники престола, католических перов, принцев, сеньоров, городов и общин королевства объявлялось о восстановлении католической религии, возвращении дворянству его вольностей, облегчении

¹ Он предпочитал носить на себе женское платье и массу драгоценностей, а также любил принимать душ из тонких духов.

положения народа, защите прав парламента и созыве генеральных штатов каждые три года.

Генрих III, захваченный врасплох, принужден был уступить всем требованиям Святой Лиги и особым эдиктом отнял у гугенотов свободу вероисповедания и политические права. Это привело к новой войне, в течение которой Генрих III своими нерешительными действиями вызвал против себя в католическом лагере еще большее озлобление. „Нет у нас короля, да здравствует свобода“, — кричали возбужденные проповедями городская чернь и крестьяне. Вступающие в лигу обещали повиноваться королю, „пока он будет католиком и не окажется покровителем еретиков“. Особенно серьезные стеснения пришлось испытать Генриху III, когда были созваны генеральные штаты в Блуа в 1587 г. На них громко говорилось о низложении короля, и они в то же время присвоили себе решающую власть в вопросе о налогах, право объявления войны и заключения мира, наконец контроль над администрацией. Дальше идти было некуда в деле ограничения королевской власти, и Генрих III решился на борьбу с Лигой. Заманив к себе Генриха Гиза, он приказал своим придворным заколоть его пиками, а на другой день казнил брата его, кардинала Лотарингского. Убийство Гизов послужило сигналом к восстанию Парижа, во главе которого стали „шестнадцать“ — комитеты городских кварталов. Сорбонна разрешила подданных от присяги, а проповедник Буше призывал к убийству „вероломного тирана“. По примеру Парижа, изгнали королевских чиновников Тулуза, Амьен и другие города, образовав самостоятельные республики, вступавшие друг с другом в союзы. Во Франции, таким образом, появилось два крупных политических центра: „Народ Лиги“ и конфедерация гугенотов. Генриху III, бежавшему из Парижа с частью придворной аристократии, ничего не оставалось, как соединиться с Генрихом Наваррским, и оба они двинулись на Париж и осадили его. Здесь, в лагере, в 1589 г. Генрих III заколол кинжалом монах Жан Клеман, воспитанник иезуитов.

С этого времени борьба сосредоточилась между Парижем, где засела Лига и куда пришли испанские войска из Нидерландов, и Генрихом Наваррским, получившим подкрепление из Англии. Три раза гугеноты осаждали Париж, и всегда испанцы являлись во-время, чтобы ввести в город новые отряды и снабдить его припасами. Целая фаланга монахов деятельно поддерживала в голодавшем населении религиозный энтузиазм. Однажды во время осады была устроена грандиозная процессия, имевшая целью подей-

ствовать на умы: шествие открывали более 1.000 монахов, со шпагами на боку, с бердышами на плечах, в латах, надетых поверх ряс, с пением воинственных гимнов.

Между тем, огромное большинство населения Франции начинало тяготиться почти непрерывной 30-ти-летней борьбой, приведшей к небывалой анархии. Феодальная и муниципальная реакция особенно тяжело отражалась на крупной буржуазии, так как страна очутилась в состоянии полного экономического упадка. От пребывания в стране до 60.000 солдат, пришедших из Испании, Англии, Германии, Италии и Савойи и отмечавших свой путь грабежами, насилиями и пожарами, страдали широкие народные массы. При таких условиях партия „политиков“, стоявших, подобно Лопиталю, за умиротворение религиозных распрей, все более и более приобретала значение.

На точку зрения „политиков“ склонялся и сам Генрих Наваррский, человек, мало придававший значения формальным вероисповедным различиям. „Те люди, которые следуют непосредственно за своей совестью, принадлежат к моей религии, — писал он, — а я принадлежу к религии всех храбрых и хороших людей“. Однажды, уже перешедши в католичество, — этим он спас себя в Варфоломеевскую ночь, — Генрих IV понимал, что новый переход его в католичество на этот раз окончательно умиротворит страну, где все же большинство населения принадлежало к католической церкви. И это было, действительно, так. Он являлся единственным законным наследником престола, и вожди Лиги против него не могли выдвинуть никого другого. Правда, Филипп II предлагал в королевы Франции свою дочь, внучку Генриха II, но генеральные штаты 1593 г., несмотря на то, что большинство их составляли лигёры, не согласились на это.

При таких обстоятельствах Генрих Бурбон решил, что Париж, все еще не сдававшийся, „стоит бедни“, и сделал „опасный прыжок“, еще раз отрекшись от „ереси“. Теперь непримиримые лигёры, разбитые близ Арка, недолго держались в Париже. Население столицы, генеральные штаты, парламент, все хотели мира, и даже епископы, как только Генрих Наваррский выполнил церемонию коронования в С.-Дени, сняли с него интердикт, вопреки воле папы.

Религиозное умиротворение Франции, достигнутое Генрихом IV, утвердило за католиками полунезависимую галликанскую церковь и дало протестантам полную свободу, обеспеченную гарантиями, какие предоставил им Наптский эдикт 1598 г. В результате такого решения религиозной проблемы явилось предоставление обеими партиями королю

части их притязаний, которыми ни та, ни другая ранее не хотели поступиться. Особенно дорого продали свою покорность Генриху IV лигёры, присвоившие себе в управляемых провинциях королевские права. По вычислению Сюлли, выкуп Франции у отложившихся сеньоров стоил королевской казне более 32 милл. ливров. Однако, результаты феодально-муниципальной реакции, обнаружившейся в эпоху религиозных войн, долго еще давали себя знать, и вполне отстроить расшатанное здание абсолютизма удалось лишь при Ришелье и Людовике XIV. Сам Генрих IV за Нантский эдикт поплатился жизнью: иезуиты не хотели простить ему этого эдикта, и, после ряда неудачных покушений, он пал в 1610 г. от руки монаха Равальяка.

Хрестоматия.

1. Из письма Тосканелли к Колумбу, 1474 г. ¹.

Я считаю ваш проект плавания от востока к западу, согласно указанию моей карты, еще более наглядным на глобусе, проектом благородным и великим. Мне приятно видеть, что меня хорошо поняли, что путешествие это сделалось не только возможным, но и несомненным, и что оно принесет вам честь, неоценимые выгоды и высокую славу среди всех христианских народов. Нельзя оценить всего его значения иначе, как по опыту и при наличии тех подробных и точных сведений, которые я получил от замечательных и ученых людей, приезжавших из тех мест к римскому двору,—от купцов, издавна ведущих торговлю с теми странами, и от других лиц, словам которых нельзя не верить. Когда это путешествие будет совершено, оно будет путешествием в могущественное государство, в города и провинции богатейшие и прекрасные, изобилующие всякого рода вещами, высоко у нас ценимыми, я разумею—всякого рода пряностями и драгоценными камнями. Оно будет также выгодно для тех королей и государей, которые желают иметь сношения и заключать союзы с христианами наших стран и учиться у ученых людей здешних мест ² как религии, так и другим наукам. По этой причине, как и по многим другим, о которых можно было бы упомянуть, я не удивляюсь, что вы, человек великой храбрости, и вся португальская нация, всегда выставлявшая замечательных людей для подобных предприятий, горите теперь желанием совершить вышеупомянутое путешествие ³.

(Перевод П. Николаева. Из „Хрестоматии по всеобщей истории“ проф. П. Н. Ардашева Киев. 1914 г., стр. 90—91).

¹ Паоло Тосканелли, известный флорентийский астроном и космограф (род. в 1397 г. умер в 1482 г.). К нему обращались с запросами о возможности открытия морского пути в Индию португальский король Альфонс V и сам Колумб.

² Т.-е. в Европе и, в частности, в Италии.

³ Тосканелли не пришлось дожить до осуществления „великого и благородного проекта“: он умер за десять лет до знаменитого путешествия Колумба.

2. Из письма Петра Мартира к графу Тендиле, из Барцелоны, в сентябре 1493 г. ¹.

Послушайте новость. Помните лигурийца Колумба, которому государи наши ² во время пребывания своего в лагере поручили отыскание западных антиподов в другом полушарии? Вы не могли забыть его, потому что сами принимали некоторое участие в этом деле, которое, без вашего совета, думаю, и не состоялось бы... Теперь он возвратился жив-здоров и рассказывает чудеса о своем путешествии и обо всем, что видел в открытых им странах. Привез он с собой золото, хлопчатую бумагу и перец, еще более пряный, чем кавказский. Все это,—говорит он,—земля производит там сама собою, равно как и дерево, дающее пурпуровую краску. Он рассказывает, что, проплыв к западу от Гадеса (Кадикса) пять тысяч миль, он открыл разные острова, из которых один больше Испании ³, и все их занял от имени наших государей. По его словам, острова эти заселены людьми особой породы, живущими в диком состоянии, но счастливо. Питаются они плодами, растениями и хлебом из растертых корней. Есть у них свои короли, более или менее могущественные. Народы эти иногда воюют между собой. Оружие их состоит из луков, стрел и копий с заостренными и обожженными концами. Хотя они живут в первобытном состоянии и ходят нагими, однакож и им не чужда страсть к властвованию.

(Перевод Н. Бредихина. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 93).

3. Свидетельство аббата Тритемия об изобретении книгопечатания ⁴.

В это время жителем Майнца, Иоанном Гуттенбергом, было изобретено чудесное, до сих пор еще неслыханное, искусство печатать книги при помощи отдельных букв.

¹ Петр Мартир (род. в 1455 г. в Миланской области), подобно Колумбу, служил у Фердинанда и Изабеллы испанских. Между прочим, он был свидетелем торжественного приема, сделанного Колумбу в Барселоне по возвращении его из первого путешествия.

² Фердинанд Католик и Изабелла Кастильская.

³ Остров Гаити, который, в действительности, в несколько раз менее Испании.

⁴ Аббат Тритемий (род. в 1462 г.) в числе немногих современников оставил нам свидетельство об изобретении Гуттенберга.

Истратив на это изобретение почти все свое состояние и все-таки, вследствие многих затруднений, испытывая недостаток то в том, то в другом, он уже хотел бросить это дело. Но, благодаря доброму совету и денежной ссуде другого майнцкого гражданина, Иоанна Фауста, он счастливо довел его до конца. Сначала они вырезали буквы на досках и напечатали общеупотребительный словарь, однако, ничего другого при помощи этих досок напечатать не могли, так как вырезанные на них буквы были неподвижны. Тогда они придумали отлить буквы латинского алфавита, названные ими „матрицами“, при помощи которых они отливали буквы из меди и олова столько, сколько было нужно, тогда как раньше они вырезывали их руками. Однако этот способ представлял столько трудностей, что они истратили на напечатание библии 4.000 гульденов, прежде чем был окончен 12-й лист. Но Петр Шеффер, сначала слуга, потом зять Иоанна Фауста, изобрел более легкий способ отливки. Долгое время оба они держали это изобретение в тайне, пока оно не было перенесено рабочими, без которых они не могли обойтись, сначала в Страссбург, а потом и ко всем народам. Но первые изобретатели жили в Майнце, в доме, называвшемся сначала *Zum jungen*, впоследствии же *Druckerhaus* и, наконец, *Druckhaus zum jungen* ¹.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 86—87).

4. Из письма Фердинанда Кортеса к испанскому королю Карлу V ².

По величине своей он (столица Мексики, Теночтитлан, теперь Мехико) грандиозен, улицы его широкие и прямые, имеется много обширных площадей, а вдоль некоторых улиц устроены каналы, по которым снуют лодки. Через эти каналы переброшены мосты, удивительные по своим удобствам и внешней отделке. На площадях устраиваются обыкновенно ежедневные базары, а на одной из них, окруженной портиками и величиной своей вдвое больше пло-

¹ *Druckhaus zum jungen* стоит и поныне, и на Пасхе в 1856 г. в нем, в глубине обветшавшего погреба, нашли поперечную балку печатного станка; на ней вырезана надпись: „I. S. 1441“; таким образом, она является живым свидетелем самих ранних времен книгопечатания.

² Фердинанд Кортес (род. в 1485 г., умер в 1547 г.) — испанский конкистадор, завоевавший Мексику и открывший Калифорнию. Происходил из бедной дворянской семьи и получил юридическое образование в Саламанке.

шади в Саламанке, каждый день собирается толпа приблизительно в 70.000 человек для совершения различных торговых сделок. На этих базарах можно найти какие угодно товары и продукты. Здесь встречаются разнообразные сорта съестных припасов, домашняя утварь из меди, олова и цинка, золотые и серебряные вещи, драгоценные камни, перья. Тут же, на улице, продаются птицы разнообразной породы. Во всем и всюду царит образцовый порядок. Посреди этой же площади возвышается роскошное здание, нечто вроде Дворца Правосудия, где заседают 10—12 человек, являющихся, повидимому, судьями. Они разбирают спорные дела, возникающие между торговцами. Кроме того, имеются еще и инспектора, следящие на базаре за правильностью торговых сделок. В этом городе можно встретить множество прекрасных домов и дворцов, большей частью принадлежащих сеньяорам—помещикам, являющимся вассалами императора Монтезумы. Они обязаны известное количество дней в году жить непременно в городе. Кроме этих помещиков, в городе имеется еще класс весьма зажиточных людей, живущих также в большой роскоши. Люди же, с которыми приходится здесь сталкиваться в торговой жизни, отличаются такой же любезностью и учтивостью, как и население Испании. И в высшей степени удивительно то, что этот народ, который мы считаем варварским, народ, не имеющий понятия о существовании истинного бога, изолированный от всего цивилизованного мира,—этот народ является во всех отношениях просвещенным.

(Перевод Н. П. Борецкого-Бергфельда. Из его книги: „Колониальная история западно-европейских континентальных стран“. СПб. 1914 г., стр. 69).

5. Экономическое состояние Германии в середине XV века, по свидетельству Энея Сильвия Пикколомини ¹.

Мы говорим прямо: никогда Германия не была богаче, блестящее, чем в настоящее время. Немецкая нация, по величию и силе, стоит впереди всех других, и можно действительно сказать, что нет народа, которому бы бог оказал столько милостей, как немецкому. Повсюду видим мы в Германии обработанные поля, засеянные хлебом нивы, виноградники, сады и огороды по селам и предместьям; всюду красивые здания, изящные виллы, замки на возвы-

¹ Эней Сильвий Пикколомини (род. в 1405 г., умер в 1464 г.)—известный итальянский гуманист, занявший в 1458 г. папский престол под именем Пия II. Он долго жил в Германии, почему его наблюдения очень ценны.

шенностях, окруженные стенами города. Если мы пройдем по наиболее замечательным из этих городов, то мы воочию увидим богатство этого народа, красоты этой страны. Где найдется в Европе город великолепнее Кельна с его чудными церквями, ратушами, башнями, крытыми свинцом зданиями, с его богатыми жителями, его великолепной рекой¹ и окружающими его плодородными нивами. Пойдем дальше — в людные Гент и Брюгге², эти складочные места товаров для всего Запада, пойдем, далее, в очаровательные города Брабанта: Брюссель, Мехельн, Левен³; возвращаясь обратно по течению Рейна, мы увидим Майнц, старинный город, обильно украшенный великолепными общественными зданиями и домами граждан, славящийся своим собором и своими церквями. Во всем городе нельзя заметить никакого недостатка, кроме тесноты улиц. Далее — Вормс, хотя и небольшой, но очень красивый город. Всем понравится также очень людный и красиво расположенный Шпейер. Страсбург, с его многочисленными каналами — вторая Венеция, но здоровее и приятнее, потому что в венецианских каналах соленая и зловонная вода, в страсбургских же — речная и чистая. Кроме изумительного по своей архитектуре собора, там есть много замечательных церквей и монастырей. Многие из домов духовенства и граждан так красивы, что ни один король не постыдился бы жить в них. В Базеле церкви и частные дома покрыты разноцветною глазированною черепицей: эти крыши, при ярком солнце, представляют восхитительное зрелище. Чистые, окруженные садами, фонтанами и дворами, дома граждан оштукатурены снаружи белой известью и расписаны. Берн⁴ так могуществен, что без особых усилий может выставить 20.000 вооруженных. Аугсбург превосходит по своему богатству все города в мире. Блестящ и Мюнхен. В Австрии Вена — самый красивый город, с истинно-королевскими дворцами и с такими церквями, которым могла бы изумиться Италия. К сожалению, нам не хватает достаточно таланта, чтобы описать впечатление, производимое церковью св. Стефана. Послы из Боснии, долго смотревшие на ее колокольню в изумлении, под конец воскликнули: „Эта башня стоит дороже целой Боснии“.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 141—143).

¹ Рейном.

² Ныне в Бельгии.

³ Тоже.

⁴ Ныне столица Швейцарского Союза.

6. В доме Фуггеров в Аугсбурге, по свидетельству Ганса фон-Швейнихена ¹.

Господин Макс Фуггер пригласил однажды в гости его княжескую милость вместе с одним господином из Шенберга, прежде жившим также в квартире его княжеской милости. Не скоро я дожусь подобного банкета,—сам римский император не мог бы лучше угостить; притом великолешие было чрезвычайное.

Обед был приготовлен в зале, в украшениях которого прежде всего бросалось в глаза золото. Пол был из мрамора и такой скользкий, что по нему приходилось идти как по льду. Через весь зал тянулся стол с напитками, уставленный золочеными сосудами и большими прекрасными стаканами, стоящими, как говорят, гораздо больше тонны золота. Я ждал его княжескую милость у стола. В это время господин Фуггер передал через меня его княжеской милости приветственный бокал, представлявший из себя корабль, художественно исполненный из прекраснейшего венецианского хрусталя. Когда я взял этот бокал из буфета и пошел через зал, то, будучи в новых башмаках, поскользнулся и упал на спину посреди зала, опрокинув вино себе на шею, а так как я был в новом платье из красной дамасской ткани, то это было для меня большим убытком. Прекрасный же корабль разбился вдребезги. В этот момент все много смеялись, однако впоследствии я узнал, что господин Фуггер говорил, будто он заплатил за этот корабль 100 гульденов. Но это ведь вышло не по моей вине, так как я ничего не ел и не пил. Впоследствии же, будучи даже под хмельком, я стоял крепче и ни разу не упал, даже во время танцев. Поэтому я счел, что бог не хочет, чтобы я наряжался: ведь я, надевши новое платье, вообразил, что я красивее всех; над этим господа и все мы смеялись.

Господин Фуггер повел его княжескую милость по всему дому,—настолько огромному зданию, что римский император во время имперского сейма помещался там со всем двором. Между прочим, господин Фуггер привел его княжескую милость в одну башенку; там он показал его милости сокровища, состоящие из цепей, регалий, благородных камней, также редких монет и кусков золота вели-

¹ Ганс фон-Швейнихен, современник Фуггеров, видевший их „дом“ во время своих путешествий по Германии, в свите герцога Генриха XI Лигницкого, автор „Достопримечательностей“.

чиной с голову—сокровища, стоящие, по его словам, свыше миллиона золотых. Затем он открыл ящик, до верху наполненный только дукатами и кронами. Он сказал, что их там на двести тысяч гульденов, которые он передал посредством вкесаля испанскому королю. После этого он повел его княжескую милость в другую такую же башенку, до половины наполненную исключительно хорошими талерами; он говорит, что там уложено приблизительно на 27 тысяч талеров. Таким образом, он оказал его княжеской милости большой почет и вместе с тем показал свое богатство и силу. На другой день он прислал ко мне своего гофмейстера с просьбой представить его моему государю. Вместе с ним он посылал в подарок его княжеской милости 200 крон и красивый кубок в 80 талеров, а также коня, покрытого черной бархатной попной; все это его княжеская милость с большой благодарностью принял в знак дружбы.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 140—141)

7. Германское рыцарство в XVI веке в изображении Геца фон-Берлихингена ¹.

Будучи во вражде с Нюрнбергом, я однажды узнал, что через лес, именуемый Гагеншис, должны проезжать телеги с товарами. В это время я находился у своего господина и доброго товарища, — мы советовались тогда друг с другом о различных вещах. Там я узнал, что дело наверно удалось бы. Когда телеги проезжали, мы напали на них и захватили их. Но возчики заявили, что у них была охрана от пфальцграфа. Однако я ни разу не слыхал, чтобы в этом месте или вообще пфальцграфская охрана когда-либо была выдаваема; поэтому и эти люди должны быть императорскими, а не пфальцграфскими. Тогда мой лазутчик рассказал мне обо всем, как происходило дело. Как потом я узнал, лазутчик дал сильный нагоняй хозяину, ибо возчики его предостерегали и просили охраны. Но так как я был добрым другом пфальцграфа, так что мне не

¹ Гец фон-Берлихинген (род. в 1480 г., умер в 1562 г.) — типичный представитель немецкого рыцарства 1-й пол. XVI в., прозванный „Железной рукой“. Он принимал участие в Крестьянской войне, когда Оденвальдская крестьянская армия заставила его принять над ней начальство. Берлихинген старался действовать в примирительном духе, удерживая свои недисциплинированные отряды от грабежей и поджогов дворянских замков. В своей известной драме Гете сильно идеализировал Берлихингена, наделив этого типичного авантюриста-рыцаря возвышенными стремлениями.

хотелось ничего предпринимать против этих возчиков, и кроме того пфальцграф по некоторым причинам был особенно люб моему сердцу, то я их тогда пощадил, как везде щадил их курфюршескую милость.

Когда же я после того ушел с этой дороги, у меня появился другой план следующего рода: я узнал, что когда бывает франкфуртская ярмарка, то нюрнбержцы идут во Франкфурт пешком (по дороге) выше Вюрцбурга, а также чрез Габихтейль и Ленгфельд к Спессарту. Были сделаны разведки, и я их захватил пять или шесть человек; среди них был купец, которого я брал в плен уже в третий раз, и второй — в течение полугода, при чем один раз захватил его товар. Другие же были простыми упаковщиками в Нюрнберге. Я сделал вид, что хочу им всем отрубить руки и головы, но это не было моим серьезным намерением. Они должны были стать на колени и положить руки на пень. Тогда я наступил на одного ногой, а другого ударил по лицу, это было им от меня наказанием, затем я предоставил им продолжать свой путь. Купец же, которого я так часто захватывал, перекрестился и сказал: „Я скорее допустил бы, что упадет небо, чем то, что вы меня сегодня схватите, по той причине, что всего еще немного дней тому назад (при этом он пересчитал их), около сотни наших купцов, бывших в Нюрнберге на ярмарке и толковавших о вас, имели точные сведения о том, что вы в Гагеншпице, где думаете произвести нападение и захватить товары; поэтому меня в высшей степени удивило то, что вы так скоро могли прийти сюда“. Но как я сам удивился тому, что в такое короткое время доходят сведения до Нюрнберга о моих поездках!

Я обращаю внимание на этот пункт для того, чтобы каждый воин и рыцарь могли заключить отсюда, что нюрнбержцы очень хорошо выслеживают своих врагов, на что должны, очевидно, употреблять очень много стараний.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 148—150).

8. Немецкие ландскнехты в XVI в., по свидетельству Себастьяна Франка¹.

Во времена императора Макса появились ландскнехты, никому ненужные люди, которые всюду бесцеремонно

¹ Известный немецкий писатель-историк XVI в., издавший в 1534 г. сочинение под заглавием: „Weltbuch“ — „Всемирная книга“, где описал „внешность, быт, характер, религию, верования, обряды, законы, войско, полицию, нравы, обычаи, войны, ремесла“ и т. д. целого ряда народов.

бродят, ищут войны и бедствий и являются спутниками последних.

Те же подданные, которые, будучи вызваны на войну своими господами, (являются) в силу необходимости повиноваться и по окончании ее возвращаются к своим занятиям, те по справедливости называются не ландскнехтами, а солдатами, честными ратниками. Но безбожных и погибших людей, занятие которых — разрушать, резать, грабить, убивать, жечь, играть, пить, богохульствовать, издеваться над вдовами и сиротами, — которые радуются чужому несчастью, кормятся, отнимая у других, как во время войны, так и без войны, сидят на шее крестьян, которые не только каждого обирают и грабят, но даже вредят друг другу, — о них я ни под каким видом не могу сказать, что они не являются язвой всего света.

Прежде, когда еще не было этих бесполезных людей, которые, не из нужды, принуждения или послушания, а просто из-за презренных денег продают жизнь, каждый князь, если была причина, воевал только при помощи своего народа или же просил другого князя или господина, которые присылали ему людей из своей страны. Тогда войны были проще и велись без больших издержек. Теперь же, когда на каждом шагу находят этих бесполезных и продажных людей и приходится иметь дело со многими тысячами их, теперь каждый хочет превзойти другого числом людей и силою вооружения, и война, еще не начавшись — только закончится вооружение этой толпы — стоит уже больше, чем прежде стоила вся война.

Если бы не было этих людей, войны было бы гораздо менее значительными, князья часто должны были бы воевать с таким количеством сотен, как теперь — тысяч, а тем не менее достигали бы больших результатов. Ведь эти зловредные люди постоянно возбуждают одного против другого, поэтому война затягивается и захватывает большее пространство; им было бы досадно, если бы все было бы по справедливости и наступил бы мир. Этим разорили всю страну, так что ни у князей, ни у крестьян денег больше нет, и князья могут собраться на войну лишь с большим вредом для своей земли.

9. Дворянство, бюргерство и крестьянство в Германии в эпоху реформации, по свидетельству Себастьяна Франка.

Дворянство, которое по божьему повелению должно быть благородно, должно быть утраченным и бичом злых, защитой и прибежищем добрых, охранителем вдов и сирот, поступает как раз наоборот. Те, которые должны быть собаками, охраняющими овчарню, являются, напротив, сами волками и хватают все, что только могут, так что беречь и сторожить надо было бы именно от этих пастухов и сторожей, благородство которых исключительно происходит от их прежнего блеска. Раньше их благородство находило основание в добродетели, теперь они доказывают его лишь гордостью, богатством, знатным происхождением и тиранией. И как их каждый боится и ненавидит, так и они должны бояться и ненавидеть. Их друзья — только блюдолизы и лицемеры; в действительности все их слуги и подданные — рабы.

Последнее крестьянское восстание ясно показывает, какую симпатию и дружбу питают подданные к своим господам, над которыми они чинили насилия. Старые дворяне благодеяниями привлекали к себе сердца своих подданных и последние были стеной, за которой их власть была прочной. Они считали себя богатыми постольку, поскольку богаты были их подданные, при чем хорошим управлением, добрым примером и справедливыми законами они способствовали тому, что подданные имели возможность давать им все больше и больше. Теперь же у них все вырывают силой, притом все сразу, силой принуждают к преданности и платежам, что долго не может продолжаться, ибо природа ненавидит насилие: преданность должна быть выказываема свободно, волю и сердце нельзя принуждать. В общем, каждому врождена от свободного бога любовь к свободе. Но на это мало обращают внимания и неблагородные и благородные и требуют сегодня одно, а завтра другое; а по какому праву, они об этом не думают.

Они только и делают, что охотятся, пьют, кутят, играют, превосходно живут, получая в изобилии ренты, чинши и подати. Но на каком основании они их берут и что они должны за это делать, вообще о своих обязанностях — вряд ли из них кто думает. Ведь привилегия сваливать всю тяжесть податей на шею горожан и требовать ограничения себя единственным пфеннигом дана им не для причинения ущерба подданным, но потому, что они обязаны производить улучшения там, где этого требует нужда,

подобно тому как поденщику дается плата за то, что он работает в течение дня. Также и им для того именно даны привилегии, чтобы они защищали от обид вдов и сирот, помогали бедным добиваться управы против насилия и принимали к сердцу нужды всех людей, как свои собственные, как это подобает отцам отечества. Но так как они этого не делают, то (их привилегии) — лишь бесполезная тирания и насильственный побор, подобно тому, как если бы поденщик требовал у меня поденную плату, даже отнимал бы ее насильно, а своей работы так и не начинал, даже не прикасался бы к ней. На шерсть поглядывают, а о благополучии овец не заботится никто.

Дворянство немецкой нации считает себя за то хорошим, что оно охотится, ничего не делает или же проводит время в езде верхом и в соколиной охоте. Дворяне очень стыдятся быть обыкновенными горожанами и подчиняться, на-ряду с последними, городскому праву. Дворяне удаляются от общества горожан, держатся обособленно, бывают только среди равных себе и на равных себе женятся.

Их жилища представляют собой крепкие замки на горах, в лесах и т. д. Они заводят роскошь в своем доме, держа при нем многочисленную челядь, лошадей, собак и всячески его украшая; у них особенная щегольская походка, и с ними постоянно целый хвост родственников. Свои гербы они вешают в церквах, на стенах и в алтаре. Многие приобретают свое благородство не так, как в старину, путем добродетели и подвигов храбрости, но по наследству. Бедность считают для себя позорной и охотно бросаются во всякого рода опасности, чтобы добыть себе почет и состояние, необходимое, по их мнению, для их звания; многие идут на войну вслед за князьями и господами. Попадаетея им добыча, и они возвращаются домой обогатившись, — и вот они уже считают себя поистине благородными. Дворяне редко ходят пешком через поля, потому что считают это для своего звания позорным. Если подвергнутся какой-либо обиде или нападению, то они редко защищаются законным путем, а заводят ни с того ни с сего междоусобия, объявляют письменно о своей вражде, воюют и мстят огнем и разбоем.

Третье сословие — это бюргеры, или городские жители; одни из них в имперских городах подчинены императору, другие — князьям, третьи — в Швейцарии и вольных городах — независимы. Их ремесла разнообразны и стоят на большей степени совершенства, чем у какого бы то ни было народа на земле. Бывши некогда варварами, народом неуклюжим, невежественным, диким, необузданным, воинственным, они

стали теперь мудрыми и искусными, предприимчивыми и способными во всяком деле.

Далее, в могущественных и свободных имперских городах население имеется двух категорий: простые горожане и родовитые, стремящиеся быть в некотором роде знатью и живущие на дворянский манер со своих рент и чиншей. Они не терпят в своей среде простого горожанина, хотя бы он равен был им по богатству, и, подобно дворянам, не заключают неравных браков; кто не хочет быть исключенным из их среды и презираемым, то женится на равной себе. Каждая из категорий имеет даже свое право, и одна подчинена другой. Эти люди живут между собой дружно. Там они сходятся, говорят, обсуждают дела, приглашают один другого. Одежда каждый день новая. Еще недавно носили, с незапамятных времен, остроконечные башмаки с длинными носками, узкую, короткую одежду. Теперь же все, наоборот, широко, велико, широкие башмаки. Женская одежда теперь дорогая, впрочем приличная и мало заслуживает прицания за исключением бьющей в глаза роскоши.

Что касается богослужения и заказывания обеден, то это благочестивый и даже суеверный народ: большое значение они придают богослужению и часто еще до зари гонят девушек и работников к ранней обедне. В деле милостыни они сострадательны и щедры, кормят многих нищенствующих монахов и других лиц из духовенства, которых у них масса, — вряд ли будет столько у какого-нибудь другого народа. Равным образом не мало (у них) монастырских церквей с большим числом каноников, епископов, прелатов, аббатов, пробстов, деканов и т. д., а также госпиталей; по городам еще много бродят бедных учеников и церковников, которых они готовят в священники; и хотя они к ним не очень благосклонны, все-же каждый охотно имел бы в числе членов семьи священника, полагая, что этим освящается весь род.

В Германии очень много нищих и вообще бедного люда, больше по невоздержанности, чем естественным путем, впавшего в бедность и расшатавшего здоровье, — дошедшего до нищеты больше благодаря безделью, постоянному ожорству и разгулу, нежели вследствие недостатка земли и вздорожания съестных припасов. Ибо если этот народ что-нибудь имеет, то проматывает, прославляя св. Мартина, потом живет изо дня в день на-авось, без всяких забот о том, что их пищевые запасы тают с каждым днем, и едва хватит их на неделю, не говоря уже о том, что они должны страдать потом целый год. Рабо-

тает всего лишь половина; если же не считать их господ, праздных горожан, купцов, дворян, князей, школьников, попов, всякого рода монахов, детей, больных, нищих, всех женщин, — то работающих не наберется и третьей части (всего населения).

Трудящийся в поте лица народ: крестьяне, угольщики, пастухи и т. д., это — четвертое сословие. Их дома, жизнь, одежда, пища и т. д. хорошо известны. Это очень трудолюбивый народ, которым каждый всячески помыкает — чрезмерно обремененный барщинами, чиншами, податями, налогами, пошлинами, но оттого не ставший скромнее — далеко не простосердечный, лукавый и необузданный. Их занятия, нравы, молитвы, хозяйство знакомы каждому, однако не везде одинаковы; как и всюду — что город, то норов.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 144—148).

10. „Похвала Глупости“ о представителях католического духовенства ¹.

Схоластики-богословы.

Что касается богословов, то лучше, быть может, было бы пройти их молчанием, „не трогать этого вонючего болота“, как говорят греки, не прикасаться к этому ядовитому растению. Ведь это такой хмурый и сварливый народ, что, чего доброго, они толпой обрушатся на меня со своими шестьюстами „заключений“, чтобы заставить меня взять свои слова обратно, а в случае отказа с моей стороны, чего доброго, объявят меня еретиком: ведь, это их обычный прием — запугивать обвинением в ереси тех, кто успел себе снискать их неблаговоление. Хотя богословы всего менее склонны признавать мое благотворное на них влияние, но в действительности они также многим мне обязаны. Счастливые благодаря моей верной спутнице Филавтии (Самомнению), они чувствуют себя на третьем небе и с высоты своего величия с презрительным сожалением взирают на остальных смертных, пресмыкающихся на земной поверхности, на-ряду с бессмысленными животными.

¹ Автор „Похвалы Глупости“ — Эразм Роттердамский, известный немецкий гуманист (род. в 1467 г., ум. в 1536 г.). Это сочинение его по форме представляет собой пародию на панегирик и содержит в себе ряд сатирико-юмористических картин современного автору общества. Особенно остроумны в „Похвале Глупости“ главы, посвященные католическому клиру и его главе — римскому папе.

Они оградили себя непроницаемым забором из магистральных определений, заключений, королариев, предложений — определительных и вводных; они понаделали себе столько скрытых тайников и потайных выходов, что их и сетями Вулкана не изловишь; с помощью своих „различений“ они выскользнут откуда угодно, а своими диковинными словечками они не хуже, чем тенеделескою секирой, разрубят всякий узел. Прибавьте сюда их так называемые „гномы“, в сравнении с которыми так называемые парадоксы стоиков могут показаться банальными, избитыми истинами. Эти богословские гномы стоят того, чтобы привести здесь несколько образчиков их. Так, одна из них гласит, что меньше греха зарезать тысячу человек, чем в воскресенье починить башмак бедняку, другая гласит, что лучше допустить гибель всей вселенной, чем сказать самую пустяковинную ложь. Эти наитончайшие тонкости еще утончаются веледствие размножения схоластических направлений. Легче выбраться из лабиринта, чем разобраться в хитросплетениях реалистов, номиналистов, фомистов, альбертистов, оккамистов, скотистов — я назвала далеко не всех, а лишь главнейшие схоластические школы. Во всех их столько учености, столько трудности, что, право, если бы апостолам пришлось вступать в состязание о подобных вещах с нынешними богословами, то им понадобилась бы помощь иного духа, чем тот, который древле говорил их устами. Апостол Петр, собственноручно получивший ключи церкви от самого Христа, вряд ли, однако, понимал, — во всяком случае он не мог бы оценить всей тонкости этого рассуждения, — каким образом может обладать ключами к знанию тот, кто не обладает самим знанием. Апостолы крестили на каждом шагу, и однако, нигде ни разу не учили они, что такое формальная причина, что такое причина материальная, производящая и конечная причина крещения, — ни разу не обмолвились ни словом о его характере — изгладимом или неизгладимом. Молились они также, но молились духом, единственно руководствуясь этим евангельским изречением: „бог есть дух, и молящиеся ему должны молиться в духе и истине“. Но им, повидимому, не было открыто, что следует не менее благоговейно чтить, чем самого Христа, нарисованное углем на деревянной доске его изображение, если только он изображен с двумя выпрямленными перстами, с необрезанными волосами и с тремя завитками на локоне, опускающемся от затылка. Впрочем, мог ли всему этому научить тот, кто не прокорпел 36 лет над физикой и метафизикой Аристотеля и Скота.

Но, быть может, вам кажется, что я говорю все это шутки ради. Я это вполне понимаю. Действительно, надо признать, что среди самих богословов есть люди настолько образованные, что им претит от всех этих вздорных, по их мнению, хитросплетений богословской схоластики. Все это, однако, несколько не мешает нашим самодовольным богословам восхищаться самими собой и рукоплескать себе.

В качестве цензоров вселенной, они тянут к ответу всякого, чьи мнения хоть на йоту расходятся с их „заключениями“ — и изрекают тоном оракула: „это положение не благочестиво“, „это — непочтительно“, „это — отзывается ересью“, „это — нехорошо звучит“ и т. д., словом, ни крещение, ни евангелие, ни ап. Павел или Петр, ни св. Иероним или Августин, ни даже сам Фома „Аристотелейший“ не в состоянии сделать человека христианином, если только не выскажутся в его пользу г.г. бакалавры богословия: их ученость безусловно необходима для суждения о столь тонких вещах. Кто бы мог предугадать, если бы только эти умные головы не открыли нам этого, что не христианин тот, кто будет утверждать, что одинаково правильно сказать: *matula putes* и *matula putet*, *ollae fervere* и *ollam fervere*? Кто освободил бы церковь от стольких грубых заблуждений, которых, пожалуй, и не прочел бы никто, если бы они не были отмечены особым писателем?

Но скажите, разве не на верху благополучия чувствуют себя занятые всем этим господа? Разве малое счастье для них — описывать жизнь преисподней с такою точностью и до мельчайших подробностей, как будто они провели там многие годы? А фабриковать по произволу новые миры, в том числе обширнейший и прекраснейший, нужно, ведь, чтобы было где блаженным душам разгуляться на просторе и пошировать в приличной обстановке, а при случае и в мяч поиграть... От всего этого и тому подобной вздорной чепухи головы этих господ до того расперло, что вряд ли у самого Юпитера до такой степени распирало череп в тот момент, когда он готовился разрешиться от бремени Палладой и взывал к Вулкану о помощи. Не удивляйтесь поэтому, если они являются на публичные диспуты с обмотанною столькими повязками головой: иначе череп мог бы не выдержать внутреннего давления. Сама я под час не в силах удержаться от смеха, глядя на самодовольные физиономии этих господ, которые воображают себя тем более замечательными богословами, чем более варварски и неуклюже выражаются. Говоря, они до такой степени заикаются, что только заика разве и поймет у них что-нибудь. Впрочем, если их не понимают, они не только не

смущаются этим, но даже гордятся, приписывая это необыкновенному глубокомыслию своих речей.

Монахи.

К богословам всего ближе стоят по своему благополучию так называемые религиозы или монахи, хотя оба эти наименования одинаково мало подходят к ним — большинство их имеют очень мало общего с религией; с другой стороны, нет людей, которые бы чаще встречались на всех улицах и перекрестках. Что за несчастный народ были бы монахи без моей помощи! Они служат предметом такой всеобщей антипатии, что даже встретиться с монахом считается дурною приметой. Но зато, по моей милости, какого они высокого мнения о себе! Начать с того, что благочестие они считают своим исключительным уделом, высшее же благочестие они полагают в возможно полном невежестве: не уметь даже читать, это в их глазах идеал благочестия. Читая ослиным голосом свои псалмы, без всякого выражения и понимания, они воображают, что доставляют величайшее наслаждение слуху святых. Иные из них бахвалятся своею неопрятностью и нищенскою жизнью. С диким завыванием выпрашивают они у дверей милостыню. Назойливою толпой наполняют они постоянные дворы, публичные экипажи, суда, к немалому ущербу для настоящих нищих. Своею нечистоплотностью, невежеством, грубостью, бесцеремонностью эти малые люди хотят, как они сами утверждают, представить нам собой живой образ апостолов. Забавно видеть, как все у них предусмотрено, предписано, рассчитано с математическою точностью, не допускающей ни малейшего отступления: сколько должно быть узлов на баннике, какого цвета перевязь, какой окраски должна быть одежда; из какой материи и какой ширины пояс, какого фасона и какого цвета капюшон, сколько пальцев в диаметре должна иметь тонзура, сколько часов надо спать и т. д. Эти люди, исповедующие и проповедующие апостольскую любовь и милость, готовы душить друг друга за горло из-за того, что пояс, например, не так опоясан, или что одежда несколько более темного цвета, чем предписано. Есть между ними до того строгие в своем благочестии, что сверху одеваются в шерстяное, а на тело надевают полотняное; другие, наоборот, сверху носят полотно, а под ним — шерсть. Есть и такие, что боятся дотронуться до денег, как до яда, за то не прочь выпить. Наконец, всего более озабочены они тем, чтобы во всем отличаться от мирян. Вообще же они стараются не столько о том, чтобы походить на Христа, сколько

о том, чтобы друг на друга не походить. Вот почему такое наслаждение им доставляют их орденские клички. Одни с гордостью называют себя вервеносцами; но вервеносцы, в свою очередь, разделяются на так называемых колетов, миноров, минимов, буллистов. За вервеносцами идут бенедиктинцы, бернардинцы, бригиттинцы, точно недостаточно им имени христиан!..

Большинство их придают такое значение исполнению своих обрядов и уставов, что и царство небесное считают не вполне достаточной для себя наградой. Им и в голову не приходит, что Христос, чего доброго, не обратит на все это никакого внимания, а потребует лишь отчета в исполнении единственной своей заповеди — любви к ближнему. Между тем, с чем предстанут перед Христом эти люди в день последнего суда? один покажет свою брюшину, растянутую рыбою всех сортов и видов; другой вывалит сотню пудов псалмов; третий начнет перечислять мириады постов и сошлется при этом на свой желудок, столько раз рисковавший лопнуть от розговенья после каждого поста; четвертый вытащит такую кучу обрядов, что ими можно было бы нагрузить семь купеческих судов; пятый будет бахвалиться, что в течение 60 лет ни разу не прикоснулся к деньгам иначе, как надев предварительно на руку двойную перчатку; шестой принесет свой плащ, до того пропитанный грязью и потом, что последний бурлак не захотел бы надеть его; седьмой сошлется на то, что он 60 лет прожил, как губка, не тронувшись с места; восьмой принесет с собой хрипоту, приобретенную усердным песнопением; девятый — нажитую в одиночестве спячку; десятый — оцепеневший от продолжительного молчания язык. И как прервет Христос этот бесконечный поток бахвальства, да как скажет: „Откуда этот новый род иудеев? Единственный закон признаю я истинно моим, но о нем-то я до сих пор ни слова не слышу! А, ведь, открыто, без всякой аллегории или притчи, обещал я в свое время наследие отца моего — не капошонам, не молитвословиям, не постам, но делам любви. Не хочу я знать людей, которые слишком хорошо знают свои подвиги. Эти люди, желающие казаться святее меня, могут, если угодно, занять небо Абрахамовых, либо прикажут выстроить себе новое небо тем, которые свои уставы ставили выше моих заповедей“. Какими глазами, думаете вы, посмотрят они друг на друга, когда выслушают эти грозные слова, и увидят, что отдано предпочтение перед ними бурлакам и извозчикам?

Но что им в том, когда благодаря мне они вполне счастливы своею надеждой. Хотя они и не принимают

прямо участия в общественных делах, никто, однако, не осмелится относиться к ним с пренебрежением, в особенности к нищенствующим монахам, которые держат в своих руках всевозможные тайны всех и каждого. Тайны эти они свято блюдут; правда, если иной раз под пьяную руку явится желание позабавить друг друга веселыми анекдотами, то они не прочь порассказать кое-что в приятельской компании, но при этом они ограничиваются лишь сущностью дела и умалчивают имена. Другое дело, если кто на беду раздражит этих ос: тогда они сумеют славной отплатить ему при первом же случае, опозорив его имя в публичной речи, не называя, правда, по имени, но намеками давая настолько ясно понять, о ком идет речь, что не поймет разве тот, кто вообще ничего не понимает. И до тех пор не перестанут они лаять, пока не заткнешь им глотку лакомым куском.

Римские папы.

А верховные первосвященники, заступающие место самого Христа? Если бы они, в свою очередь, так попытались подражать его жизни, т.-е. его бедности, его трудам, его учению, его страданию, его презрению к жизни, — да если бы к тому же поразмыслили о значении своего титула папы, т.-е. отца и святейшего, — то скажите, что было бы плачевнее положения папы? И кто стал бы ценою всего своего достоинства добиваться этого места? Кто, купив его, стал бы отстаивать его мечом, ядом, всякого рода насилием? Сколько бы выгод лишился бы папский престол, если бы сюда получила доступ мудрость? Мудрость, сказала я... Что говорю я — мудрость! Да хоть бы крупина той соли, о которой говорит Христос! Что стало бы тогда со всеми этими богатствами, со всеми этими почестями, со всем этим земным владычеством, со всеми этими диспенсациями, поборами, индульгенциями, лошадами, мулами, телохранителями, — что стало бы, говорю я, со всеми этими прелестями? Вместо всего этого явились бы на сцену — бдения, посты, слезы, молитвенные собрания, церковные поучения, размышления, воздыхания и тысяча других подобных неприятностей. И что стало бы тогда со всей этою массой папских секретарей, писцов, нотариусов, адвокатов, делопроизводителей, секретарей, мулятников, конюхов, менял, — я хотела бы прибавить кое-что побукетистее, да не хочу оскорблять ушей моих слушателей? Одним словом, всех этой многоголовой, тысячеголовой толпе, которая разоряет — виновата, оговорилась, — которая украшает римский престол, пришлось бы помирять с голоду. Не говоря уже о том,

что это было бы крайне негуманно и недостойно: возможно ли, без сердечного содрогания, допустить, чтобы верховные князья церкви и светочи мира были доведены до сѹмы и посоха? Теперь, наоборот, все труды предоставляются Петру и Павлу: у них ведь достаточно досуга!.. На свою долю папы оставляют зато весь блеск и все удовольствия. При моей благосклонной помощи, никому так вольготно и спокойно не живетcя на свете, как именно папам. Они уверены, что, титулуясь блаженнейшими и святейшими, раздавая одной рукой благословения, другой проклятия и разыгрывая в пышных церемониях, в своем мистическом и почти театральном уборе, роль епископов, они воздают все должное Христу. Творить чудеса? — Как это устарело, как старомодно! — Да и не по нынешним это временам. Поучать народ? — Чересчур тяжелый труд! Толковать священное писание? — Что за схоластика! Молиться? — непроизводительная трата времени! Пролить слезы? — Что за бабья сентиментальность! Жить в бедности? — Некомфортабельно! Примириться с поражением? — Позорно и недостойно того, кто едва королей допускает лобызать свои блаженные ноги. Наконец, умирать — вещь неприятная, быть распятым на кресте — вещь позорная. После всего этого у нас остается то кроткое оружие и „благие словеса“, о которых говорит ап. Павел — на этот счет куда как щедры папы, — т.-е. интердикты, временные и вечные отлучения, анафемы, карательные грамоты наконец, эти страшные перуны, посредством которых одним своим мановением папы низвергают души смертных глубже самого тартара. Ни на кого, однако, не обрушивают более грозных громов святейшие во Христе отцы и Христовы наместники, как на тех которые, по дьявольскому наущению, пытаются уменьшить или расхитить вотчину св. Петра. Хотя, по евангелию, Петр сказал: „Мы все оставили и последовали за тобой“, тем не менее папы называют вотчиною его — поля, города, подати, пошлины, феодальные повинности. Пылая ревностью по Христе, они отстаивают все это огнем и мечом, не без изрядного пролития христианской крови; нанося поражение неприятелю, папы убеждены, что этим они апостольски защищают церковь, невесту Христову. Как будто могут быть у церкви более опасные враги, чем нечестивые первосвященники, которые своим систематическим молчанием о Христе позволяют почти забыть о нем; они связывают его по рукам и по ногам своими лихоимными законами, искажают его учение натянутыми толкованиями, наконец вторично распинают его своею гнусною жизнью. На том основании, что христианская церковь основана

кровью, кровью же укреплена и кровью увеличена, они и ныне орудуют мечом, — точно погиб Христос, который бы мог по-своему защитить верных своих! Но что такое война? Это — нечто до того чудовищное, что она уподобляет людей хищным зверям. Это — нечто до того неразумное, что, по представлению поэтов, она насыщается на людей фуриями; это — нечто до того злобное, что она оказывает самое разлагающее влияние на людские нравы — и это с быстротой заразной язвы; это — нечто до того несправедливое, что лучшими ее исполнителями оказываются обыкновенно отъявленные разбойники; это — нечто до того нечестивое, что не может иметь ничего общего с Христом. Все это, однако, несколько не мешает папам войною-то всего более и заниматься. Тут у иного дряхленького старичка и юношеская отвага вдруг является, — никакие издержки его не страшат, никакие труды не утомляют; если нужно, он не остановится перед тем, чтобы перевернуть вверх дном и религию, и мир, и все людские отношения. И нет недостатка в ученых лстыцах, которые все это сумасбродство называют благочестивою ревностью и мужеством; они додумались до такой философии, по которой можно хвататься за меч и пронзать им внутренности своего ближнего и в то же время оставаться верным этой первой заповеди Христа о любви к ближнему!..

(Из „Похвалы Глупости“, изд. в переводе и с примеч. П. Н. Ардашева).

11. Из „Автобиографических воспоминаний“ Лютера¹.

Я сын крестьянина. Мой отец, дед и прадед были настоящими крестьянами. Впоследствии отец переселился в Мансфельд и сделался там рудокопом.

Мой отец был бедным рудокопом, мать приносила постоянно на собственной спине дрова, чтобы только прокормить нас, детей. Они работали изо всех сил.

Мои родители обращались со мной очень сурово, и от этого я сделался очень робок. Отец высек меня однажды так больно, что я его возненавидел, стал от него убегать, и много времени протекло, пока я опять с ним не сжился. Однажды из-за ничтожного пустяка мать высекла меня до крови. Суровая и строгая жизнь, которую вела моя мать, была причиной того, что я ушел в монастырь и сделался

¹ Мартин Лютер (род. в 1483 г., ум. в 1546 г.) — известный немецкий реформатор, создатель лютеранской церкви.

монахом. Но родители искренне полагали, что поступают хорошо, — они не могли только соблюдать меры, с какой надо наказывать. А наказывать надо так, чтобы возле розги лежало яблоко.

Теперь по милости божией так повелось, что дети могут учиться играючи, например, языкам или другим наукам, или же истории. Нет теперь того ада и чистилища, которые представляли собой наши школы, где нас мучили, но где мы не могли ничему научиться из-за вечных побоев, трепета, страха и боли. Однажды я за одно утро, до обеда, был высечен пятнадцать раз подряд.

Я не пренебрегал компаниями, которые пели у дверей из-за куска хлеба. Я сделался тоже попрошайкой и выпрашивал хлеб по домам, особенно в Эйзенахе, моем милom городе. Однако впоследствии мой дорогой отец с большою любовью и преданностью поддерживал меня в высшей эрфуртской школе¹; трудясь в поте лица своего, он помогал мне, когда я туда поступил.

Университет пользовался таким уважением и таким авторитетом, что на все остальные школы, в сравнении с ним, смотрели, как на низшие училища для обучения грамоте. Но теперь эта слава прошла, и университет совсем вымер.

Так как я, начав в высшей эрфуртской школе с изучения наук и философии, настолько изучил и усвоил их, что сделался магистром, — я мог также, по примеру других, обучать юношество или же продолжать учиться. Но я покинул моих родителей, друзей и родственников и совсем против их желания пошел в монастырь и надел капюшон. Я был убежден, что в этом звании и при суровой, тяжелой работе, я получу большую заслугу пред богом. Однако мой обет не стоил ни гроша, т. к. я тем самым вышел из воли и власти родителей, данных мне богом. Но бог хотел, как теперь вижу, чтобы я познал мудрость высших школ и святость монастырей из собственного, неопровержимого опыта, т. е. по многим грехам и безбожным делам их, и чтобы безбожные люди, мои враги, впоследствии не величались предо мной тем, что, мол, он осуждает то, чего не знает.

Отец мой был недоволен и не хотел этого позволить. Он написал мне ответ, при чем обращался ко мне на ты (раньше он говорил мне вы, с тех пор как я сделался магистром) и отказал в своем благоволении.

¹ В университете.

Поистине, я был благочестивым монахом и так строго придерживался уставов моего ордена, что и сказать не могу. Если хоть один монах попал на небо за свое монашество, то я тоже там был бы. Это могут засвидетельствовать все монастырские общины, которые меня знали, так как я, если бы это дальше продолжалось, замучил бы себя на смерть бдением, молитвой, чтением и другой работой.

В Эрфурте я, молодой богослов, попал в библиотеке на книгу, в которой были перечислены и написаны речи Иоанна Гуса; разбирало любопытство посмотреть, чему учил этот ересиарх, раз уже его книга не сожжена и находится в общественной библиотеке. В этих речах я нашел поистине так много, что пришел в ужас: за что сожгли этого человека, который так по-христиански и так убедительно ссылался на Писание. Но так как его имя предано столь ужасному осуждению, что, как я полагал, стены почернели бы и солнце потеряло бы свой свет, если бы кто хорошо подумал о Гусе, то я закрыл книгу и ушел с смущенным сердцем, однако утешал себя такой мыслью: может быть, он это написал раньше, чем сделался еретиком, — ведь я еще не знал тогда истории Констанцкого собора.

Я читал в эрфуртском монастыре только одну библию; в это время бог чудесным образом, неожиданно для всех, послал мне знамение, что я должен перейти из Эрфурта в Виттенберг, куда я и был переведен.

Я отказался бы от ста тысяч гульденов, чтобы только не видеть Рима; я всегда заботился о том, чтобы не причинить папе неприятности и несправедливости, но мы переедем то, что видели.

Я желал бы только, чтобы каждый будущий священник побывал прежде в Риме и посмотрел, что там происходит. Я слышал в Риме от самих придворных, что так дальше продолжаться не может, — что с этим надо покончить. Трудно сказать и невозможно поверить, до чего там гадко. Если есть ад, то Рим построен на нем. Рим был святым городом и сделался хуже всех.

Я присутствовал в Риме на многих богослужениях; мне становилось даже странно, когда я об этом подумаю. Я чувствовал омерзение, когда они бормотали обедню, будто занимались шутловством. Прежде чем я доходил до евангелия, часто уже кончали много обеден и кричали мне: „прочь, прочь, кончай. Отпусти поскорей обратно к богородице ее сына“... Чем ближе Рим, тем хуже христиане. Кто в первый раз идет в Рим, тот ищет плута, во второй раз он его находит, в третий — приносит его с собой.

Я был призван и присужден сделаться доктором (богословия) против своего желания, только из повиновения, но, приняв докторские обязанности, я поклялся и дал обет над моим драгоценнейшим священным писанием верно и ясно его проповедывать и учить ему. Из-за этого учения папа стал мне поперек дороги и хотел мне его запретить, но оно все еще мозолит ему глаза, и ему будет еще более тошно, если они не смогут от меня отбояриться. Так как я присяжный доктор священного писания, то я рад, что оно дает мне возможность выполнять свою клятву.

(Перевод В. Н. Евстафьева. „Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 106—109).

12. Индульгенция от 1455 г., печатавшаяся на первом станке Гуттенберга, и две формулы прощения грехов.

Индульгенция 1455 г.

Всем, верующим во Христа и видящим эту грамоту, шлет Паулинус Хаппе, советник, посол и генеральный прокурор короля Кипрского, поклон.—Святейший отец во Христе и господе, господин Николай Пятый, божьим промыслом папа, из сострадания к бедствиям, испытываемым Кипрским королевством со стороны неверных врагов креста Христова, турок и сарацин, всем верующим во Христа, где бы они ни были, которые в течение трех лет, начиная с 1-го мая лета господа 1452, приносили для защиты католической веры и вышеупомянутого королевства по совести, в большем или меньшем размере, благочестивые пожертвования из своего имущества прокураторам или назначенным для сего послам,—безвозмездно дарует милость выбирать собственных духовников из среды белого духовенства или монашеских орденов; эти духовники, после принятия исповеди, будут располагать властью (однако, только на один раз), вообще предоставленной лишь апостолу, давая отпущение от грехов за преступления и проступки, как бы велики они ни были, и налагать на грешников спасительное покаяние; далее, они могут освобождать виновных, по их просьбе, от отлучения от церкви, временного исключения, интердикта или иных церковных наказаний, взысканий, штрафов, наложенных на них законом или людьми, назначая им, соответственно роду их вины, спасительное покаяние или то, что им по справедливости может быть определено. После того как они (просящие) принесли искреннее покаяние и испо-

ведались, а неспособные, вследствие потери дара речи, исповедываться,—знаками обнаружили сокрушение души, они (духовники) могут дать полное разрешение от всех их грехов, в которых они исповедались и в которых покалялись, и полное отпущение один раз при жизни и один раз на случай смерти в силу апостолического всемогущества. Свои обязательства они сами должны исполнять, если остаются в живых, или их наследники,—если сами преждевременно умрут; но так, чтобы они после дарованного отпущения грехов в течение года каждую пятницу или в другой какой-нибудь день постились, несмотря на законные препятствия со стороны церкви, обычая, назначенного покаяния, обетов и тому под. Но если в этом году или в продолжение какой-либо части года возникнут серьезные для этого затруднения, то они будут поститься в следующем году или как только получают возможность к этому. Если для них окажется неудобным исполнять обязанности поста в течение одного года или какой-либо части его, то избранный для этой цели духовник располагает властью заменить пост другим деянием любви, которое они затем должны выполнить. Ни в каком случае они не смеют в надежде на это отпущение грешить; иначе названная милостивая грамота о полном отпущении в случае смерти, как и отпущение тех грехов, которые совершены в надежде на это отпущение, утратят значение и силу. И так как смиренный во Христе, Фридрих Шулем, органист в церкви Св. Себальда, в меру папского индальта и своего имуществва, благочестиво сделал свой взнос, то заслуженно и воспользуется этою милостью. В удостоверение сего к настоящему письму привешивается установленная печать. Дано в Нюрнберге в лето господа нашего 1455, в день 24-й месяца марта.

Формула полного прощения и отпущения грехов при жизни.

Да умиласердится над тобою и т. д. Да простит тебя господь наш Иисус Христос по святому и благому милосердию своему. В силу его всемогущества и всемогущества блаженных его апостолов Петра и Павла, а также в силу апостолического всемогущества, на меня перенесенного и к тебе примененного, я освобождаю тебя от грехов твоих, в которых ты покалялся, исповедался и которые забыты тобою, а также от всех разрешаемых апостолическим престолом случаев прегрешения, преступлений, проступков, как бы велики они ни были, и в равной мере от всех церковных осуждений, взысканий и наказаний отлуче-

нием, временным исключением, интердиктом, если ты попал под их действие и если они наложены на тебя законом или людьми; и даю тебе полное прощение и отпущение всех твоих грехов, доколе простирается власть ключей святой матери-церкви. Во имя отца и сына и святого духа Аминь.

Формула полного отпущения грехов на случай смерти.

Да умиласердится над тобою и т. д. Да простит тебя господь и т. д. (как в первой формуле). Освобождаю тебя от всех грехов твоих, в которых ты покался, исповедался и которые забыты тобою, и тем снова приобщаю тебя к обществу верующих и святым таинствам церкви. Освобождаю тебя от наказаний чистилища, в которое ты попал по вине и проступкам твоим, и даю тебе полное отпущение от грехов твоих, доколе простирается власть ключей святой матери-церкви. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Иоганнес фон-Идштейн, доктор святой теологии, уполномочивается на исполнение вышеупомянутого.

Андреас в Клунзене, нотариус, подписал сие.

(Перевод под ред. Н. И. Кареева и С. Г. Лозинского. Из „Всемирной истории“ Пфлуг-Гартунга. Спб. 1912 г. Т. I. Прил. к стр. 521).

13. Из положений Тецеля 1517 г. ¹.

Красный отпустительный крест с папским гербом, поставленный в церкви, имеет такую же силу, как и крест Христов.

Далее, если бы св. Петр был теперь здесь, то он не имел бы большей благодати и власти, чем та, какую имеет папа.

Далее, он (папа) не хотел бы поменяться со св. Петром своим местом на небе, т. к. он отпущениями спас больше душ, чем св. Петр своею проповедью.

Далее, кто положит в ящик деньги ради чьей-либо души в чистилище, то как только пфенниг упадет на дно и зазвенит, душа сейчас же полетит на небо.

¹ Доминиканский монах Тецель, производивший, в сопровождении агентов банковского дома Фуггеров, в 1516 г. торговлю индульгенциями. Наглый цинизм его проповедей, убеждавших верующих покупать отпущение грехов, возмутил Лютера, выступившего с протестом, изложенным в виде 95 тезисов.

Далее, благодать отпущения и есть та именно благодать, которая примиряет человека с богом.

Далее, нет нужды в раскаянии, сокрушении или эпитимии за грехи, если будет куплено отпущение или отпустительная грамота, хотя бы даже и за будущие грехи.

(Перевод В. Н. Естафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 110).

14. Из „95 тезисов“ Лютера, 31 октября 1517 г.¹

„Диспут для выяснения силы отпущений. Из любви к истине и из стремления вывести ее на свет божий, будет в Виттенберге обсуждаться нижеследующее, под руководством достопочтенного отца Мартина Лютера. Лица, не имеющие возможности вступить с нами в диспут лично, могут сделать это письменно. Во имя господа нашего Иисуса Христа. Аминь“.

Важнейшие из тезисов гласят.

1. Господь наш и учитель, говоря: покайтесь, желал, чтобы земная жизнь верующих в него была постоянным покаянием.

2. Под этим словом никак нельзя подразумевать таинство покаяния, т.-е. исповедь и разрешение грехов, производимые священником.—5. Папа не может освобождать от наказаний, за исключением тех, которые налагает по своему усмотрению или согласно с церковным канонам, т.-е. с папскими же постановлениями.—21. Ошибаются проповедники индульгенций, говоря, что через папское отпущение человек освобождается от всякого наказания.—27. Вздор проповедуют те, которые говорят, что как только грош зазвенит в ящичке, душа тотчас же уходит из чистилища.—32. Будут осуждены навеки, вместе со своими учителями, те, которые уверены, что, благодаря отпустительным грамотам, могут быть спокойны за свое спасение.—35. Учат не по-христиански те, которые утверждают, что желающие освободить души из чистилища не нуждаются ни в каком раскаянии, ни в сокрушении сердца.—36. Всякий христианин, действительно кающийся и сокрушающийся о грехах, получает полное избавление от наказаний без всякой отпустительной грамоты.—43. Должно внушить христиа-

¹ Эти тезисы—ответ на проповеди Тецеля, знаменующий начало разрыва Лютера с папством. Они были прибиты на стене часовни в Виттенберге.

нам, что тот, кто дает бедным или помогает нуждающимся, лучше делает, чем если бы он покупал отпущение. 50. Должно христиан учить следующему: если бы папа знал о притеснениях, чинимых проповедниками индульгенций, он скорее пожелал бы, чтобы собор св. Петра сгорел до тла, нежели он был бы выстроен из кожи, мяса и костей его паствы — 56. Сокровища церкви, из которых папа раздает отпущение, не поименовываются как следует, и их не знает христианская община. — 62. Настоящее истинное сокровище церкви есть все святое евангелие о власти и милости божиих. — 79. Говорить, что крест с папским гербом, торжественно поставленный, имеет такую же силу, что и крест господень, есть богохульство.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 110 — 112).

15. Из „Жалоб немецкой нации“, поданных Базельскому собору (1431—1449 г.г.) ¹.

В этих жалобах, между прочим, читаем следующее: „1) Папы нисколько не считают себя связанными различными бумагами, договорами, выданными привилегиями и документами, которые были изданы их предшественниками; по просьбе какого-нибудь негодяя, они тотчас же издадут опровержения (ревокации) и отказываются от постановлений предшественника (супензия). 2) Папы не признают никаких выборов (на церковные должности); они раздают епископии, деканатства, приории и аббатства по своему усмотрению даже в тех случаях, когда за это место им уже очень дорого заплачено ². 3) Лучшие немецкие церковные должности достаются всегда итальянским кардиналам и протонотариям. 4) Папская канцелярия столь беззастенчиво распродает кандидатуры (эксспектанции) на должности или церковные доходы, что при этом, конечно, зря теряется много денег и неизбежно возникает огромное количество тяжб. 5) Аннаты становятся все дороже и дороже; в Майнце они стоили сначала 10.000, затем 20.000 и, наконец, дошли до 25.000 дукатов. А что, если вдруг, за один год помрет два епископа? 6) Церковные должности замещаются итальянцами, которые не

¹ Они носят следующее название в оригинале: «Gravania nationis Germanicae».

² По этому поводу К. Каутский остроумно замечает: „Что за наглое нарушение прав товарной торговли“.

владеют местным языком и отличаются дурными нравами. 7) Старые, давно оплаченные индульгенции объявляются недействительными для того, чтобы иметь возможность начать торговлю новыми. 8) Десятинный сбор для борьбы с турками взимается очень исправно, а между тем деньги не идут ни на борьбу с турками, ни на помощь грекам. 9) Всякого рода тяжбы разбираются в Риме, где за деньги сделают решительно все, что угодно“.

(Из книги К. Каутского: „Томас Мор и его утопия“. Птр., 1919 г., стр. 61, прим.).

16. Послание Лютера христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния ¹.

Да помилует и да укрепит господь бог вас, всесветлейший государь, и вас, милостивейшие и любезные господа. Не самонадеянность, не дерзновенность побудили меня, единичного и слабого человека, заговорить с вами. Нужда и притеснения, тяжелым бременем лежащие на всем христианстве, особливо же в Германии, принуждающие не меня только, но и всех людей громко вопить, взывая о помощи, принудили меня и теперь взывать и молить, не воодушевит ли кого-нибудь господь протянуть руку помощи несчастной нации. Много раз соборы пытались вступиться, но всякий раз кучка ловких и коварных людей не только мешала этим попыткам, но и усугубляла зло; злые козни эти я и хочу теперь, с божьей помощью, ярко осветить, дабы всяк узнал их, дабы они впредь не могли ни мешать, ни вредить.

Господь бог даровал нам молодого великодушного витязя ² и этим самым уже возбудил к великим и славным упованиям; не подобает ли и с нашей стороны сделать все возможное, чтоб воспользоваться и настоящим моментом и милостью господней...

Романисты ³ с великой ловкостью соорудили вокруг себя три стены, коим и защищались до сих пор, так что никто не смог их реформировать, и все христианство пришло в ужасное разорение. Во-первых, если им грозили светской властью, они твердили и уверяли, что светская власть не имеет над ними силы, что, наоборот,

¹ Окончено (в монастыре Августинцев) 24-го июня 1520 г.; напечатано 20 августа.

² Разумеется Карл V, только что (1519) избранный императором.

³ Защитники папских притязаний.

духовная власть выше светской. Во-вторых, если их хотели образумить ссылкой на писание, они возражали, что никому, помимо папы, не дано толковать писание. В-третьих: если им грозили собором, они измышляли, что никто, кроме пап, не властен созвать его... Итак, да поможет нам господь и даст он нам одну из тех труб, звуками которых разрушены были стены Иерихона, чтоб развеять эти соломенные и бумажные стены...

Попробуем пойти против первой стены.

Явно выдуманно, что папа, епископы, священники, монахи — „духовного звания“, а князья, господа, ремесленники, земледельцы — „светского“. Все это — хитрая выдумка, сплошная ложь; пусть никто не смущается этим, и вот почему: все христиане, поистине, духовного звания, между ними нет никакой разницы, разве лишь по должности; ибо, как говорит и ап. Павел (к Коринф. 1, 12 и след.), мы все — члены одного тела, но у каждого члена свое отличное дело, которым он служит всем остальным; у всех у нас единое крещение, единое евангелие, единая вера — все мы и одинаково равные христиане, ибо крещение, евангелие, вера — вот что делает нас „духовными“, вот что делает нас христианами... Теперь ясно, по-христиански ли учить и говорить, что светское начальство не властно над духовенством, что оно не может карать его; это все равно, что сказать: рука не должна помочь глазам, хотя бы они и были в плачевном состоянии. Не только не по-христиански, но прямо-таки противоестественно, чтоб один член не помогал другому, не спасал его от гибели. Наоборот, чем благороднее член, тем больше должны ему помогать все остальные. Посему я и утверждаю: раз светская власть установлена господом карать злых и охранять благих, то пусть она свободно исполняет свое назначение во всем христианстве, не взирая на лица (все равно) обратится ли она против папы, епископов, попов, монахов, монахинь или еще кого-либо... Пусть светская власть исполнит дело свое совершенно свободно, нелицемерно... кто виноват, тот и расплачивайся; все же доводы церковного права лишь дерзкие римские измышления...

Итак, первая из этих бумажных стен, полагаю я, низвержена, тем более, что ныне светская власть стала истинным членом христианского тела; у власти этой светские обязанности, но сама она духовного чина; пусть она поэтому свободно делает свое дело между всеми членами христианского тела, карая виновных, принуждая нерадивых, не взирая ни на пап, ни на епископов, ни на попов; пусть они грозят и отлучают сколько им угодно. Неправильно

поэтому, что провинившихся клириков прежде расстригают, а потом лишь передают светскому суду, неправильно потому, что светский меч, по божьему установлению, и раньше властен над ними. Неправильна также свобода телесная и имущественная духовенства, так превозносимая церковным правом; разве миряне не такие же христиане по духу? Почему твое тело, твоя жизнь, добро и честь неприкосновеннее, нежели мои; ведь мы равны в христианстве... Убивают ли священника — вся страна подвергается интердикту; почему же нет интердикта, когда убивают крестьянина? Откуда это великое неравенство между равными христианами? Причина его — человеческие законы, людские измышления...

(Впрочем), грешника, как пишет и св. Григорий ¹, не может спасти указание на всеобщее равенство, ибо вина делает нас подвластными друг другу. Как же они („романисты“) обращаются со всем христианством? Они отнимают свободу собственным дерзновением, нисколько не опираясь на писание, отнимают ее у тех, которых бог и апостолы подчинили светскому мечу, так что можно опасаться, не дело ли это антихриста или его ближайших предшественников...

Третья стена рушится сама собой, раз падут первые две. Ибо всякий раз, когда папа действует вопреки писанию, мы обязаны защищать писание и принудить папу...

Хоть я и не достоин сделать предложения об улучшении всех этих вопиющих порядков, я все-таки продолжу, не мудрствуя, песенку свою и, по мере сил и разума, скажу, что могли и должны бы сделать либо светский меч, либо общий собор.

Во-первых, чтоб в каждой стране князь, дворяне или города прямо бы запретили отдавать аннаты в Рим и совершенно бы порешили с ними. Ибо папа нарушил договор..., поэтому он и право свое потерял и наказанию подлежит. Ведь обязанность защиты невинных и искоренение неправды лежит на светских властях... Вот почему и говорят папе и людям его: „молись (за нас)“; императору и людям его: „защити (нас)“; а простому человеку: „трудись“.

Это не значит, что каждый не должен молиться, охранять, трудиться, ибо всякая деятельность содержится в себе и молитву, и охрану, и труд, но что каждому должна быть присвоена какая-нибудь одна, особо подходящая деятельность...

¹ Армянский патриарх начала IV века.

В-третьих, чтоб издан был императорский закон, впредь не искать в Риме ни епископства, ни всякого другого сана, но чтоб восстановили положение святейшего и славнейшего Никейского собора, предписывающего, что епископ утверждается двумя ближайшими епископами и архиепископом...

В-четвертых, чтоб ни одно светское дело не переносилось бы в Рим, а всецело предоставлялось бы светской власти...

В-двенадцатых, чтоб упразднены были паломничества в Рим и запрещены всякие хождения по собственному суетному и ханжеству, если священник, городские власти или власти вообще не решат, что на то достаточные и веские причины. Говорю это не потому, что хождения сами по себе дело плохое, а потому, что теперь для них не время, ибо в Риме не увидишь теперь добрых примеров, а лишь соблазн, и сами же странники сложили поговорку: „Чем ближе к Риму, тем хуже христиане“... Да и помимо этих обстоятельств, есть еще более важная причина—именно та, что многие простяки смущаются и приходят к нелепому представлению, к полному непониманию божьих законов. Ибо они уверены, что подобное паломничество великое, благое дело, а это—неправда; это дело—не великое, часто вредное, соблазнительное, и бог не повелел его. Зато бог повелел мужу пещись о жене и детях, о всех семейных обязанностях, велел служить и помогать ближнему. Теперь же случается, что богомолец, идущий в Рим, тратит 50—100 гульденов, что ему никто не указывал, оставив дома жену, детей, близких в нужде, и все же мнит он в своем безумии, что такое послушание и пренебрежение к божественным заповедям скрашивается его самовольным хождением по св. местам...

Многими своими пунктами я хотел показать, как много хорошего может сделать светская власть, а также, что надлежит ей сделать, дабы каждый мог уразуметь, как страшно управлять и стоять во главе.

(Перевод Д. Н. Егорова. Из I вып. „Источников по истории реформации“. М. 1906 г.).

17. Из послания Лютера к саксонскому герцогу Иоанну, 1523 г.

О светской власти, в какой мере люди обязаны ей повиновением.

Принуждают меня, светлейший вельможнейший князь и милостивейший государь, печальные обстоятельства и просьбы многих людей, а прежде всего желание ваше,

светлейший князь, писать о светской власти и мече ее: как нужно им пользоваться по-христиански и как далеко должно простираться повиновение ему. Ибо многие смущаются изречением господина (от Матф. 5, 39, 40): „Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет... взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“, а также словами (к Римл. 12, 19): „Мне отмщение, аз воздам, говорит господь“.

Я же надеюсь сказать такое слово государям и всякому светскому началству, что они — останутся христианами, а Христос — владыкой, не превращая притом заповедь Христа в простой совет...

Светская власть — божье установление.

...Если бы весь мир состоял из настоящих христиан, т.-е. из истинно верующих, то не нужно бы ни князей, ни королей, ни господ, ни меча, ни закона. К чему бы все это было, раз во всех сердцах обитал бы св. дух, который научал и наставлял бы никому не причинять зла, всех любить, ото всех охотно и радостно претерпевать хотя бы самую смерть... „Закон положен не для праведника, но для беззаконных“, как говорит ап. Павел (к Тим: 1, 1, 9)... Но так как далеко не все — верующие, так как лишь незначительная часть ведет себя по-христиански, не противясь злу, а также и для того, чтобы это меньшинство само не причинило бы зла, бог, кроме христианского чина и божьего царства, установил еще и другой строй, подверг всех власти меча, дабы (беззаконники) при всем желании не могли бы исполнить злой умысел свой... Не будь этого, то в виду всеобщей распространенности зла — между тысячею едва ли один истинный христианин — один пожирал бы другого и никто не мог бы обзавестись женою или детьми, не мог бы мирно трудиться и служить господину; мир превратился бы в пустыню.

Поэтому бог и установил два порядка: духовный строй, создающий милостью Христа и св. духа христиан и благочестивых людей, и строй светский, охраняющий от нехристиан и дурных людей, дабы они подчинились и смирились, хотя бы и против воли... И вот если бы кто захотел править в мире сем по-евангельски, упразднить всякий светский закон и светский меч под предлогом, что все — де крещенные, все христиане..., то, что бы он, угадай, натворил? Он снял бы путы и цепи с диких бестий, чтобы они растерзали и перегрызли всех, в то же время

уверяя, будто это — ручная безобидная животинка; но я бы почувствовал (истину) по ранам своим ..

Таким (людям) нужно сказать: конечно, правда, что христиане сами по себе не нуждаются ни в законах, ни в мече и не подвластны им; но прежде постарайся, чтобы весь свет наполнился христианами, а потом уж и управляй по-христиански, по-евангельски. Но это тебе не удастся; ибо свет и большинство людей есть и будет не-христианами, хотя бы все они и были крещены и назывались христианами. Настоящие же христиане живут друг от друга, что называется, — не рукой подать. Невозможно поэтому, чтоб христианский строй распространился на всех без исключения, или на целую страну, или на большое число людей.

... Оба порядка нужно, поэтому, строго различать, но оба порядка нужно сохранить... Ибо там, где правят лишь светский порядок и светский закон, должно быть сплошное лицемерие..., ведь не имеющий истины в сердце своем — не спасется, хотя б дела его и были крайне благонамеренными. В стране же, с исключительно духовным правлением, со злодея снимается всякая узда... Цени поэтому меч и светскую власть не менее супружества, земледелия, ремесла и прочих установлений господа бога; если господу можно угодить в супружестве, землепашестве, ремесле..., так можно угодить ему и в (применении) власти...

Как далеко простирается светская власть.

Перейдем к главному пункту нашей речи. Показав, что в мире сем светская власть необходима, показав, как ею нужно пользоваться по-христиански, по-евангельски, нам теперь надлежит указать, как далеко может простиаться рука ее, дабы она простерлась не слишком далеко — в царство господне, не вмешалась бы в правление его. Знать это крайне необходимо; ибо последствия слишком широкого простора — неисправимы и ужасны, слишком же большое стеснение ее действий не менее вредно.

Прежде всего нужно помнить, что обе части Адамова потомства — сыны божьи — глава их Христос; сыны человеческие — во главе их власти имеют свой отличный закон; ибо всякое царство должно иметь свои законы, без законов немислимо ни царство, ни управление, как это в достаточной мере показывает ежедневный опыт. Светский строй имеет свои законы, распространяющиеся лишь на тело и добро наше, на все материальное. Над душой же бог

не позволяет властвовать никому, кроме него самого. Поэтому, раз светская власть дерзнет диктовать душам законы, она грубо вмешивается в управление господа, соблазняет и убивает души. Это мы сделаем очевидным до осязательности, так что даже наши дворянчики, наши князья и епископы должны будут понять, как безнадежно глупо с их стороны законами и указами заставлять подданных верить так, а не иначе.

Смешно сказать: „король, князь, или большинство веруют так-то“. Да ведь мы, милейший, крещены не во имя короля, князя или большинства, а во имя Христа и самого бога; не королями, не князьями или большинством нас называют, а зовемся мы — христианами. Душе никто не может и не должен повелевать, разве что он сумел бы указать путь ко спасению, но это не может человек, а лишь бог...

Как государь должен пользоваться властью своею.

Кто хочет быть христианским государем, тот должен поистине оставить мнение, что ему надлежит управлять, и действовать (лишь) силой. Ибо прокляты дела все, источник которых не любовь: к делам же любви причисляются лишь те, которые совершаются от всего сердца и не для собственного успеха, пользы, чести, удобства, славы, а для пользы, чести и славы других.

Князь должен поступать по примеру Соломона (III Царств. 3, 9), со страхом божьим, не надеясь ни на мертвые книги, ни на людские головы, а лишь на бога, прося и умоляя его о правильном разумении, которое превыше всякой книжной и цеховой мудрости, дабы мудро управлять народом. Не могу и я поэтому предписать какие-либо законы князьям, хочу лишь поучать сердца их, указать, как они должны мыслить, на что должны обращать внимание во всех законоположениях, советах, решениях и делах.

Во-первых, князь должен иметь в виду подданных своих и с этим соотносить намерения свои. Может же он это сделать тогда, когда все его помыслы будут направлены на пользу и служение подданных. Не должен он думать: „страна и люди — мои, как захочу, так и сделаю“; но: „я принадлежу стране и людям, я должен действовать им на пользу и преуспевание; я не должен стремиться вознестись высоко и властвовать, а (должен стремиться) к тому, чтобы они охранялись и защищались миром добрых. Не свою (выгоду), а (пользу) подданных буду я искать, и долж-

ностью своей послужу я им". Да откажется князь в сердце своем от сладости власти, да обратится он к нуждам подданных своих, действуя так, как будто бы то были его собственные нужды. Так относился Христос к нам, это и есть дела христианской любви.

Во-вторых, князь должен смотреть за важными вельможами и советниками своими; пусть он никого не обижает недоверием, но пусть и никому не доверяет настолько, чтоб предоставить ему все дела. Пусть князь доверяет магнатам своим, пусть он им дает действовать, но так, чтоб узда была в его руке, чтоб он сам не почивал в надежде на них, но всюду приглядывался и к управлению и к суду; тогда он сам увидит, что нельзя никому доверять. Ведь не можешь же ты полагать, что кто-либо посторонний постарается для тебя и страны твоей так, как ты сам, разве лишь мудрец и добрый христианин; обычный же человек не сделает этого.

В-третьих, если ты, наконец, спросишь: „Неужели князь не должен воевать, неужели подданные не должны следовать за ним на войну?“ Ответ. Это — обширный вопрос; но, чтоб поступали по-христиански и в этом деле, я вкратце отвечу: не должен князь идти войной на сюзерена своего, будь то король, или император, или еще кто; но пусть тот берет то, что захочет. Ибо начальству не должно противиться силой, а лишь сознанием правоты своей, и если оно обратит на это внимание — хорошо, а если нет — то ты невинен и терпишь напраслину ради господи.

Если же твой противник равен тебе или ниже тебя или подвластен другому начальству, то ты сперва обязан ему предложить мир и соглашение, как учил Моисей детей Израиля. Если он не захочет, тогда уже ты сам о себе думай, и силой обороняйся против силы. Но и тут ты не должен иметь в виду лишь себя и державу свою, а подданных своих, которых ты обязан охранять, которым должен ты помогать. В таком случае подданные обязаны следовать за тобой, жертвовать и жизнью и добром своим, ибо тут каждый должен рисковать и собой и имуществом ради другого. При такой войне дело христианское, дело любви — безбоязно избивать, грабить, жечь врага (и все вражеское), делать все, что вредит врагу, остерегаясь лишь греха, не насилуя женщин и девиц.

„А что если князь неправ; обязан ли его народ следовать за ним?“ Ответ. Нет, ибо против истины не идут; богу подобает более повиноваться, нежели человеку. „Ну, а если подданные не знают, прав ли он, или нет?“ Ответ:

раз они не знают этого и собственными силами не могут узнать, то пусть они следуют за ним, не боясь греха.

(Перевод Д. Н. Егорова. Из I вып. „Источников по истории реформации“).

18. Из памфлета Лютера „Против разбойных и грабительских шаек крестьян“, 1525 г.

Три рода ужасных грехов против бога и людей навлекают на себя эти крестьяне; поэтому они заслужили много раз смерть, и телесную и душевную.

Во-первых, они клялись своим господам в верности и преданности, быть покорными и послушными, как повелевает бог, говоря: „дайте кесарево кесарю“; и (Римл. 13) 1) „каждый да повинуется власти“. Но так как они своевольно и дерзко нарушают это повиновение, к тому же восстают против своих господ, то они навлекли казнь на тело и душу, поступая как неверные, клятвопреступные, лживые, непокорные негодяи и злодеи. Поэтому и св. Павел (Римл. 13, 2) высказывает о них такое суждение: „противящийся власти навлекает на себя кару“. Это изречение осуществится, наконец, рано или поздно, на крестьянах, ибо бог ценит преданность и верность.

Во-вторых, так как они поднимают мятеж, дерзко расхищают и грабят монастыри и замки, которые им не принадлежат, то уже за это одно они дважды повинны смерти телесной и душевной, как общественные придорожные грабители и убийцы. Всякий мятежник, которого в этом могут уличить, находится уже в опале божией и императорской, так что всякий, кто раньше других сможет такого человека удавить, сделает справедливо и хорошо. Ибо по отношению к общественному мятежнику каждый является высшим судьей и палачом, подобно тому как при пожаре всякий, кто прежде всех тушит, наилучший человек. Ибо мятеж — не простое убийство, но подобен большому пожару, который воспламеняет и опустошает страну, потому что мятеж наполняет страну убийством, кровопролитием, создает вдов и сирот и приводит все в расстройство, как величайшее бедствие. Поэтому всякий, кто может, должен их (крестьян) бить, душить, колоть, тайно или явно, и помнить, что не может быть ничего ядовитее, вреднее, ничего более дьявольского, чем мятежник. Его надо убивать, как бешеную собаку; если ты его не убьешь, то он убьет тебя и вместе с тобою целую страну.

В-третьих, подлежат смерти за то, что такие ужасные, великие грехи прикрывают евангелием, называют себя братьями во Христе, принимают присягу и (выражение) преданности и принуждают людей вместе с ними поддерживать эти ужасы. За то, что они величайшие богохульники и поносители святого имени божия, и за то, что чтят дьявола и служат ему под видом евангелия, они десять раз заслуживают смерть телесную и душевную, ибо я не слышал о более отвратительном грехе. Обрати внимание на то, что дьявол предчувствует близость страшного суда, так как он берется прямо за неслыханное дело. Он будто бы хочет сказать: это — последнее, потому должно быть наилучшим, надо взболтать осадок и выломить дно. Да воспрепятствует ему бог. Посмотри, какой могущественный князь — дьявол, как он держит в своих руках мир и как все может перемешать, если он в состоянии в такое короткое время обольстить, соблазнить, ослепить, ожесточить, взбунтовать столько тысяч крестьян и сделать с ними все, что замыслит его неистовствующая ярость.

(Перевод В. Н. Евстафьева. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 162—164).

19. „Двенадцать статей“.

Основательные и справедливые главные статьи всего крестьянства и зависимых людей духовных властей, которыми они себя считают отягощенными.

„Двенадцать статей“ — представляют собой программу, принятую всем восставшим в Германии крестьянством.

М. квадрат СССР и двойное Х.

У. когда пройдут, погибнет христианская секта.

М. четыре С., кроме того два и двойное Х.

Если сюда приписать еще У, то останется не так много христианских сект.

Нехристи. Плод нового евангелия. Есть много нехристов, которые теперь в крестьянских сборищах находят случай подвергнуть поношению евангелие и говорят: „Это — плод нового евангелия. Никого не слушаться, во всех местах подымать восстание, чиня насилие, сбегаться толпами и собираться в отряды, реформировать, колебать, может быть даже избивать духовные и светские власти“.

Ответ статей. Оправдание статей. Всем этим безбожным хулителям отвечают написанные ниже статьи. Они, во-первых, снимают со слова божьего этот

позор, во-вторых, дают христианское оправдание непослушанию и даже восстанию всех крестьян.

Римл., I. Исаия, 40. Римл., 8. Исход, 3. Лука, 18. Во-первых, евангелие не есть причина восстаний и бунтов, потому что оно есть речь об обещанном мессии, которого слово и жизнь учат только любви, миру, терпению, единству, так что все верующие в этого Христа становятся полны любви, мира, терпения, единства. И раз существо всех крестьянских статей (как ясно видно дальше) направлено к тому, чтобы принимать евангелию и жить согласно с ним, то как же могут нехристи называть евангелие причиною восстания и ослушания? А что некоторые нехристи и враги евангелия восстают против такого увещания и желания, тому причиною не евангелие, а дьявол, который есть вреднейший враг евангелия и через неверие пробуждает в своих такое настроение, чтобы подавить и устранить слово божье, которое учит любви, миру и единству. Во-вторых, следует ясно, что крестьяне, в своих статьях желающие себе такого евангелия для учения и жизни, не могут называться услушниками и бунтовщиками. Но если бог пожелает услышать крестьян (робко стремящихся жить по его слову), кто осмелится порицать божью волю, кто вступится в его суд, кто решится противостать его величию? Если он услышал вопль детей Израиля и освободил их от руки фараона, то не может ли он и сегодня спасти своих. Да, он спасет, и скоро. Поэтому, читатель-христианин, прочти со вниманием следующие ниже статьи и тогда суди.

Теперь следуют статьи:

Первая статья.

1 Тим, 3. Тит., 1. Деян., 14. Второз., 17. Исх., 31. Второз., 10. Иоанн., 6. Гал., 1. Во-первых, наше смиренное прошение и желание, наша общая воля и мнение—иметь впредь право и силу всею общиною выбирать себе священника и смещать его, когда он неподобно ведет себя. Этот выборный священник должен проповедывать нам св. евангелие, чистое и ясное, без всякого человеческого добавления, учения и закона, но только должен постоянно проповедывать нам истинную веру. Ибо мы должны просить бога о милости, чтобы он образовывал и утверждал в нас эту истинную веру. Ведь если в нас не будет насаждена его благодать, то мы останемся всегда плотью и кровью, в чем нет никакой пользы, как это ясно стоит в писании, что мы можем прийти к богу только через истинную веру

и можем спастись только через его милосердие. Потому нам такой настоятель и священник необходим и в этом виде согласен с писанием.

Вторая статья.

Как говорят все посл. к евр. Пс. 109. Быт., 14. Второз., 18, 12. Второз., 25. 1 Тим., 5. Во-вторых, хотя справедливая десятина ¹ установлена в ветхом завете и в этом завете исполнилась (потеряла силу), тем не менее мы охотно готовы давать справедливую зерновую десятину. Но так как ее надлежит давать богу и сообщать его людям, то она подобает священнику, как ясно возвещает слово божие.

Матф., 10. 1 Кор., 9. Христианск. предложение: Лук., 6. Матф., 5. Ни у кого ничего не надо брать. Впредь мы желаем, чтобы эту десятину собирал церковный староста, которого поставит община, и из собранного давал достаточное содержание священнику, избранному всею общиною, ему и его близким по приговору общины. А что останется лишку, нужно отдать бедным, что окажутся в этой деревне, по обстоятельствам дела и по приговору общины. Что останется сверх того, нужно беречь. Когда приходится нести конную службу по нужде страны, то нужно расходовать из этого остатка, чтобы не налагать на бедного человека никакой подати. А если бы оказалось, что одна или несколько деревень по какой-нибудь нужде продали десятину, то могущий показать, как он получил десятину от целой деревни, не должен лишиться ее без вознаграждения. Напротив, мы ходим подобающим образом войти с ним в соглашение по обстоятельствам дела, чтобы выкупить у него десятину в подобающий срок. Но если кто ни у какой деревни не купил десятины и его предки сами себе ее присвоили, то мы не хотим и не должны впредь давать ничего, но, как сказано выше, должны содержать своего выборного священника, а потом выкупить или раздавать нуждающимся, как учит св. писание, будут ли то клирики или миряне. Малой десятины ² мы не хотим давать вовсе, потому что господь бог создал скот для человека свободным. И ее мы считаем неподобающею, придуманною людьми десятиною и потому не хотим больше давать ее.

¹ Канонич. право в своем учении о десятине опиралось на постановление Второзакония. Поэтому крестьяне и считали ее утратившею силу.

² Под малой десятиной разумеется уплата церкви известной части приплода от скота.

Третья статья.

Исаия, 53. 1 Петр., 1. 1 Кор., 7. Римл., 13. Премудр., 6. 1 Петр., 2. Второз., 6. Матф., 4. Лук., 4. Христианск. предложение. В-третьих, до сих пор было в обычае, что нас считали вашими собственными людьми, над чем надо сжалиться, принимая во внимание, что Христос пролитием своей драгоценной крови освободил и искупил нас всех, как пастуха, так и самого высокого, не исключая никого. Потому соответствует писанию, чтобы мы были и хотели быть свободны. Не то, чтобы мы хотели быть безусловно свободными, не желали иметь никакой власти. Этому нас бог не учит. Мы должны жить по заповедям, а не по свободному плотскому своеволию, мы обязаны любить бога и познавать его как своего господа в своих ближних. И всего того мы очень хотим, что нам бог на прощанье заповедал на тайной вечери. Потому мы должны жить по его заповеди. Не указывает ли нам этот завет, чтобы мы были послушны власти, и не только власти, но чтобы мы смирились перед всеми и чтобы мы соответственно во всех подобающих и христианских делах с готовностью оказывали повиновение своим выборным и поставленным от бога властям. Мы также не сомневаемся, что вы, как истинные и подлинные христиане, с готовностью отпустите нас из крепости или же докажете нам по евангелию, чтобы мы были крепостными.

Четвертая статья.

Быт., 1. Деян., 10. 1 Тим., 4. 1 Кор., 10. Кол., 2. Христианск. предложение. В-четвертых, до сих пор было в обычае, что никакой бедный человек не был в праве ловить дичь, птицу или (рыбу) в текучей воде. Это кажется нам совсем неподобающим и не братским, а своекорыстным и несоответственным слову божью. Также в некоторых местностях власть хочет иметь дичь нам во зло и в большой вред, а мы должны сносить, чтобы неразумные звери бесполезно пожирали наше достояние, чему бог предоставил расти на пользу человеку, и сверх того молчать, что есть против бога и против ближнего. Когда господь бог сотворил человека, он дал ему власть над всеми зверями, над птицею в воздухе и над рыбою в воде. Потому наше желание в том, что если кто имеет воду, для которой он может доказать достаточными письменными документами, что воду купили без умысла, то мы и не

желаем брать ее у него силою, но тут во имя братской любви нужно бы войти в христианское соображение. Но кто не может представить достаточного доказательства, тот должен подобающим образом предоставить пользование общине.

Пятая статья.

Как указано выше в 1 гл. 1 книги Моисея. Отсюда не случится уничтожения лесов, если принять во внимание распоряжения. В-пятых, отягощены мы и с лесом. Ибо наши господа присвоили исключительно себе все леса. И когда бедный человек в чем-нибудь нуждается, то должен покупать за двойные деньги. Вот наше мнение: леса, освоенные, но не купленные мирянами или клириками, должны снова попасть в руки целой общины и подобающим образом оставаться свободными.

Христианск. предложение, чтобы каждый по нужде мог брать себе безвозмездно в дом для топлива, а также когда понадобится плотничать, с ведома выбранных на то общиною людей. А если не окажется леса, кроме купленного честным образом, то следует войти с собственником в братское и христианское соглашение. Если же имение с самого начала находилось у них самих в собственности и потом было продано, то нужно войти в соглашение по обстоятельствам дела, во имя братской любви и св. писания.

Шестая статья.

Римл., 10. В-шестых, мы терпим большое отягощение от служб, которые растут со дня на день. Мы желаем, чтобы нам в этом оказали подобающее внимание и не отягощали нас так сильно, но обращались с нами милостиво, как служили наши родители, однако по смыслу слова божьего.

Седьмая статья.

Лук., 3. Сол., 6. В-седьмых, впредь мы не хотим позволять господину отягощать нас дальше, но как господин подобающим образом сдает крестьянину (землю), так последний и должен владеть ею, на основании соглашения господина с крестьянами. Господин не должен принуждать его дальше, желать от него иных даровых служб, так, чтобы крестьянин мог спокойно и без отягощения пользоваться таким имением. Однако, если господину необходимо потребуется служба, то крестьянин должен более

других быть для него в готовности и послушании, но в такой час и в такое время, от которого бы крестьянину не было бы ущерба, и работать на господина за подобающую денежную плату.

Восьмая статья.

Матф., 10. В-восьмых, мы, многие из тех, у кого есть имения, отягощены тем, что эти самые имения не могут выносить ценза ¹ и что на такой земле крестьяне теряют и губят свое собственное достояние. Пусть господа велят осмотреть эти самые имения почтенным людям и установить ценз по справедливости, так чтобы крестьянин не делал своей работы даром, ибо каждый работник достоин своей платы.

Девятая статья.

Исаия, 10, Ефес., 6, Лук., 3, Иер., 26. В-девярых, мы отягощены большими штрафами, поскольку постоянно вводят новые постановления и наказывают нас не смотря по делу, а иногда из большой зависти, иногда из большой милости. Наше мнение в том, чтобы нас наказывали старым записанным наказанием, по которому разбирается дело, а не по произволу.

Десятая статья.

Как выше. Лук., 6. В-десярых, мы отягощены тем, что некоторые присвоили себе принадлежащие общине луга и пашни. Эти земли мы хотим снова взять в свои собственные руки. Ибо нужно, чтобы это было куплено честно. Если же это куплено нечестно, то нужно войти в братское соглашение, по обстоятельствам дела.

Одиннадцатая статья.

Второз., 18, Матф., 8, Матф., 23, Исаия, 10. В-одиннадцатых, обычай, называемый посмертным побором ², мы хотим отменить совершенно. Мы никогда не потерпим и не позволим, чтобы против божьей чести и правды у вдов и сирот отнимали их достояние так постыдно, как это происходило во многих местах и во многих видах. И те, которые должны бы были защищать и охранять нас, обдирали и обчищали нас. И если бы они имели немного больше

¹ Ценз — арендная плата, состоявшая в ежегодной уплате натуральных и денежных платежей, размер которых фиксировался обычаем.

² Т.-е. право господина на присвоение некоторой части имущества, оставшегося после смерти крепостного.

свободы, они отняли бы все. Этого бог больше не потерпит, это должно быть устранено совершенно. Никто впредь не должен (в этом случае) давать ничего, ни много ни мало.

Заключение.

Так как все статьи заключены в слово божьем, христианское предложение. В двенадцатых, вот наше решение и окончательное мнение. Если здесь поставлены одна статья или больше статей, не согласных со словом божьим, чего мы не думаем, и нам укажут их несоответствие слову божьему, то мы отступимся от них, если нам объянят это на основании писания. Если даже нам теперь признают некоторые статьи, а после окажется, что они были неправильны, то пусть они сейчас же станут мертвы и устранены, пусть не имеют больше силы. Точно также, если в писании окажутся достоверно еще статьи, которые идут против бога и отягощают ближнего, то мы твердо хотим воздержаться от них и будем пользоваться христианским учением. Потому мы просим господа бога, который может нам дать это, а больше никто. Мир Христов да будет со всеми нами.

(Перевод А. Н. Савина. Из I вып. „Источников по истории реформации“).

20. Гейльбронская программа. — Какого вида устройство и реформацию нужно установить на пользу и благо всех братьев-христиан ¹.

Во-первых, чтобы все посвященные ², как бог повелел и заповедал им в 28 гл. Матфея, были реформированы и получали содержание согласно с подобающею нуждою, не взирая на их рождение и происхождение, высокий или низкий чин и корень ³.

К этой статье четыре декларации. Первая касается важных господ, как епископ, пропет, декан, каноники и тому подобные.

¹ Эта программа выражала по преимуществу интересы слоев населения, тесно связанных с развитием торгового капитала. См. об этом в I части книги.

² „Посвященные“ — все духовенство.

³ В смысле родословном надо иметь в виду, что высшие духовные должности фактически сделались почти исключительным, иногда наследственным достоянием богатых дворянских семей.

Также чтобы все монашествующие, как иноки, инокини, нолльгарды, тевтонские рыцари и другие тому подобные, которые с очевидностью опознаны, как хищные волки в духовной личине, были реформированы согласно велению божьему, как написано в Бытии и в 19 гл. Матфея.

Также чтобы каждая община достала себе хороших пастырей, которые бы старались пасти своих овец только словом божьим, основанным на писании; чтобы община могла ставить и смещать их.

Также чтобы все священники и избранные лица на службе божьей показывали образец людям так, как делал наш спаситель Христос. Они должны получать и сообразное с этим честное содержание. А остаток нужно тратить на бедных, нуждающихся людей и на общую пользу.

Во-вторых, должны быть реформированы все светские князья, графы, господа ¹ рыцари и дворяне, чтобы бедный человек не был отягощен ими так сильно свыше христианской свободы.

К этой статье тоже четыре декларации. Во-первых, чтобы низким против князей и господ, бедным против богатых оказывалось равное, скорое и действительное правосудие.

Также чтобы все имеющие лен от священной империи и ее членов, начиная от князей и кончая дворянами, получали честное содержание, каждый сообразно своему рождению. Зато они должны верно предстоять священной римской империи, должны охранять послушных и благочестивых, вдов и сирот, наказывать непослушных и злых.

Также чтобы все ленники честно служили римскому императору, как указано в писании, или другим своим ленным господам, как светским князьям империи, для христианского мира и умножения империи; чтобы они без дальнейшего отягощения охраняли бедных подданных; чтобы они во всяком споре оказывали помощь и совет в целях правосудия, так чтобы никто не жаловался на отсутствие правосудия.

Также чтобы все князья, графы, рыцари, дворяне, слуги ², все равно, получили ли они от империи и имперских князей или нет, должны вести себя по-божески, по-братски, по-христиански, честно, чтобы никто не терпел от них несправедливых отягощений. Они должны также по-сильно и верно охранять и защищать слово и право божье

¹ Здесь разумеется особый слой так наз. имнерского или „вышего дворянства“, имевшего право участвовать в рейхстаге.

² Слуги или кнехты — низший слой дворянства.

от всякого насилия, чтобы оно не уничтожалось силою, как это случалось до сих пор.

В-третьих, в священной империи все города, коммуны и общины, не исключая никого, должны быть реформированы и утверждены по божескому и естественному праву, согласно с христианской свободой.

Также чтобы против этого никто не вводил ни старой ни новой человеческой выдумки, для того, чтобы было подавлено своекорыстие, чтобы бедному помогали так же, как богатому, и чтобы поддерживалось братское единение.

Также чтобы можно было выкупить всякий пенз с земли, считая по 20 пфеннигов за 1 пфенниг ¹.

Также чтобы у купцов было безопасное передвижение и чтобы был установлен порядок, как они должны продавать каждый товар, которого бы и держались при торговле, чтобы преуспевала и множилась общая польза.

В-четвертых, никаких докторов, духовных и светских, нельзя допускать ни заседать, ни говорить, ни давать советы, ни действовать в каком бы то ни было княжеском совете и в каком бы то ни было суде, но их нужно устраниť совершенно, так чтобы они от человеческих законов обратились к божескому писанию и в качестве лиц искусных были призваны проповедывать; ибо от их уверток разоряется много народа.

Декларация к этой четвертой статье. А чтобы тем не менее императорское право ² оставалось не подавленным, пусть в каждой высшей школе, в каждом университете, допущенном в империи, содержатся три доктора императорского права; и когда у них будут искать совета князя или какой-нибудь суд, то пусть вместе в месячный срок сообщат верный совет, опирающийся на право, так чтобы каждому помогали возможно скорым правосудием.

Также, так как доктора суть не наследственные служители права, но наемные холопы, которые из своекорыстия устраивают проволочки и медленно дают советы и служат, то ни в каком суде они не должны заседать, постановлять или произносить приговор.

Также, так как ясно как день, что через своекорыстие докторов обе стороны часто терпят проволочку лет 10 или даже больше, то докторов нужно звать пасынками, а не законными наследниками права. Потому никого из них нельзя допускать ни в какой суд.

¹ Это значит, что при выкупе уплачивают двадцатую сумму ежегодного пенза, т. е. пенз капитализируется из 5%.

² Под императорским правом разумеется римское право, а под докторами — доктора римского права.

Также, если однако какой господин или город пожелает иметь одного или больше докторов, то не должен назначать их ни в какой совет, но только употреблять их при совещании. В этом у дающих совет есть милость, разум и мудрость. Но за советом остается право умножать, уменьшать и оставлять в силе выслушанное мнение, ибо бог обещал каждому справедливому человеку (способность) учить и познавать справедливость.

В-пятых, хорошо бы было, чтобы никакой посвященный, будь он высокого или низкого чина, не принимался в совет империи или другого светского князя, господина или коммуны, ибо это им запрещено, как ясно видно в писании.

Причина та, что через светскую мудрость и жизнь они затемняются в духе божьем, становятся ленивы и пренебрегают службою божьею. А больше всего надо опасаться, что их обольстят светские почести, так что они потеряют божью благодать, если только она была у них.

Также чтобы никого из посвященных и помазанных не назначали ни на какую светскую должность, ибо светское честолюбие, как это вполне ясно, мешает им при службе божьей.

Также чтобы никого из посвященных и помазанных не привлекали и не брали ни в какой совет и суд и ни к какому светскому делу; ибо через это они становятся господами, а миряне высокого и низкого чина их слугами. Также дворяне и не-дворяне высосаны монахами и стали гостями на своем собственном имении, которому справедливее было бы переходить по наследству к нам самим, нежели к монахам.

Также еп. майнцский ¹ после последнего рождества богородицы со всеми принадлежащими к архиепископству майнцскому суффраганами ² и епископами, которых 12, имел в Ашаффенбурге собрание своих и других папистов и докторов и держал совет. На то совещание не был приглашен ни один мирянин. Между тем во всех светских совещаниях духовные были самыми знатными и важными лицами. Оттого через их хитрость и склонность к обману если не все, то многие были обольщены и доведены до гибели тела, души и имения. Ибо что нам грех, то им было право. И что им не право и запрещено, как, например, брать жен, то нам было право.

¹ Здесь разумеется архиеп. Альбрехт Гогенцоллерн.

² Суффраганы — всякие клирики, которые должны были помогать своему начальнику. Чаще всего это название прилагалось к епископам, входящим в состав архиепископства.

В-шестых, хорошо было бы, чтобы в империи было устранено все светское право, которое употреблялось до сих пор, и утверждено было божественное и естественное право, как замечено выше и ниже, чтобы бедный имел столько же доступа к праву, сколько самый главный или самый богатый.

Пусть императорский каммергерихт в священной империи немецкого народа состоит из 16 храбрых, безупречной славы людей—именно: 2 от князей, 2 от графов и господ, 2 от рыцарства, 3 от имперских городов, 3 от княжеских городов, 4 от всех коммун в империи. Они должны будут выбрать себе (в председатели) имперского каммергерихтера из графов или господ. И из числа 16 лиц истец и ответчик должны выбирать себе ходатая и советника по своему делу. Взятые в каммергерихт лица до этого должны по крайней мере 9 лет заседать и действовать в суде.

Под каммергерихтом должно почитать за благо установить в империи 4 гофгерихта, из которых каждый должен состоять также из 16 лиц—именно: от князей, графов и господ 3, от рыцарей и слуг 3, от имперских городов 3, от княжеских городов 3, от всех коммун и общин в империи 4. Они также должны все вместе выбрать одного господина в свои гофгерихтеры. Из этих 16 стороны указанным выше образом должны брать себе ходатая и советника. Такие лица должны быть почтенны и до этого заседать в совете и суде.

Также под 4 гофгерихтами должны быть 16 ландгерихтов. Каждые 4 должны быть подчинены одному гофгерихту и каждый должен состоять из 16 лиц—именно: 4 от князей, графов и господ, 4 от рыцарей и слуг, 4 от всех городов и 4 от всех коммун. Каждый ландгерихт должен поставить и избрать себе в рихтеры человека рыцарского звания. Они должны поступать указанным выше образом.

Также под 16 ландгерихтами должны быть 64 фрейгерихта. Каждые 4 должны быть подчинены одному ландгерихту, и каждый должен состоять из 16 лиц—именно: 4 от имперских городов, 4 от дворянства, 4 от княжеских городов и 4 от всех коммун. Каждый фрейгерихт должен выбрать одного из дворян во фрейгерихтеры и поступать указанным выше образом, однако без ущерба для городского суда и деревенских общин.

Также от городских и деревенских судов можно апеллировать к ближайшему фрейгерихту, но по делам не ниже 10 гульденов, за исключением дел о чести или наследстве.

Также от фрейгерихта можно апеллировать к ближайшему ландгерихту, однако по делам не ниже 100 гульденов.

Также от ландгерихта можно апеллировать к ближайшему гофгерихту, однако по делам не ниже 1.000 гульденов.

Также от гофгерихта можно апеллировать к камергерихту, однако по делам не ниже 10.000 гульденов.

В-седьмых, хорошо было бы, чтобы за исключением необходимого устранены были все имевшие доселе место пошрины, проводные деньги, пошрины со съестных припасов и другие подати и отягощения, чтобы свое корыстие не отягощало общей пользы.

Причина: Так много развелось пошрин у духовных и светских князей, графов, господ, рыцарей, дворян, прелатов и городов, что через это затруднены все купеческие сделки и простой человек покупает тем дороже розничный товар.

Также необходимые пошрины должны даваться на общепользные нужды—мосты, дороги, тропы, а остаток должен откладываться на общую пользу.

В-восьмых, все дороги в немецком народе должны содержаться свободно и без принуждения, без насилий и проводных поборов, без всякого исключения, ибо князья и господа держат их на правах лена от римской империи. А если в области какого-нибудь князя или господина кто-нибудь потерпит ущерб или у него будет отнято его имущество, то пусть этот самый князь или господин вполне ему за это заплатит и возместит убыток.

Также должна быть отменена всякая пошрина с вина, пива и меда, кроме того, что отчасти будет оставлено по основательной причине.

В-девятых, должны быть устранены помощи и другие податные новшества, за исключением того, что римскому императору должна быть оставлена его подать, которая взимается раз в 10 лет, как подтвердил бог в 22 гл. Матфея.

В-десятых, вся золотая и серебряная монета должна быть переплавлена и приведена к одному зерну и весу, однако без ущерба для вольностей и прав каждого. И чтобы всякое горное дело было сделано свободным, будет ли то золото, серебро, ртуть, медь, свинец или что другое, ничего не исключая.

Кроме того, необходимость требует, чтобы вся добыча золота, серебра, свинца и меди принималась имперскою камерою и покупалась за постоянную плату. У серебра и золота своя дорога. Если же будет добыта медь, содержащая в себе серебро, то последнее не нужно отделять плавлением, но следует прибавить к нему серебра, чтобы чеканить ортливы, геллеры и другую монету. Если же прогнать это со свинцом, то серебро оказывается само без

особого труда. Но если добудут медь и свинец, где серебра содержится немного, то последнее можно отделять плавлением и затем продавать.

Также появилось много новых господ, чеканящих свою монету, отчего старая хорошая монета пропала и распространилась в большом количестве малоценная монета. Хорошо было бы обратить внимание на эту вольность и старину. И что не находит себе основания и вольности в старых правах, то отменить, а исстари чеканивших свою монету, убедившись в необходимости,—допустить, и они должны от имперской монеты, как она будет установлена, иметь свой монетный доход. На одной стороны имперский орел, на другой — герб чеканящего монету господина.

Также было бы достаточно установить во всей империи 20 или 21 монетный двор. Они должны бы были под присягою и под страхом сожжения чеканить по всей империи золото и серебро одного зерна и веса, чтобы простой человек не терпел обманов с монетой. И чтобы такие монетные дворы были установлены сообразно с положением страны и торговыми оборотами.

Также указанные выше монетные дворы должны быть расположены в следующих странах и границах: Австрия, Бавария, Швабия, Франкония, верхнее течение Рейна.

Никто не должен портить монету под страхом сожжения, но отсылать серебряную и золотую монету в установленные монетные дворы и отвечать. За нее ему нужно платить по положению или как каждая монета будет вычеканена, если только она не окажется слишком малою или испорченною каким-нибудь иным образом.

Также в этих местах 63 крейцера должны стоить 1 золотой гульден.

Геллеры должны называть ортлихами.

Пфенниги должны называться геллерами.

Австрийские и страсбургские монеты, которые стоят 2 пфеннига, должны назваться пфеннигами. Другие новые серебряные монеты должны быть — гульден, полгульдена, ортер, полортера.

В-одиннадцатых, нужно обратить внимание на большие потери бедных при покупках и продажах. В империи должна быть введена одна мера, один локоть, один воз, одинаковый вес, одна длина для сукна, бумажей и всех других товаров.

Отсюда следует, что все пряности и другое, что продается на центнер, будет иметь одинаковый вес.

Но какие пряности или подобные товары продаются на фунты, должны иметь вес города Труа.

Также что продается или покупается из золота, серебра, жемчуга или тому подобного, должно, как и прежде, определяться малым весом.

Также винный воз, четверть и мера должны быть везде одинаковы. Но для пива, меда и тому подобного товара мера должна быть на четверть больше.

Также зерно¹, пшеница, горох, чечевица, стручки должны иметь полную меру; но негладкие плоды должны продаваться тою же самою мерою.

Также, всякий жирный товар должен продаваться пивною или медовою мерою; а какой жирный товар продается на центнеры или фунты, тот должен вешаться названным выше первым, большим, весом.

В-двенадцатых, чтобы компании, как Фуггеры, Гохштетеры, Вельзеры и т. п., были отменены, ибо от их произвола богатые и бедные терпят отягощение во всех товарах.

Составляется ли компания или кто хочет торговать один, в торговле нельзя иметь больше 10.000 гульденов. А у кого окажется больше, тот должен потерять в имперскую камеру основной капитал и избыток на половину.

Также купец, который сверх 10.000 гульденов имеет избыток в деньгах, может, кому хочет, давать ссуды и помогать по-евангельски.

Также, если купец, сверх своего вложенного в торговые дела капитала, имеет избыток в деньгах, то он может отдать их совету и в год брать 4 гульдена со 100. А господа советники могут ссужать их бедным людям под обеспечение и брать 5 гульденов со 100, и бедному и способному при этом можно будет кормиться.

Также, чтобы всякие вексельные сделки были запрещены и устранены под угрозой тяжелого наказания.

Также чтобы был установлен порядок между большими господами, которые ведут оптовую торговлю, чтобы бедные остались при розничном товаре и могли получать себе пропитание.

Также чтобы мелкие торговцы в городах, которые продают всякого рода товар и мелочи, были разделены и чтобы каждому разрешался только один товар.

Также чтобы впредь никакой прирожденный дворянин не получал лена ни от какого духовного князя или прелата и чтобы лены, которые доселе осуждались духовными, снова были свободны. Светские господа должны получать и нести светские лены как подобает, без отягощения для полу-

¹ „Зерно“ означает здесь рожь, наиболее распространенный хлеб в Германии в XVI в.

чающих. Такие ленные господа каждому носителю лена должны охранять и защищать его лен. А если ленные господа откажутся сделать это, то носитель такого лена больше не обязан носить и получать его, ни сам, ни его наследники, но будет впредь свободен. И пусть останется при том, что получит у указанного выше суда.

В заключение, чтобы были устранены всякие союзы князей, господ и городов и чтобы соблюдался только императорский мир, без всяких проводных поборов и отягощений, и всякие записи, установленные по этому поводу, должны быть устранены и никогда не должны устанавливаться впредь, под угрозой потери всех вольностей, ленов и регалий.

Также чтобы все в империи, даже иностранцы из других королевств, странствовали свободно и безопасно, верхом, в повозке, водою, пешком и не были принуждаемы ни к каким проводным поборам и ни какому личному или имущественному отягощению, на преуспевание бедному человеку и общей пользы. Аминь.

(Перевод А. Н. Савина. Из I вып. „Источников по истории реформации“).

21. Эрингенские статьи. Общинные жалобы в Эрингене.

Во вторник после воскресенья (т.-е. 4 апреля) в 1525 году внутренний и внешний совет и 24 выборных (следуют 24 имени) имели следующее ниже суждение.

Теперь да дарует господь счастье к постоянному миру.

Во-первых, прошение и желание общины, чтобы согласно с тем, как до сих пор в совете и суде было 12 лиц, эти самые 12 лиц оставались в совете, но чтобы впредь по общим и особенно важным городским делам в придачу к этим 12 были поставлены и взяты 12 честных и разумных лиц всячески помогать при обсуждении этих дел и также сидеть при общих городских счетах, расходах и приходах, во избежание больших пересудов. Однако относительно этой статьи нужно установить приблизительно так, как это устроено в Вейнсберге ¹ и других местах.

Во-вторых, желание общины, чтобы статуты и постановления после своего составления ежегодно прочитывались публично перед всею общиною, и потом, чтобы для обсуждения таких прочитанных статутов и постановлений, заседали вместе—двенадцать из внутреннего совета и другие две-

¹ Городок в 20 км. от Эрингена, где в эпоху крестьянской войны произошла бойня в первый день Пасхи.

надцать, поставленные (общиною), чтобы их улучшать, умножать и уменьшать, и в особенности по своему лучшему разумению, устранять дурные статуты и постановления и напротив—сочинять и принимать хорошие статуты и постановления.

В-третьих, вот прошение и мнение общины. Так как в году четыре ярмарки, то они отягощены солью. Пусть каждому будет позволено торговать солью не только на таких рынках, но и во всякое время, и пусть каждый может покупать соль на свои деньги, однако без принуждения. Но кроме того пусть и совет может торговать солью.

В-четвертых, вот прошение и желание общины. Пусть пошлину с вина дают как по старине, именно с ведра вина — меру с четвертью. Точно также и духовные лица должны быть включены в эту статью, и ни с кем в этом нельзя заключать никакого соглашения, но кто этого не соблюдает, должен быть наказан по определению совета.

В-пятых, они отягощены весом и в особенности относительно мяса. И потому прилежное прошение и моление общины, чтобы им позволили остаться при старом весе.

В-шестых, относительно весовых денег ¹ с зерна и полбы пусть берется половина (прежнего), именно два пфеннига с центнера.

В-седьмых, вот прошение и желание общины. Пусть почтенный совет переговорит с нашими милостивыми господами о хлебном рынке, чтобы им иметь его по старине и каждый мог подобающим и справедливым образом свободно продавать и покупать, как было в обычае при блаженной памяти графе Крафте.

В-восьмых, прошение и желание общины, чтобы при ближайших помочах ² заседали вместе двенадцать советников и другие двенадцать от общины и пусть они облегчат налог, насколько возможно облегчить; а если нельзя, то они поступят как послушные люди.

В-девятых, пусть каждый горожанин в Эррингене имеет право после уплаты десятого пфеннига, выехать со своею женою и детьми и через это освободиться от своего права гражданства и также от личной крепости, вместе с женою и детьми ³.

¹ У города были свои весы, на которых взвешивался всякий товар, при чем взималась известная плата.

² Так назывался поимущественный, а иногда подоходный налог, бывший очень тяжелым для города.

³ Уплата десятого пфеннига за отпуск означает уплату $\frac{1}{10}$ всего имущества. Эта пошлина указывает, что Эрринген в 1525 г. находился еще в крепостной зависимости от графов Гогенлоэ и что „право гражданства“ для его жителей не было особенно привлекательным.

В-десятых, так как до сих пор шли пересуды относительно общинной казны, то для предупреждения подобных пересудов прошение и желание общины, чтобы впредь занимались этим двое выбранных из совета и двое выбранных из внешнего совета и чтобы они помогали вести счета как подобает.

В-одиннадцатых, что касается пошрины, то они охотно готовы предоставить ее своим милостивым господам и удерживать в силе, но чтобы их милость из нее содержала и улучшала дороги и тропы без общинных издержек и убытков со стороны города.

(Перевод А. Н. Савина. Из I вып. „Источников по истории реформации“).

22. Из диалога Ульриха фон-Гуттена „Vadiscus“, 1520 г. ¹

Взгляните на великую житницу земного шара (Рим), куда стаскивается все то, что награблено и отнято у других земель; в середине ее сидит ненасытный хлебный червь, поглощающий несметные количества зерна; он окружен сонмом сотрапезников, высосавших сначала нашу кровь, затем обглодавших наше мясо, добравшихся, наконец, до мозга наших костей, которые они для этого разбивают и перегрызают и пережевывают все, что еще от нас осталось. Разве немцы не могут взяться за оружие, разве не станут они защищаться огнем и мечем? Вот грабители нашего отечества, которые раньше обирали наиболее сильную нацию только с непомерной жадностью, а теперь делают это с великим остервенением и нахальством; они утопают в немецком поте и в германской крови, они заполняют свою утробу нашими кишками и ими упитывают свое чревоугодие. Мы даем им деньги; на них они держат себе лошадей, собак, мулов, любовниц и мальчиков. На наши деньги они удовлетворяют своей злобе, живут праздно и весело, одеваются в пурпур, обряжают лошадей и мулов в золото, строят себе дворцы из чистого мрамора. Являясь носителями благочестия, они не только не благочестивы, но прямо презирают

¹ Ульрих фон-Гуттен (род. в 1477 г., ум. в 1523 г.), на-ряду с Эразмом Роттердамским и Рейхлином, является знаменитым немецким гуманистом. В противоположность последним, он примкнул к реформации и не только как писатель, но и как активный борец, отстаивая идею союза рыцарей с городами. Помимо целого ряда памфлетов, вызванных реформацией, Гуттен принимал участие в составлении известных „Писем темных людей“ — острой сатиры на схоластиков.

добродетель, глумятся над ней и оскорбляют ее. Прежде они опутывали нас мнимыми добродетелями, ложью, хитростями и обманом и добирались таким образом до нашего камелька; теперь они прибегают к угрозам, запугиванию и силе, чтобы ограбить нас, как это делают голодные волки. А нам еще приходится за ними ухаживать; мы не только не в праве ошипать или заколоть их, мы не смеем даже слегка их коснуться. Когда же мы, наконец, поумнеем настолько, что примемся мстить им? Если прежде нас удерживала от этого мнимая религия, то теперь нас принуждает к тому необходимость.

(Из книги К. Каутского: „Томас Мор и его утопия“. Птр. 1919 г. Стр. 62).

23. Из диалога Ульриха Гуттена „Разбойники“.

§ 153. Гуттен. Итак, знайте, во-первых, что все в Риме крайне испорчено и извращено и, как говорится, нет ничего здорового. Это является тем более погибельным, что выдумали сделать из этого города главу церкви. И там воздвигли бесстыжий идол в лице папы, ему предоставили все, даже право делать постановления, противоречащие учению Христа (до нашего времени папы издали много подобных постановлений), и удаляться, насколько захочет, от евангелия. Он же может сделать, кого захочет, вечно блаженным, какую бы дурную жизнь ни вел тот, и осудить души людей, ведущих самую невинную жизнь. § 154. Одним словом, он может все позволять себе, на что только не отважится. Никому не позволено ему противоречить ни во всеуслышание, ни про себя, и каков бы ни был и как бы он ни жил, нельзя лишить его власти, хотя бы церкви это и казалось нужным. Базельский собор дает ему это право, подчиняет ему церковь и ставит его власть выше авторитета собора. Все это противоречит как учению Христа, так и природе, которая не допускает, чтобы то, что может сделать бессмертный бог, было во власти кого-либо из смертных. Поэтому, неправильно тщеславятся папы, утверждая, что Христос дал им власть наобум и произвольно взять и разрешать здесь на земле, а бог отец во всяком случае утвердит их решения на небеси...

Тогда ты должен признать также невозможным положение курии, по которому папа не заблуждается, чтобы он ни делал, говорил, постановлял, хотя курия и признает, что он смертный человек, которому врождено ошибаться. А как согласуется поведение наших современников с апо-

стольским? На апостолов, однако, они должны походить, но те должны были добровольно отказаться от своего имущества, а эти с крайним корыстолюбием стремятся завладеть чужим. Как согласуется, что те, кому велено об'явить войну миру и пренебрегать всеми чувственными удовольствиями, предаются чувственным наслаждениям и вместе с миром ведут войну против духа, так что оказываются в возможно большем удалении от Христа.

§ 161. Каким святым человеком сочту я того, (кто бы он ни был), который завладеет овчарней Христа, чтобы пасти овец, руководствуясь любовью. Я надеюсь, что такой человек наконец сделает то, что приказал добрый пастырь — будет служить другим и, как говорит Павел ¹, „не будет искать своего, но пользы другого“. Теперь же становятся папой не для того, чтобы трудами и бдением заботиться о христианах и стараться о распространении веры Христовой, но чтобы жить наслаждаясь, ничего не делая, и покорять королевства и империи.

§ 162. Где есть другой род людей, который лучше умел бы веселиться и так доставлять себе наслаждения, хотя как раз им подобает трудиться и вести строгий образ жизни ²...

Они ведут дела римского папы и дают ему силы царствовать: ведь он не был бы столь могуществен, если бы куртизаны не исполняли столь искусно свои обязанности; благодаря их любострастию, корыстолюбию и честолюбию царствует антихрист — папа; они телохранители негодного господина и обременяют нас непомерной тиранией. § 163. Ведь они сами поставили папу и из золота, брошенного в огонь, вылили себе нового бога (подобно тому, как некогда в пустыне поступил безбожный народ). Этому идолу они оказывают более чем божеские почести, в его честь справляют праздники и пишут стихи, повсюду восхваляют и желают, чтобы мы все христиане без исключения поклонялись ему. Благодаря им позорнейшим образом в неумеренной роскоши расточают за границей негоднейшие люди то, что, добытое потом и кровью, здесь наши предки, руководимые благочестием, передали церквям.

§ 164. Они препятствуют заслуженному повышению всех хороших и ученых немцев на церковные должности. Так произошло, что те, которые ведут самый скверный образ жизни, занимают главнейшие церковные должности, а для хороших людей не остается места. Ведь какой

¹ 1-е посл. к Кор. X. 25.

² Здесь имеется в виду папская курия.

честный человек захочет купить священническое или епископское место? А благодаря им никто не может получить таинство священства даром, что явно противоречит учению Христа и апостольскому обычаю.

§ 165. Нельзя найти, нельзя выдумать наказания достойного их. Так много необычайных преступлений произошло по их вине, таким плохим примером служили они везде. Они погубили общественные нравы, они ввели разврат в жизнь. Нет более наглых негодяев: ибо они прикрывают авторитетом церкви самые скверные поступки и внушают людям мнение, что как раз там они исполняют свои обязанности, где особенно грешат. Крайне незаконно поступают они со своим отечеством, свою родину разоряют, чтобы созидать в другом месте, и обогащают чужой Рим, и чтобы получить от него в награду за позорную службу, часть награбленного в отечестве, они в Риме вредят друзьям, собственникам, родственникам и родителям.

§ 166. Поэтому может ли кто удивляться, что я ненавижу их больше, чем самого папу-тирана. Ведь они являются виновниками его чрезмерной власти; сам он не отважился бы нагло присвоить себе то, что они предлагают ему не только добровольно, но даже усиленно, так что римский папа может ссылаться на нашу волю. Они добровольно, совершенно не будучи к тому принуждены, желают, чтобы могущество папы было таким, о каком он без этого не мог даже мечтать, а не то чтоб осмеливаться нагло присваивать себе. Разве он попытался бы когда-нибудь грабить Германию, если бы не видал, что куртизаны дали ему возможность к этому.

§ 167. А вот новый, неслыханный грабеж; неизвестно более насильственного поступка с самого сотворения мира: благодаря их измене римские папы подчинили себе вселенского императора, отняли у него сперва Рим, затем большую часть Италии, а впоследствии осмелились заявить притязания на западную империю, как на свою собственность,

§ 168. Они предписывают немецким князьям законы и условия императорского избрания, запрещают стать императором тому, кого не хотят и кто не присягает им, отнимают у императора всю власть, все право царствовать, если он не пользуется ими в указанных папою пределах. Папы признают императора достойным приветствовать их не иначе как целованием ног и зовут его своим слугой и приказчиком. Деятельность куртизанов — истинный грабеж, истинное хищение, истинный разбой.

(Перевод В. С. Протопопова. Из 1 вып. „Источников по истории реформации“).

24. Аугсбургский религиозный мир, 25-го сентября 1555 г.

Ст. XV. Чтобы установить мир в Священной Империи Германской Нации между Римским императорским величеством и курфюрстами, князьями и чинами — пусть ни его императорское величество, ни курфюрсты, князья и т. д. не чинят никакому чину империи никакого насилия или зла по поводу Аугсбургского исповедания, но предоставят им в мире придерживаться своих религиозных убеждений, литургии и обрядов, равно как пользоваться и своим состоянием и другими правами и привилегиями, и полный религиозный мир должен быть достигнут только христианскими средствами согласия или же страхом наказания в форме имперской опалы.

XVI. Равным образом, имперские чины, придерживающиеся Аугсбургского исповедания, не будут мешать всем чинам и князьям, придерживающимся старой религии, жить в полном мире и пользоваться всеми их состояниями, правами и привилегиями.

XVII. Однако, все не принадлежащие к двум вышеупомянутым вероисповеданиям не будут включены в настоящий трактат, но будут совершенно исключены из него.

XVIII. Так как выяснилось, что предметом большого спора является вопрос о судьбе епископских, монастырских и других церковных бенефициев тех католических духовных лиц, которые с течением времени оставляют старую религию, то мы, в силу полномочий, полученных от Римского императора, постановили следующее: если архиепископ, епископ, прелат или какое-либо иное духовное лицо нашей старой католической религии откажется от нее, то их архиепископские, епископские, прелатские и прочие бенефиции со всеми их доходами должны быть оставлены ими без дальнейших возражений или промедлений. Монастыри и те, кто на то имеет право по общему закону или по местному обычаю, изберут лицо, исповедующее религию, которое может вступить во владение и пользование всеми правами и доходами бенефиция, без каких бы то ни было дальнейших препятствий и без предрешения какого-либо окончательного полюбовного религиозного соглашения.

XXIII. Никакой имперский чин не должен пытаться убеждать подданных других чинов оставить свою религию или защищать их против их собственных властей. Те, кто имеет от старых времен права патроната, не включены в настоящую статью.

XXIV. В случае, если наши поданные, принадлежащие к старой религии или же к аугсбургскому исповеданию, вознамерятся со своими женами и детьми оставить свои дома, чтобы поселиться в другом месте, никто не должен препятствовать им продавать свое имущество после уплаты ими надлежащих местных податей, или же наносить оскорбление их чести.

(Перевод Н. И. Никифорова. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 131 — 133).

25. Учение Кальвина о предопределении 1535 ¹.

В самой устрашающей неизвестности обнаруживается не только полезный, но и сладчайший плод этого учения. Никогда мы не будем определенно убеждены надлежащим образом, что наше спасение вытекает из источника бескорыстного сострадания божия, пока нам не станет известно его вечное избавление, которое в этом сравнении обнаруживает милость божью, так как он не всем вообще сообщает надежду на спасение, но дает одним то, в чем отказывает другим. Всем известно, насколько незнание этого принципа умаляет славу божью и лишает истинного смирения. Те, кто желает скрыть это, в сущности коварно затемняют то, что должно быть торжественно и громогласно прославляемо, и исторгают самый корень смирения. Те, которые запирают двери, чтобы кто-либо не решился вкушать от этого учения, наносят не меньшее оскорбление людям, чем богу.

С другой стороны толкуют: неужели (люди) были раньше по повелению божью предопределены к той испорченности, которая ныне объясняется осуждением? Таким образом, если они погибают в своей испорченности, они несут не что иное, как наказание за тот грех, в который по предопределению впал Адам и с собою погубил своих потомков. Неужели он так несправедлив, что столь жестоко издевался бы над своими созданиями? Конечно, признаю, что по воле божией все сыны Адама впали в то жалкое состояние, которым ныне они связаны: однако, как я говорил вначале, возвратить в прежнее состояние всегда принадлежит единственно определению божественной воли, причина которого скрыта в нем самом.

(Перевод Н. И. Никифорова. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 175 — 176).

¹ Жан Кальвин (род. в 1509 г., ум. в 1564 г.) — родоначальник второго, после лютеранства, течения в протестантизме. Первоначально он основал новую церковь в Женеве, откуда она распространилась во Франции, Нидерландах и Шотландии.

26. Разговор королевы-регентши ¹ с флорентийским послом по поводу Сен-Жерменского мира с гугенотами, в 1570 г. Из донесений Петруччи.

У нас совершенно отсутствовали деньги, этот нерв войны. Первые люди королевства находятся под властью дурных страстей, так что приказания короля исполняются с медлительностью. Вот почему, вопреки нашему желанию, нам нужно согласиться на мир и сделать гугенотам гораздо больше уступок, чем мы должны были бы сделать. Мы надеемся, что бог, который знает крайность, до которой доведена корона и что все делается к лучшему, доставит нам какое-нибудь средство и, тронутый добрыми намерениями и добродетелями короля, позволит своему королевству мало-по-малу оказаться в лучших условиях и своим вассалам возвратиться к католической религии.

Война разоряет страну, и притом (во время войны) невинные терпят столько же, сколько и виновные. Во время войны число гугенотов постоянно растет, потому что все бродяги, которые не имеют другого прибежища, не принадлежа к их секте, присоединяются к ним и увеличивают их ряды.

Не наша воля заставила нас действовать, необходимость принуждает!

(Перевод Н. И. Никифорова. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 183).

27. Варфоломеевская ночь, 24-го августа 1572 г. Из рассказа современника, гугенота д'Обинье ².

С вечера герцог де-Гиз, главный руководитель предприятия ³, призвал к себе нескольких французских и швейцарских капитанов и сказал им: „Вот настал час, когда по воле короля следует отомстить роду, противному богу; зверь в тенетах, и нельзя допустить, чтобы он спасся; вот честь, дешевая прибыль и средства совершить без опасности больше, чем то могло сделать столь великое количество крови, пролитой нашими“. Сказав это, он поме-

¹ Мать короля Карла IX, Екатерина Медичи.

² Теодор Агриппа д'Обинье (род. в 1550 г., ум. в 1630 г.) — крупный писатель XVI в., автор мемуаров под заглавием: „Всеобщая история“. Он был одним из ближайших соратников Генриха Наваррского.

³ Генрих Гиз род. в 1555 г., убит в 1588 г. Один из главарей католической партии и организатор Варфоломеевской ночи.

щает своих капитанов по обеим сторонам Лувра ¹, приказав им не выпускать оттуда никого из сторонников принцев Бурбонов; Коссену увеличивают и обновляют число его людей с тем же поручением относительно дома, который он охранял; отсюда он посылает разыскать президента Шаррона, бывшего уже несколько дней городским головой. Последний извещает всех капитанов города, что они должны быть готовы в полночь перед городской ратушей. Там они получили из уст Марсея (так как он пользовался большим влиянием на короля) желанное, хотя и странное, приказание; особенно странным казалось приказание не щадить никого, и что все города Франции поступят, как они; было приказано, чтобы все они, в качестве отличительного знака, имели белую повязку на левой руке и крест на шляпе, — чтобы они узнали час экзекуции по звону большого колокола во дворце и зажгли огонь в окнах.

В полночь королева ², которая опасалась какой-либо перемены в короле, входит в комнату своего сына, где были герцоги де-Гиз и де-Невер, Бираг, Тавани и граф де-Ретц, приведенные сюда старшим братом короля. Заметивши в короле некоторое колебание, королева, среди других разговоров, чтобы ободрить его, произнесла следующие слова: „Не лучше ли растерзать эти гнилые члены, чем лоно церкви, супруги господа нашего“. Король решился, и она ускоряет набат во дворце, приказав звонить на 1½ часа раньше колокола Сен-Жермен-Оксерруа ³. Улицы уже были полны вооруженных людей, на шум которых хотели собраться протестанты, которых король распорядился разместить вблизи Лувра, но, после того как на их расспросы им ответили, что это приготовление к турниру, кто-то, желавший пройти далее, был ранен гасконцем из гвардии; так как в это время слышался первый набат и нужно было начать преследование, то герцог де-Гиз и шевалье д'Ангулем, которые всю ночь повсюду отдавали приказания, берут с собой герцога д'Омаль и приходят к квартире адмирала, который, услышав шум, воображал, что происходит бунт против самого короля; однако, он изменил свое мнение, когда Коссен, которому открыл дверь тот, у кого были ключи, пронзил его кинжалом на глазах швейцарцев, из которых один был убит в то время, как хотел загородить дверь. Вот герцог де-Гиз во дворе, и Коссен, с капитанами Атэном, Кардильяком, итальянцем

¹ Королевский дворец.

² Екатерина Медичи.

³ Знаменитое аббатство в Париже.

Сарлабосом и немцем, по имени Бем, добрались до крыльца. Адмирал ¹ стоял со своим пастором Мерленом, хирургами и немногими слугами, которым он без смущения на лице говорил: „Это моя смерть, которой я никогда не боялся, ибо это от бога; не нужно мне более человеческой помощи. Ради бога, друзья мои, спасайтесь“. Пока они испытывают сломанные двери, Бем входит в комнату; он находит адмирала в ночном платье и спрашивает его: „ты адмирал?“. Ответом было (по рапорту д'Атэна): „молодой человек, уважай мою старость: пусть, по крайней мере, я умру от руки дворянина, а не этого денщика“. Но на эти слова Бем пронзил его шпагой и, извлеки ее, рассек ему лицо на-двое палашом. Герцог де-Гиз спросил, сделано ли дело, и когда Бем ответил, что да, ему приказали выбросить тело за окно, что он и сделал.

Говорят, что ему на лицо накинута платок, чтобы оттереть кровь и узнать его; также говорят, что герцог перед тем, как отправиться по улицам и повсюду ободрять к хорошему завершению того, что было так счастливо начато, дал ему пинка в живот. Народ, разбуженный звоном дворцовых часов, сбегается к квартире убитого и отрубает все части, какие можно было отрубить, особенно голову, которая дошла до Рима: они волокут его по улицам (как он сам предсказал, не предполагая этого), бросают его в воду, вытаскивают обратно, чтобы повесить за ноги на Монфоконе ² и внизу зажигают огни, чтобы в своем мщении использовать все стихии. Через несколько дней он был снят с этой виселицы сторонниками Монморанси и похоронен в часовне Шантильи... Его квартира была отдана на разграбление всем желавшим, за исключением бумаг, которые королева позаботилась конфисковать.

(Перевод Н. И. Никифорова. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 184—187).

28. Письмо Генриха IV к папе Клименту VIII по поводу своего обращения в католичество 9-го августа 1593 года.

Святейший отец, признав по внушению, которое угодно было богу дать мне, что католическая апостольская римская церковь есть истинная церковь, в которой заклю-

¹ Колиньи, который вместе с принцем Конде, были главарями протестантской партии во Франции.

² Находившееся за городом лобное место, где стояла огромная виселица, на которой вешали преступников.

чается спасение людей, и будучи укреплен в этой вере разъяснениями, данными мне прелатами и докторами святого богословского факультета, которых я собрал для этой цели, по поводу пунктов, которые отделяли меня в прошлом, я решил присоединиться к этой святой церкви, твердо решив жить и умереть в ней с помощью того, кто оказал мне милость призвать меня к ней. И, чтобы положить начало этому доброму делу, я, после принятия упомянутыми прелатами, при соблюдении форм и церемоний, которые они признали необходимыми и которым я охотно подчинился, в воскресенье 25-го июля (1593 г.) слушал мессу и присоединил мои молитвы к молитвам других добрых католиков, как соединенный с церковью, с твердым намерением пребывать в ней всю жизнь и оказывать вашему святейшему и святому престолу должное повиновение и уважение, как то делали христианнейшие короли, мои предшественники; будучи убежден, святейший отец, что ваша святость почувствует радость от этого святого дела, которое соответствует месту, где богу угодно было его совершить, я пожелал, в ожидании, пока я более полным образом засвидетельствую вам свое почтение (ибо через несколько дней я с этой целью отправлю к вам торжественное посольство, с лицом высокого звания во главе), дать вам в этих немногих, написанных мною строках, первое свидетельство моей сыновней преданности вашему святейшеству, усердно прося его принять это свидетельство благосклонно и настолько хорошо, насколько оно исходит от искреннего и полного любви сердца, чтобы я мог своими поступками заслужить его святое благословение. Затем, святейший отец, молю бога, да угодно ему будет надолго сохранить ваше святейшество в добром здравьи для доброго управления его святой церковью.

Ваш добрый и благочестивый сын Генрих.

Сен-Дени, 9-го августа 1593 г.

(Перевод Н. И. Никифорова. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 188—189).

29. Нантский эдикт 13 апреля 1598 г.

Генрих, божиею милостью, король Франции и Наварры, всем присутствующим и имеющим явиться, привет. Этим вечным и неотменимым эдиктом мы сказали, объявили и повелели следующее.

Ст. I. Во-первых, что воспоминание обо всем, что произошло с той и другой стороны с начала марта 1585 г.

до нашего коронования и в течение других предшествовавших смут, будет изглажено, как будто ничего не происходило. Ни нашим генеральным прокурорам, ни иным лицам, государственным и частным, не будет позволено никогда и ни по какому поводу упоминать об этом или преследовать судебным порядком в каких бы то ни было трибуналах и юрисдикциях.

III. Повелеваем, чтобы католическая апостольская римская религия была восстановлена во всех местах нашего королевства и повинующихся нам странах, где отправление ее было прервано, и да исповедуется она мирно и свободно, без всяких смут и препятствий.

VI. Чтобы не дать никакого повода к смутам и распрям среди наших подданных, мы позволили и позволяем исповедующим так называемую реформированную религию жить и обитать во всех городах и местах нашего королевства и подчиненных нам областях, без преследований, притеснений и принуждений делать что-либо в деле религии, противное их совести; их не будут по этому поводу разыскивать в домах и местах, где они пожелают жить.

XIII. Мы весьма определенно запрещаем всем придерживающимся названной религии проявлять ее в службе, уставе, дисциплине или в народном образовании в нашем королевстве и подчиненных нам областях, а также во всем, что касается религии, за исключением мест, где это дозволено и пожаловано настоящим эдиктом.

XIV. (Запрещается) также всякое оказательство названной религии при нашем дворе и в нашей свите и, равным образом, в наших землях и провинциях за Альпами, а также в нашем городе Париже и в окружности на пять миль от Парижа; однако, все держащиеся названной религии, проживающие в упомянутых землях и заальпийских провинциях, в нашем городе Париже и окружности его на пять миль, не могут быть ни разыскиваемы в своих домах, ни принуждаемы делать что-либо против совести в отношении их религии, в остальном поступая согласно содержанию нашего настоящего эдикта.

XXI. Книги, касающиеся названной религии, могут печататься и публично продаваться только в городах и местах, где допущено публичное отправление названной религии.

XXII. Повелеваем, чтобы не было никакого различия в отношении названной религии при приеме учеников в университеты, коллегии и школы, а больных и бедных в госпитали и учреждения общественного призрения.

XXV. Желаем и повелеваем, чтобы все исповедывающие так называемую реформированную религию и их сторонники, какого бы звания и положения они ни были, обязались и принуждались всеми должными и разумными средствами, под страхом наказаний, содержащихся в эдиктах по этому поводу, платить и выполнять десятины священникам и прочим духовным и всем, кому они принадлежат, согласно обычаю и кутюму местности ¹.

XXVII. Чтобы тем лучше объединить желания наших подданных, согласно нашему намерению, и на будущее время прекратить все жалобы, мы объявляем, что все, кто исповедует или будет исповедывать так называемую реформированную религию, имеют право занимать и исправлять все общественные должности — королевские, сенъериальные или городские в нашем королевстве и подвластных нам провинциях, землях и сенъериях, несмотря на все противоречащие сему клятвы, и могут быть принимаемы и допускаемы к ним без различия.

Дан в Нанте, в апреле 1598 г., в девятый год нашего царствования.

(Подпись): Генрих.

(Нижне): По повелению короля в его Совете. Форже.

Секретные статьи:

II. Исповедующие названную религию не могут быть принуждаемы ни строить и чинить церкви, часовни и священнические дома, ни покупать облачения, освещение, колокола... ни к другим подобным вещам, если только они не обязаны делать все это вследствие вкладов, завещаний и иных распоряжений, сделанных ими или их предками и предшественниками.

III. Также они не будут принуждаемы украшать фасады своих домов в дни праздников, как это должно делать; но нужно допустить, чтобы фасады украшались местными властями без того, чтобы исповедующие названную религию платили что-либо по этому поводу.

Дано в Нанте 9-го мая 1598 г., в 9-й год нашего царствования.

(Подпись): Именем короля, Форже.

(Перевод Н. И. Никифорова. Из „Хрестоматии“ П. Н. Ардашева, стр. 191—195).

¹ Кутюмы — тоже обычное право, но записанное и кодифицированное.

30. Ответ Генриха IV депутации тулузского парламента по поводу Нантского эдикта, 3-го ноября 1599 года.

Странно, что вы до сих пор не можете отделаться от дурных повадок. Прекрасно вижу, что в вашем чреве все еще сидит испанец ¹. Кто бы поверил, что люди, ставившие на карту свою жизнь, свое имущество, состояние и личное благополучие ради защиты и сохранения королевства, будут недостойны почетных общественных должностей, как какие-нибудь коварные лигисты ², заслуживающие преследования и изгнания из пределов королевства. И в то же время те, которые сделали все возможное для того, чтобы погубить государство, должны рассматриваться как добрые французы, достойные и способные занимать должности. Нет, я не слеп, я вижу ясно. Я хочу, чтобы протестанты жили мирно в моем королевстве и допускались к общественным должностям — не потому, что они протестанты, а постольку, поскольку они — верные слуги мне и французской короне. Я хочу, чтобы мне повиновались и чтобы мой эдикт был обнародован по всему королевству. Все мы опьянели от войны, и пора, наконец, взяться за ум.

(Перевод П. Н. Ардашева. Из его „Хрестоматии“, стр. 196).

31. Устав ордена иезуитов ³.

Кто желает быть членом нашего общества, которое мы называем именем Иисуса, кто желает сразиться под знаменем Христа и служить одному господу богу и его наместнику на земле, римскому папе, тот должен

¹ Намек на католическую непримиримость и религиозную нетерпимость, которыми отличались испанцы.

² Главари католической лиги, которым Генрих не мог простить их эксцессов против своих бывших единоверцев.

³ Орден иезуитов возник в 40-х годах XVI в., когда началась усиленная борьба католицизма с религиозной реформацией. Основателем ордена был испанский дворянин Игнатий Лойола, причисленный позже к лику католических святых. Орден вскоре приобрел необычайное могущество, будучи подчинен непосредственно папе. Члены его были освобождены от некоторых монашеских обетов и обязанностей, напр., могли носить светское платье, не жить в общежитиях и т. д. Это давало возможность им, в случае нужды, скрывать свою принадлежность к „Обществу Иисуса“. Основной задачей ордена ставил утверждение католицизма и борьбу с ересями, а главные средства для этого видел в организации школы, миссионерстве и постановке проповеди и исповеди, проникнутых оппортунистической моралью, которая обеспечивала иезуитам успех в самых широких слоях католического общества.

дать торжественный обет целомудрия и вечно помнить цели нашего общества. Оно основано единственно для того, чтобы совершенствовать людей в христианском учении и жизни и распространять истинную веру проповедыванием слова божия, духовными упражнениями и умерщвлением плоти, подвигами любви, воспитанием юношества и наставлением тех, кто не имеет истинного понятия о христианстве, наконец, исповеданием верующих и подаванием христианского утешения. Он никогда не должен упускать из виду бога, или, точнее, цели учреждения нашего ордена, ибо она одна представляет истинный путь к богу, и всеми силами стараться осуществить эту цель. Каждый должен довольствоваться тою мерою благодати, которая дарована ему святым духом, и не должен питать неразумной ревности к другим, которые, быть может, одарены ею более. Для того, чтобы поддерживать порядок, необходимый в каждом благоустроенном обществе, мы из среды нашей должны избрать себе главу, или генерала, и он один будет иметь право решать, на какое дело кто годен и кому поручить какое занятие.

Генерал, с согласия прочих членов ордена, должен иметь право постановлять для общества известные правила и уставы, какие сочтет нужными для цели общества; но он не может ничего постановлять без ведома и совета прочих членов. Поэтому, в важных случаях, при установлении общих правил и положений, имеющих для ордена прочное и постоянное значение, генерал должен созывать на совет всех членов общества или, по крайней мере, большую часть их, и тогда вопрос решается простым большинством голосов; в менее важных случаях, и особенно в делах, не терпящих отлагательства, достаточно созвать на совет только тех членов, которые найдутся поблизости. Но приводить уставы в исполнение, — т.-е. начальническая и исполнительная власть, — принадлежит одному генералу.

Да будет известно всем членам нашего общества и да напишут они это неизгладимыми буквами не только на дверях своих обителей, но и в сердцах своих на всю свою жизнь: все наше общество и, следовательно, все и каждый, кто в него вступает, обязываются верно повиноваться нашему святому отцу — папе и всем преемникам его и только с этим условием имеют право трудиться для бога. Хотя евангелие учит, и потому церковь признает догматом, что все верующие во Христа обязаны повиновением и покорностью римскому папе, как видимому главе церкви и наместнику Иисуса Христа, тем не менее, чтобы показать

великое смирение нашего общества вообще и полное самоотречение члена его в особенности, чтобы всенародно засвидетельствовать решительный отказ наш от собственной воли, мы обязываемся принять особый обет послушания. Обет этот должен состоять в том, что мы обещаем всегда немедленно и безответно повиноваться всему, что прикажут нам нынешний или будущие папы — насколько это послужит для блага душ и для распространения религии, какие бы поручения они нам ни давали, хотя бы они послали нас к туркам или к другим неверным, даже в самую Индию, или к еретикам — лютеранам, схизматикам и правоверным. Поэтому все, кто намерен поступить в наше общество, должны, прежде чем принять на себя такое бремя, хорошенько взвесить и подумать, обладают ли они для этого достаточною душевною силою, чтобы с божьей помощью взобраться на такую крутизну; они должны подумать, одарил ли их на это дело святой дух такую степень своей благодати, чтобы они могли надеяться при его помощи не пасть под великим бременем такого призвания. Но, раз решившись твердо быть Христовым воином, они должны денно и нощно не снимать меча и каждый час быть готовыми выполнять свои обязанности.

Никто из членов общества не должен увлекаться честолюбием, самовольно брать на себя миссии и должности и, тем более, вступать от своего лица посредственно или непосредственно в переговоры с римским престолом или вообще с духовными властями; все это принадлежит одному наместнику Христа — папе и генералу ордена. Все приказания должны исходить от них; но если член ордена получил какое-либо поручение, то ни под каким видом не должен отказываться от него и обязан немедленно его исполнять. Генерал, со своей стороны, обязывается не входить без ведома общества ни в какие соглашения с папой по важным миссионерским предприятиям.

Все и каждый должны дать обет безусловно повиноваться генералу во всем, что касается уставов ордена; генерал же обязывается давать только такие приказания, которые, по его мнению, клонятся к достижению цели общества. Особенно он должен стараться о том, чтобы общество никогда не упускало из виду воспитания юношества и наставления невежественных взрослых в главных основаниях христианского учения: в десяти заповедях и прочих главнейших положениях христианства, более или менее подробно, смотря по обстоятельствам времени и места и по способностям лица. Это тем необходимее, что без оснований христианской веры невозможна и истинная добродетель.

тель. Генерал и все общество должны обращать строгое внимание на то, чтобы никто из членов ордена не отказывался посвящать себя первоначальному обучению христиан, воображая, что он призван совершить нечто более высокое, и считая такую деятельность слишком ничтожною для своих способностей и познаний; между тем, ничто не может быть полезнее этого первоначального обучения как для наставления ближних, так и для подвигов смирения и милосердия и, наконец, для достижения нашей цели. Словом, для пользы ордена и в видах постоянного упражнения себя в смирении, члены общества должны во всем и всегда повиноваться генералу, по правилам общества, и чтить в нем представителя Христова.

„Опыт учит, что только те люди ведут чистую, назидательную и полезную жизнь, которые более всего чужды яда алчности и всего более, приближаются к евангельской бедности; далее известно, что господь Иисус Христос сам заботится о питании, одеянии рабов своих, служащих царству небесному; поэтому все и каждый член нашего ордена не станут присваивать себе недвижимости, владений и доходов их, а будут довольствоваться тем, что миряне добровольно пожертвуют им на бедность их. Но они могут иметь при университетах коллегии и для этих коллегий могут нанимать имения и другие имущества с доходами и процентами с них, дабы обращать их на пользу и надобности учащихся. Надзор за коллегиями и учащимися, управление ими и их доходами принадлежат одному генералу и уполномоченным от него братьям. Они заведывают всем, что касается принятия, увольнения, возвращения и исключения учителей, смотрителей и учеников, также введения устава, правил и приложений, обучения и руководства для учащихся, наставления их, наказания, пищи и одежды—словом, всего, что касается воспитания, попечения и управления. Таким образом, всего удобнее предупредить злоупотребления имуществами и доходами со стороны учеников; что же касается общества, то оно ни под каким видом не может обращать коллегияльных имуществ в свою пользу. Все доходы с коллегияльной собственности должны употребляться на воспитание учеников; по достижении ими достаточных познаний в науке, общество может, по тщательному испытании, принимать их в свою среду и давать места учителям.

Все члены ордена, посвященные в священники, должны отправлять все церковные требы, хотя бы они не имели ни прихода, ни вообще постоянной должности и доходов с них; они должны отправлять церковные службы каждый особо

каждый сам по себе, а не все вместе, как монастырская братия.

Таков устав нашего ордена, составленный нами под покровительством святого отца Павла и представленный нами на утверждение апостольского престола. Это краткий очерк, но, тем не менее, довольно ясный для тех, кто интересуется нашими намерениями и деятельностью. Он может служить руководством всем, кто пожелал бы вступить в орден. Мы по опыту знаем, каким тяжким испытаниям подвержена жизнь, подобная нашей, и потому постановили не допускать никого в наше общество без предварительного искуса. В воинство Иисуса следует принимать только тех, кто выказал усердие в служении Христу и оказался чист в жизни. Да ниспошлет Христос милость и благодать свою нашему слабому начинанию во славу бога отца, ему же слава во веки. Аминь.

Из „Хрестоматии по новой истории“ Я. Г. Гуревича. Т. I.
Изд. 5 е, переработанное Н. П. Боренким-Бергфельдом, С. В.
Вознесенским и Я. Я. Гуревичем. Спб. 1914 г., стр. 526—528).

Оглавление.

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. — Экономический переворот.

I. Итоги экономич. развития средневековой Европы. 3—10

Сущность экономического переворота XVI в.	3
Дифференциация средневекового хозяйства и возникновение товарно-денежных отношений	—
Появление денег, как средства обмена и как эквивалента всех обращавшихся на рынке товаров	5
Социальные последствия общественного разделения труда и по- явления торговли	—
Торговля с Левантом и рост накопления капиталов	6
Расширение рынка и возникновение товарно-домашней и ману- фактурной форм производства	7
Образование на основе торгового капитализма национальных государств	8

II. Географич. открытия конца XV и начала XVI в.в.] 10—18

Обстоятельства, приведшие к географическим открытиям . . .	10
Первые колоннальные предприятия Португалии и Испании . .	11
Открытие португальцами морского пути в Индию	12
Открытие Колумбом Америки	14
Захват европейцами новых земель и первые колонии	15
Научные изобретения, способствовавшие географическим от- крытиям	17

III. Социально-экономические последствия открытия Аме- рики и морского пути в Индию. 18—37

Изменение путей мировой торговли и перемещение торговых центров в Европе	18
Колониальное хозяйство, как арена колоссального роста перво- начального накопления капиталов в Европе	19
Массовый наплыв в Европу драгоценных металлов и рево- люция цен	26
Возникновение банков и бирж	31
Разложение цехового ремесла и распространение крупного производства	32
Меркантилизм, как система экономических воззрений и практи- ческих мероприятий эпохи торгового капитала	35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. — Реформация.

I. „Порча церкви“	38—61
Землевладение, как одна из основ могущества церкви в раннее средневековье	38
Движимый капитал и его роль в усилении дальнейшего могущества церкви	44
Происхождение и усиление в церкви папской власти	48
„Обмирщение“ католической церкви и папства в эпоху расцвета товарно-денежных отношений	50
Появление оппозиции против католической церкви и папства	54
Догматическая программа реформации	57
II. Реформационное движение в Германии	62—113
1) Политическое устройство Германии накануне реформации	
Характер политического объединения Германии	62
Положение территориальных княжеств	64
Имперские города	68
Попытки политических реформ в Германии в XV в.	71
2) Реформация в Германии	
Выступление Лютера, как сигнал к началу реформации в Германии, и борьба вокруг церковной реформы различных общественных классов	72
Движение рабочих в Цвиккау	74
Рыцарское восстание	77
Причины Великой крестьянской войны	80
Ход крестьянской войны	85
Коммуна в Мюнстере	93
Княжеская реформация в Германии и Аугсбургский мир	100
III. Религиозные войны во Франции	113—135
Социальные корни французской реформации	113
Зарождение во Франции реформационного движения и характер его в начальный период	122
Присоединение к реформации феодального дворянства и муниципальной буржуазии	125
Ход гражданской войны во Франции	127
Хрестоматия	136—204
1. Из письма Тосканелли к Колумбу, 1474 г.	136
2. Из письма Петра Мартира к графу Тендилье, из Барцелоны, в сентябре 1493 г.	137
3. Свидетельство аббата Тритемия об изобретении книгопечатания	—
4. Из письма Фердинанда Кортеса к испанскому королю Карлу V	138
5. Экономическое состояние Германии в середине XV в., по свидетельству Энея Сильвия Пикколомини	139
6. В доме Фуггеров, в Аугсбурге, по свидетельству Ганса фон Швейнихена	141

	Стр.
7. Германское рыцарство в XVI в., в изображении Геца фон-Берлихингена	142
8. Немецкие ландскнехты в XVI в., по свидетельству Себастьяна Франка	143
9. Дворянство, бюргерство и крестьянство в Германии в эпоху реформации, по свидетельству Себастьяна Франка	145
10. „Похвала Глупости“ о представителях католического духовенства	148
11. Из „Автобиографических воспоминаний“ Лютера	155
12. Индульгенция от 1455 г. и две формулы прощения грехов	158
13. Из положений Тецеля 1517 г.	160
14. Из 95 тезисов Лютера, от 31 октября 1517 г.	161
15. Из „Жалоб немецкой нации“, поданных Базельскому совету	162
16. Послание Лютера христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния	163
17. Из послания Лютера к саксонскому герцогу Иоанну. 1523 г.	166
18. Из памфлета Лютера против разбойных и грабительских шаек крестьян	171
19. „Двенадцать статей“	172
20. Гейльбронская программа	178
21. Эрингенские статьи. Общинные жалобы в Эрингене	186
22. Из диалога Гуттена „Vadiscus“ 1520 г.	188
23. Из диалога Гуттена „Разбойники“	189
24. Аугсбургский религиозный мир 25 сентября 1555 г.	192
25. Учение Кальвина о предопределении, 1535 г.	193
26. Разговор королевы-регентши с флорентийским послом, по поводу Сен-Жерменского мира с гугенотами, в 1570 г.	194
27. Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г., по рассказу современника, гугенота д'Обинье	—
28. Письмо Генриха IV к папе Клименту VIII, по поводу своего обращения в католичество, 9 августа 1593 г.	196
29. Нантский эдикт 13 апреля 1598 г.	197
30. Ответ Генриха IV депутации тулузского парламента по поводу Нантского эдикта, 3 ноября 1599 г.	200
31. Устав ордена иезуитов	—

✿ РАБОЧЕЕ ✿
ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРИБОЙ“

Ленинград, проспект 25 Октября, дом № 52.

ЦЕНА.
А. Е. КУДРЯВЦЕВ. Великая английская революция 1 р. 25 к.
Н. Н. АНДРЕЕВ. Рим — 65 .

С. И. КОВАЛЕВ.

Всеобщая история

в популярном изложении для самообразования

Стр. 144.

Часть I. Древний Мир.

Цена 1 р. 75 к.

ЦЕНА.
Я. ЗАХЕР. Очерки по истории бешеных эпох Великой французской революции — р. 45 к.
Н. ТАЛЕС. Парижская коммуна 71 года — 75 .
С. И. КОВАЛЕВ. Курс всеобщей истории, т. I 1 . 75 .

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„Коммунистический Университет на Дому“.

Журнал ставит своей задачей дать марксистско-ленинское воспитание рабочим и крестьянам, не имеющим возможности получить его непосредственно в учебном заведении, а также и для тех, кто хотел бы пополнить уже имеющ. знания.

ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ:

1. Общественно-экономический.	3. Вопросы и ответы (с в з а з ь с читателем).
2. Естественно-научный. ♦♦♦	4. Критико-библиографический.

В общественно-экономическом отделе излагаются следующие курсы: ленинизм, диалектический материализм, история РКП, политическая экономия, экономическая политика и хозяйство Союзной Республики, история общественных форм, экономическая география, профдвижение СССР, Профинтерн и Коминтерн, кооперация, статистика, право и конституция СССР и друг.

В естественно-научном отделе будут освещаться основные вопросы биологии, физики, геологии, подробно освещаемые в другом издании „Прибой“ — „Народный Университет на Дому“. Отдел вопросов и ответов — дает исчерпывающие ответы на любые вопросы читателей и ведет с ними переписку-беседу.

Цена 90 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“. Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ“, Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09

2018814482

